

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АДЫГЕЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Чистякова Ольга Александровна

**ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ
ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ)**

5.4.6 - социология культуры

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Ляужева Светлана Аслановна

Майкоп - 2025

Содержание

Введение	3
ГЛАВА 1. Теоретико-методологические основы социокультурного анализа интеграции внешних мигрантов в поликультурное общество	25
1.1. Миграционные процессы в современном обществе	26
1.2. Модели включенности мигрантов в принимающее сообщество	56
1.3. Влияние поликультурного пространства региона на интеграцию мигрантов	76
ГЛАВА 2. Эмпирический анализ социокультурных стратегий и практик интеграции мигрантов в поликультурное пространство Республики Адыгея	98
2.1. Социокультурный анализ миграционных установок мигрантов в Республике Адыгея	99
2.2. Анализ социальных полей и габитуса в процессе интеграции мигрантов Республики Адыгея	121
2.3. Социокультурные стратегии интеграции мигрантов поликультурного российского региона	144
Заключение	163
Список использованной литературы	166
Приложения	190

Введение

Актуальность исследования. Миграция в современном мире представляет собой не просто перемещение людей, а выступает мощным фактором, формирующим социокультурный, социально-экономический и политический ландшафт принимающих сообществ. С одной стороны, миграция оказывает определяющее воздействие на экономическую составляющую жизнедеятельности общества, изменяя структуру трудовых ресурсов стран и регионов, воздействуя на динамику рынка труда и демографические показатели страны. С другой стороны, миграция оставляет глубокий след в социокультурной жизни принимающего сообщества.

Исследования современного состояния процессов внешней миграции становятся особенно важными в свете современной геополитической ситуации, оказавшей и продолжающей оказывать влияние как на страны и народы на глобальном уровне, так и на российское общество. Ответом на введение семнадцати пакетов санкций против России с начала Специальной военной операции на Украине в феврале 2022 года явилось смещение приоритетов, с одной стороны, на масштабную мобилизацию внутренних ресурсов, а, с другой стороны, на более активное и всестороннее социально-экономическое и культурное взаимодействие с дружественными странами, что отражается и в миграционных потоках.

Усиление этноконфессионального многообразия России, а также рост числа мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья, требуют переосмысления традиционных моделей интеграции, а также разработки новых стратегий управления этнокультурным разнообразием страны.

Говоря о рисках в сфере миграции, мы, вслед за российскими исследователями Ю.А. Зубок и В.И. Чупровым¹, обращаем внимание, прежде всего, на социальные аспекты рисков межкультурного взаимодействия

¹ Зубок Ю.А., Чупров В.И. Угрозы в трансформирующейся среде обитания как фактор социальных рисков: прогнозирование и регулирование // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 57-67.

мигрантов и принимающего сообщества. Мы считаем возможным современную ситуацию охарактеризовать как «рискогенную реальность»², требующую выработки эффективных способов жизнедеятельности социума в создавшихся условиях.

Межкультурное взаимодействие мигрантов и принимающего общества обретает дополнительные риски, если это общество является поликультурным и полиэтничным, к каковым относится большинство российских регионов. Важнейшими задачами, возникающими перед нынешним поликультурным обществом, являются формирование межэтнической толерантности, реализация ее коммуникативного потенциала и тем самым преодоление негативных тенденций в сфере межэтнических отношений. С усилением миграционных потоков эти задачи еще более актуализируются.

В условиях быстро меняющегося мира, характеризующегося в категориях нестабильности и турбулентности, актуализируется поиск тех ресурсов и механизмов, которые за небольшой отрезок времени могут обеспечить стабильность общества. Основная задача всех акторов взаимодействия в сфере миграции – повышение социально-экономического, интеллектуального и социокультурного эффектов миграции и снижение конфликтологического и/или деструктивного потенциалов миграционных потоков. В этой связи социологическое осмысление современных миграционных процессов продолжает быть востребованным, поскольку социологический инструментарий позволяет оценить социальные последствия и эффекты от разных этапов вхождения мигрантов в принимающие сообщества.

Кроме того, государственный вектор на устойчивое развитие российских регионов делает еще более востребованным социологический анализ различных форм социальных изменений, среди которых социокультурная интеграция мигрантов в региональное пространство занимает важное место. Более того, когда речь идет о поликультурном

² Там же.

региональном пространстве, проблема интеграции усложняется и требует дополнительных как управленческих, так и исследовательских усилий в сфере миграционной политики. Очевидно, что принимающие общества не готовы к потокам мигрантов, другими словами, они не имеют ни встречной интеграционной стратегии, соответствующей современным реалиям, ни достаточного опыта выстраивания отношений с внешними мигрантами, основанными на уважении к их гражданской, этнической и религиозной идентичностям, выстроенным на позитивном диалоге культур. Как отмечает В.И. Мукомель, «...россияне убеждены, что культуры мигрантов размывают культурное ядро локальных сообществ, что их приток угрожает социальной стабильности, провоцирует конфликты между принимающим населением и мигрантами; что мигранты не уважают традиции и нормы поведения, принятые в их сообществе»³. Между тем именно в поликультурном обществе имеются все ресурсы и механизмы, позволяющие вывести интеграцию мигрантов в регион перемещения на качественно новый уровень взаимодействия, противодействовать мигрантофобии и ксенофобии. Однако научных исследований в этой сфере недостаточно.

Данная диссертационная работа посвящена анализу этих и других аспектов в одном из поликультурных регионов Российской Федерации – Республике Адыгея. Республика имеет положительное сальдо в миграционном обмене не только с другими регионами России, но и со странами ближнего и дальнего зарубежья. Миграционный прирост выступает фактором роста численности населения. По данным статистики, последние 10 лет (не считая период, связанный с пандемией COVID-19) характеризуются приростом в регион внешних мигрантов. Так, к примеру, в 2022 году на территорию республики прибыло 5354 человека, в 2023 году – 3585 человек, в 2024 году –

³ Мукомель В.И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. 2011. № 1. С. 34-50.

3618 человек⁴. При этом ученые Адыгеи отмечают, что в отношении регионального сообщества к внешним мигрантам произошли изменения, что во многом обусловлено «...появлением в последние годы на улицах города и населенных пунктов Адыгеи, большого количества студентов из стран Средней Азии и других государств ближнего и дальнего зарубежья, обучающихся в вузах Майкопа, которые не интегрированы в местный социум, не владеют государственными языками республики, не адаптированы к местным условиям»⁵. В связи с этим представляет исследовательский интерес определение тех механизмов и ресурсов поликультурного общества республики, которые способствовали бы успешной социокультурной интеграции внешних мигрантов, сохранению региональной стабильности и безопасности в целом.

Возрастающее этнокультурное разнообразие регионов нашей страны, в том числе за счет существенного притока мигрантов, потребность в которых у страны будет сохраняться длительное время, особенности и условия успешной социокультурной интеграции в поликультурное пространство остаются малоизученными и недостаточно апробированными на практике. Это приводит к сохранению социальных дистанций, рисков роста напряженности и недостаточной эффективности существующих интеграционных стратегий, что особенно актуально для таких регионов, как Республика Адыгея, где интеграция мигрантов приобретает ключевое значение для обеспечения социальной стабильности, межкультурного диалога и устойчивого развития общества. А под успешной интеграцией, в рамках данного научного исследования, мы понимаем такой уровень включённости мигрантов в поликультурное пространство региона, при котором достигается баланс

⁴ Республика Адыгея в цифрах. 2024 год. Краткий статистический сборник. Майкоп, 2025. С. 26-28. URL: <https://youthlib.mirea.ru/ru/resource/6793?ysclid=mck6ketkbv23642668> (дата обращения: 14.05.2025).

⁵ Ляушева С.А., Кускарова О.И., Гучетль З.Х. Миграционные процессы в Республике Адыгея как маркеры региональной политики идентичности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2022. №4(309). С. 96-105. С.100.

между сохранением этнокультурной идентичности мигрантов, освоением ключевых норм и ценностей принимающего сообщества, формированием чувства сопричастности, а также развитием устойчивых межкультурных коммуникаций и социальной гармонии в регионе.

Степень научной разработанности проблемы. Вопросы интеграции мигрантов в поликультурное пространство российских регионов глубоко проработаны зарубежными и отечественными исследователями-социологами. В научной литературе рассматриваются различные аспекты социокультурной интеграции мигрантов: институциональные механизмы, специфика межкультурного взаимодействия, трансформация локальных сообществ и другие.

Формирование методологических подходов к исследованию миграционных перемещений связано с интеллектуальным наследием Чикагской школы, заложенным в 20-30-х годы XX века. А. Смолл и Р. Парк⁶ разработали ключевые концепции эмпирического анализа городской среды, в которой миграция рассматривалась как феномен, трансформирующий городское пространство, приводящий к возникновению новых сообществ и формированию уникальных моделей интеграции. Парк ввёл понятие «маргинальный человек» и исследовал межкультурное взаимодействие.

В социологической традиции теория социальной адаптации, понимаемая как процесс усвоения индивидом общих социальных норм, получила глубокое методологическое осмысление в трудах классиков – М. Вебера⁷, Р. Мертон⁸ и Ф. Бока⁹. Вебер акцентировал внимание на рациональном поведении индивида и его взаимодействии с социальными

⁶ Чикагская школа социологии: Сборник переводов / Под ред. Д.В. Ефременкова, сост. и пер. В.Г. Николаева. М.: ИНИОН РАН, 2015. 430 с.

⁷ Вебер М. Социология социального поведения // Теория социальной адаптации в истории социологических учений / Электронный ресурс: CyberLeninka., 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idealnye-tipy-sotsialnogo-deystviya-m-vebera-utopiya-ili-realnost-metodologiya-i-metodika-issledovaniy> (дата обращения: 02.05.2025).

⁸ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006.

⁹ Бок Ф. Культурный шок и адаптация мигрантов // Culture Shock: A Reader in Modern Cultural Anthropology. New York : Holt, Rinehart and Winston, 1970. P. 177–182.

структурами, подчеркивая единство индивидуального и группового уровней социальной жизни. Мертон расширил эти идеи, рассматривая адаптацию как функциональное приспособление личности к социальным ролям и нормам, а также выделяя различные типы адаптивного поведения в рамках социальной структуры. Ф. Бок, в свою очередь, исследовал культурные аспекты адаптации, вводя понятие «культурного шока» и анализируя способы, которыми мигранты преодолевают столкновение культурных систем, что существенно дополняет социологический взгляд психологическими и антропологическими измерениями.

В послевоенный период западные социологии особое внимание уделяли исследованию взаимосвязи миграционных и адаптационных моделей поведения через призму динамики рынка труда. Представители новой городской социологии, такие как М. Кастельс¹⁰ и Ч. Тилли, исследовали социальные и психологические механизмы адаптации сельских мигрантов в условиях индустриальных мегаполисов, подчеркивая влияние структурных изменений на индивидуальное и коллективное поведение.

В условиях перехода к постиндустриальному обществу экономические мигранты 1980-х годов, по мнению Э. Тоффлера¹¹, выступают важным фактором оптимизации распределения рабочей силы на региональных рынках труда западных стран, способствуя более эффективному использованию человеческого капитала и адаптации к новым экономическим реалиям.

Дж. Берри¹² предложил двумерную модель аккультурации, подчеркнув важность сохранения культурной идентичности мигрантов при освоении норм принимающего общества. Его модель включает стратегии: ассимиляция, интеграция, сепарация, маргинализация.

¹⁰ Castells, M. *Immigrant Workers and Class Structure in Western Europe*. London: Oxford University Press, 1973. 320 p.; Tilly C. *Migration in Modern European History* // In: Yans-McLaughlin, V. (ed.) *Immigration Reconsidered: History, Sociology, and Politics*. New York: Oxford University Press, 1990. P. 48–72.

¹¹ Тоффлер Э. Влияние технологических изменений на миграцию рабочей силы /Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 45–67.

¹² Berry J.W. *Immigration, Acculturation, and Adaptation* // *Applied Psychology*. 1997. Vol. 46(1). P. 5–34.

Теория социальных полей П. Бурдьё¹³ введена в диссертационном исследовании как ключевой инструмент анализа. Интеграция трактуется как борьба за капиталы (экономический, социальный, культурный) в поликультурном пространстве. Бурдьё показал, как габитус мигрантов влияет на их позиционирование в новых социальных полях. По Бурдьё, мигранты, вступая во взаимодействие с принимающим обществом, не просто усваивают новые нормы, а проходят сложный процесс перестройки своего габитуса в условиях пересечения различных социальных и культурных полей. Это позволяет понять, как формируются новые модели идентичности и интеграции, основанные на взаимодействии и пересечении культурных практик и социальных позиций.

Российская социология миграции тесно связана с историческими этапами развития страны. В советский период акцент делался на внутреннюю миграцию, индустриализацию, урбанизацию и перераспределение трудовых ресурсов. В постсоветское время внимание сместилось к внешней миграции, вынужденным переселенцам, беженцам и новым формам мобильности населения, обусловленным социально-экономическими и политическими кризисами.

В работах Б.С. Хорева, В.А. Ионцева, М.Б. Денисенко¹⁴ миграция рассматривается сквозь призму демографических, экономических, социальных и культурных факторов, что отражает междисциплинарный подход.

Особое внимание уделяется анализу новых рисков, связанных с геополитическими, экономическими, социальными и эпидемиологическими изменениями (санкции, пандемия COVID-19, военные конфликты). Российские исследователи Ю.А. Зубок, В.И. Чупров¹⁵ подчеркивают важность

¹³ Бурдьё П. Некоторые свойства полей / Социология социального пространства / Пер. с фр. Н.А. Шматко. Москва: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2007.

¹⁴ Хорев Б.С., Ионцев В.А., Денисенко М.Б. Миграция населения: теория и практика исследования. М.: Наука, 1991. 320 с.

¹⁵ Зубок Ю.А., Чупров В.И. Указ. Соч.

изучения социальных аспектов рисков и межкультурного взаимодействия в условиях нестабильности.

В силу этнокультурного многообразия России значительная часть исследований посвящена интеграции мигрантов в регионах с высокой этнической и религиозной диверсификацией (например, Северный Кавказ, Поволжье, Сибирь). Анализируются механизмы формирования межэтнической толерантности, коммуникативного потенциала, а также риски роста социальной напряженности: Г.Г. Гольдин, Г.Ф. Морозова, А.Г. Осипов¹⁶ исследуют социально-политические и социокультурные аспекты миграции, особенности интеграции в полиэтничных регионах, механизмы формирования межэтнической толерантности. Л.Л. Рыбаковский¹⁷ анализирует процессы адаптации и интеграции мигрантов в полиэтничных регионах, уделяя особое внимание социальным и демографическим аспектам. В.И. Мукомель¹⁸ разрабатывает индикаторы интеграции, исследует специфику интеграционных процессов в регионах России с этнокультурным многообразием. Т.Н. Юдина¹⁹ занимается теоретико-методологическими вопросами социологии миграции, анализирует влияние региональной специфики на интеграцию мигрантов.

Уральские ученые В.В. Амелин, И.М. Бадыштова, С.В. Баранова²⁰ в центр своего научного интереса поместили социокультурную адаптацию переселенцев и мигрантов в иноэтнической среде, особенности межкультурного взаимодействия. Исследователи из Сибири В.В. Орлова и

¹⁶ Гольдин Г.Г., Морозова Г.Ф., Осипов А.Г. Миграция и межэтнические отношения в современной России. М.: Наука, 2012. 312 с.

¹⁷ Рыбаковский Л.Л. История и теория миграции населения. Кн.3: Теория трех стадий. М., 2007. 240 с.

¹⁸ Мукомель В. И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. 2011. № 1. С. 47.

¹⁹ Юдина Т.Н. Социология миграции: теория и современная практика. М.: Academia, 2005. 272 с.

²⁰ Амелин В.В., Бадыштова И.М., Баранова С.В. Социокультурная адаптация мигрантов в иноэтнической среде. Екатеринбург: УрФУ, 2018. 198 с.

Н.С. Лебедкина²¹ уделяют внимание анализу взаимодействия мигрантов и органов власти региона сквозь призму миграционных потоков в регионах, также немаловажное значение М.В. Ростовцева, Д.О. Труфанов, О.В. Васильева²² отводят поиску теоретических социологических оснований факторов миграционного поведения молодежи.

Работы отечественных социологов последнего десятилетия сфокусированы на проблемах интеграции мигрантов: И.В. Ивахнюк²³ обосновала необходимость дифференцированных моделей интеграции для временных и постоянных мигрантов. В своих работах критически подошли к отсутствию системной политики интеграции мигрантов в 1990–2000-х гг. Е.А. Варшавер, А.Л. Рочева²⁴, адаптировав опыт интеграции мигрантов Германии под социокультурные контексты РФ. С.В. Рязанцев²⁵ в своих работах исследовал транснациональные практики мигрантов на Юге России, разработал методы оценки экономического вклада миграции в развитие принимающего региона. В.В. Костенко²⁶ проанализировала эволюцию теорий миграции: от ассимиляции к транснационализму, представив сравнение адаптационных траекторий мигрантов в РФ и ЕС.

²¹ Орлова В.В., Лебедкина Н.С. Проблемы востребованности и трудоустройства выпускников: миграционные потоки молодежи на территории субъектов Российской Федерации / Современное образование: интеграция образования, науки, бизнеса и власти. Материалы международной научно-методической конференции. В 2-х частях. Томск, 2022.

²² Ростовцева М.В., Труфанов Д.О., Васильева О.В. Психологические факторы миграционного поведения молодежи: теоретический обзор // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2024. №17(11). С. 2105–2115.

²³ Ивахнюк И.В. Некоторые методологические и практические вопросы политики интеграции мигрантов в России // Интеграция мигрантов: возможна ли она в современном обществе. М.: МГУ, 2015. С. 8–21.

²⁴ Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С. Интеграция мигрантов второго поколения в возрасте 18-35 лет в России: результаты исследовательского проекта // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 318-364.

²⁵ Рязанцев С.В., Боженко В.В. Миграция в условиях глобализации // Народонаселение. 2010. № 4. С. 70-82.

²⁶ Костенко В.В. Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму // Социология миграции. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. С. 45–68.

Представители Санкт-Петербургской школы миграции А.В. Резаев, А.М. Степанов, П.П. Лисицын²⁷ особое внимание уделяют эволюции миграционных теорий, рассмотрению их сильных и слабых сторон, критически переосмысливают современные социологические подходы к анализу миграции.

Исследователь из Ростова-на-Дону Г.С. Денисова²⁸ в области миграции исследует вопросы интеграции населения новых территорий в российское социокультурное пространство, с акцентом на Ростовскую область, регулирование этнических и конфессиональных процессов как фактор обеспечения безопасности в регионе, этнокультурное многообразие Юга России и Ростовской области: состояние, управление, тенденции развития. Кубанские ученые В.Н. Муха и Э.М. Думнова²⁹, исследуя адаптацию мигрантов с Украины отмечают, что в современных условиях глобализации и мультикультурализма наиболее эффективными являются стратегии интеграции и гибкой аккультурации, цель которых – преодоление социального отчуждения и повышение толерантности общества.

Теме интеграции мигрантов посвящены и ряд диссертационных исследований: работа А.А. Садырина³⁰ на тему «Создание и использование мигрантами из Центральной Азии городской и пригородной инфраструктуры (на примере г. Томска)», 2024 г., посвящена исследованию механизмов и стратегий использования мигрантами из Центральной Азии городской и пригородной инфраструктуры Томска. Автор анализирует создание и адаптацию мигрантами социальных и экономических сетей, влияющих на процессы их интеграции. Исследование опирается на этнологический и

²⁷ Лисицын П.П., Резаев А.В., Степанов А.М. Поиски равновесного состояния в миграционной теории // Экономическая социология. 2024. Т. 25. № 1. С. 137-160.

²⁸ Денисова Г.С. Региональная политика и управление этническими процессами в условиях миграции // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 23–34.

²⁹ Думнова Э.М., Муха В.Н. Теоретический дискурс по проблеме социокультурной адаптации мигрантов в современном мире // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14, № 2, ч. 2. С. 380–394. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.2-380-394.

³⁰ Садырин А.А. Создание и развитие инфраструктуры адаптации и интеграции мигрантов в сибирском городе (на примере Томска): дис. ... канд. социол. наук. Томск, 2024. 180 с.

антропологический подходы, что позволяет глубже понять повседневные практики мигрантов и их взаимодействие с городским пространством. А.А. Эндрюшко³¹ в своей работе «Интеграция мигрантов из постсоветских стран в России: сравнительный анализ», 2024 г., анализирует интеграционные процессы мигрантов из разных постсоветских республик, сравнивая их социально-культурные стратегии, идентичность и межэтнические отношения в России. Особое внимание уделяется семейным траекториям и влиянию этнической принадлежности на успешность интеграции. Цзянь Дань У³² предлагает рассматривать факторы, способствующие успешной интеграции китайских мигрантов в российское общество («Успешность китайских мигрантов в России как результат интеграции», 2023 г.). Автор использует философско-антропологический подход, анализируя культурные, социальные и личностные аспекты адаптации. И.А. Соловьёв³³ в диссертационном исследовании «Механизмы адаптации и интеграции этнических мигрантов в региональные российские сообщества (на примере Северного Кавказа)», 2022 год, акцентирует внимание на комплексном теоретико-методологическом анализе процессов адаптации и интеграции этнических мигрантов в регионах Северного Кавказа. А.В. Балдин³⁴ исследует влияние общественного мнения на процессы интеграции мигрантов и разработке эффективных управленческих стратегий («Общественное мнение и управление интеграцией мигрантов», 2024 г.). Автор анализирует социальные установки, стереотипы и барьеры, а также предлагает рекомендации для формирования позитивного общественного восприятия миграции и улучшения механизмов социальной интеграции.

³¹ Эндрюшко А.А. Интеграция мигрантов из постсоветских стран в России: сравнительный анализ: дис. ... канд. социол. Наук. Санкт-Петербург, 2024. 150 с.

³² Цзянь Дань У. Успешность китайских мигрантов в России как результат интеграции: дис. ... канд. социол. наук. Москва, 2023. 170 с.

³³ Соловьёв И.А. Механизмы адаптации и интеграции этнических мигрантов в региональные российские сообщества (на примере Северного Кавказа): дис. ... канд. социол. наук. Махачкала, 2022. 210 с.

³⁴ Балдин А.В. Общественное мнение и управление интеграцией мигрантов: дис. ... канд. социол. наук. Москва, 2024. 160 с.

В последние годы социологи накопили существенный опыт в области изучения процессов миграции и интеграции мигрантов. Исследованы такие аспекты миграционных процессов, как: демографические, экономические, правовые, криминологические, этнополитические и социокультурные. Однако преобладающая часть исследований сфокусирована на структурных и нормативных индикаторах интеграции, вопросах адаптации и трудоустройства, правового статуса мигрантов, профилактики экстремизма в иноэтничной среде мигрантов, тогда как отсутствует комплексный подход к интеграции не только и не столько как к адаптации мигранта, но и как к трансформации поликультурного пространства региона с учетом двустороннего взаимодействия мигрантов и местного сообщества. В полном мере этой относится и к поликультурному пространству такого региона России, как Республика Адыгея. Острота этой проблемы и недостаточная ее изученность определили объект, предмет, цель и задачи данного исследования.

Объект исследования – поликультурное пространство российских регионов.

Предмет исследования – особенности социокультурной интеграции мигрантов в поликультурное пространство региона.

Цель исследования – выявить особенности успешной социокультурной интеграции мигрантов в поликультурное пространство Республики Адыгея.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- актуализировать категориально-понятийный контекст миграционных процессов в условиях современных вызовов и рисков и предложить теоретико-методологические рамки исследования интеграции внешних мигрантов в поликультурные сообщества;

- определить индикаторы интеграции внешних мигрантов в современное российское общество;

- раскрыть особенности влияния поликультурного региона на интеграцию внешних мигрантов;

- проанализировать кейсы интеграции внешних мигрантов в поликультурное пространство Республики Адыгея;

- изучить дисбаланс между интеграционными установками мигрантов и антимигрантскими настроениями местного населения в поликультурном пространстве Адыгеи;

- обосновать стратегию социокультурной интеграции мигрантов в полиэтничное пространство Республики Адыгея, направленную на гармонизацию межэтнических отношений с учетом особенностей региона и двустороннего характера интеграционных процессов.

Теоретико-методологической основой исследования послужили социологические классические и современные теории миграции и интеграции:

- концепция Чикагской школы, рассматривающая миграцию как фактор формирования новых сообществ (А. Смолл, Р. Парк); теория социальной адаптации, анализирующая процессы усвоения мигрантами социальных норм, а также культурный шок и механизмы преодоления культурных барьеров (М. Вебер, Р. Мертон, Ф. Бок); модели интеграции, построенные на сохранении культурной идентичности мигрантов при освоении норм принимающего сообщества (Дж. Берри);

- концепции социологии культуры, рассматривающие поликультурное пространство региона как социокультурную систему: теория социальных полей П. Бурдьё, исследующая интеграцию в качестве борьбы за экономический, социальный и культурный капитал, а также анализирующая влияние габитуса мигрантов на их позиционирование в новых условиях; подходы Л.Л. Рыбаковского, В.И. Мукомеля, Т.Н. Юдиной к изучению культурной идентичности, межкультурной коммуникации, формирования толерантности и сопричастности в поликультурных сообществах.

Методологические принципы: системный подход, обеспечивающий комплексное рассмотрение поликультурного пространства как целостной социокультурной системы; принцип сравнительного анализа, позволяющий выявить специфику интеграционных процессов в различных региональных и

культурных контекстах; принцип сочетания макро- и микросоциологических уровней анализа (от социальных институтов и структур до индивидуальных стратегий и практик мигрантов).

В данном исследовании интеграция рассматривается как «...процесс встречного движения культур принимающего социума и мигрантов, смешение культурных норм и ценностей, изначально функционировавших сепаратно и, возможно, противоречащих друг другу»³⁵.

Понятия «иммигрант», «мигрант», «внешний мигрант», «переселенец» используются как синонимы и означают лицо, выехавшее из своей страны в другую страну с целью временного или постоянного проживания по своей воле.

Эмпирическая база диссертационного исследования основана на массовых социологических опросах мигрантов и местного населения Республики Адыгея, глубинных интервью мигрантов и местных жителей, а также на вторичном анализе социологических данных и статистических данных Росстата, МВД России:

- социологический опрос мигрантов Адыгеи, проведенный автором в 2023 году. n=400, выборка квотная (проживание не менее 6 месяцев на территории Адыгеи). В опросе приняли участие респонденты из Туркмении, Узбекистана, Сирии, Афганистана, Иордании, Азербайджана, Турции, Индии, Ирака, Замбии, Конго, Ганы, Коморских островов;

- социологический опрос принимающего населения Адыгеи, проведенный автором в 2022 году. n=400, выборка случайная. Респонденты проживают в городе (70,5%) и в сельской местности (27,9%), участие в опросе приняли русские, адыги, армяне и представители иных этносов, проживающих на территории республики;

³⁵ Мукомель В.И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся: ежегодник/ отв. ред. М.К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 416.

- глубинное интервью представителей принимающего сообщества (8 информантов, наиболее часто взаимодействующих с мигрантами: жители многоквартирных домов, живущие по соседству с мигрантами, вахтер в общежитии Адыгейского государственного университета, в котором проживают мигранты, продавцы магазинов, жители г. Майкоп);

- глубинное интервью мигрантов, прибывших на территорию Адыгеи из стран Центральной Азии (5 информантов);

- опросы ВЦИОМ: Иммигранты в России: за и против (14.08.2023); Трудовые иммигранты в России: вклад, положение, отношение (18.11.2021); Эмиграционные настроения: мониторинг (04.04.2022); результаты исследований А.Г. Амирханян (Стратегии интеграции трудовых мигрантов в Приморском крае (на примере выходцев из Китая); А.А. Эндрюшко (Интеграция мигрантов из постсоветских стран в России: сравнительный анализ);

- статистические данные Росстата, МВД РФ.

Гипотеза исследования. Эффективная социокультурная интеграция мигрантов в поликультурное пространство возможна лишь при переходе от традиционных моделей ассимиляции или пассивного мультикультурализма к стратегии диалога культур, основанной на признании и поддержке этнокультурных различий, формировании общих ценностей и развитии межкультурных коммуникаций. При этом интеграция представляет собой многоуровневый процесс, включающий борьбу за различные виды капитала (Бурдые) и прохождение мигрантами последовательных стадий (установка, переселение, интеграция), а успешность интеграционных процессов определяется наличием в принимающем обществе социокультурных ресурсов, способных обеспечить баланс между сохранением идентичности мигрантов и их включённостью в региональное сообщество.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

- уточнены понятия «поликультурное пространство» и «интеграция внешних мигрантов в поликультурное пространство»;

- актуализированы индикаторы интеграции мигрантов в поликультурное принимающее общество, в том числе, ощущение сопричастности с жителями принимающего региона и уровень региональной идентичности мигрантов в соответствии с социокультурными реалиями современности и спецификой региона;

- показано значение готовности принимающего поликультурного общества для успешной интеграции внешних мигрантов;

- на основе эмпирических данных по Адыгее выявлено, что высокий уровень образования мигрантов не гарантирует трудоустройство по специальности; доминирование долгосрочных миграционных стратегий сочетается с сохранением тесных связей с родиной, что создаёт уникальную модель транснациональной интеграции;

- определен характер влияния готовности мигрантов к инкорпорированию в принимающее сообщество и лояльности местных жителей к интеграции мигрантов в поликультурное пространство Республики Адыгея;

- предложена стратегия интеграции мигрантов, основанная на принципах диалога культур, которая сочетает элементы ассимиляционной и мультикультурной моделей, адаптированных к полиэтничному контексту Адыгеи. Научная новизна также заключается в акценте на вовлечение принимающего сообщества в интеграционные процессы и систематическом мониторинге их эффективности.

Положения, выносимые на защиту:

1. В контексте современных вызовов и рисков устоявшиеся термины в области интеграции мигрантов наполняются новыми смыслами для более корректной и адекватной реалиям характеристики этого явления. С этой точки зрения оперирование понятием «интеграция внешних мигрантов в поликультурное пространство» становится более продуктивным. При этом

под поликультурным пространством применительно к российским регионам мы понимаем пространство региона, наполненное разными этническими и религиозными традициями, этнокультурными объектами и событиями, людьми, относящимися к разным этносам и религиям, а также практиками межкультурного и межконфессионального взаимодействия. Интеграция внешних мигрантов в поликультурное пространство может быть интерпретирована как вхождение в иную культурную среду на основе знаний о ее этнокультурном и конфессиональном многообразии, ценностях, традициях и практиках межкультурного взаимодействия и т.п., предполагающее при этом органичное включение в эту среду собственных этнокультурных и/или конфессиональных ценностей, традиций и практик.

2. При оценке успешности/неуспешности интеграции внешних мигрантов в поликультурное пространство российских регионов необходимо использовать те индикаторы, которые наиболее информативны. С учетом исследований ученых ФНИСЦ РАН³⁶, мы выделили те индикаторы интеграции мигрантов, которые имеют важное значение в контексте обозначенного в диссертации предмета исследования с акцентом на социокультурные детерминанты инкорпорирования внешних мигрантов в принимающее сообщество: образовательный уровень мигрантов; причины миграции; доступ к рынку труда; структура занятости; уровень доходов; поддержание контактов со страной исхода; выбор партнера; интеграционные стратегии; гендерное равенство; доступность образования; языковые навыки; структура идентичности; уровень доверия; отношение принимающего общества к мигрантам. Мы предлагаем при оценке интеграции внешних мигрантов применять такие индикаторы, как ощущение сопричастности с жителями принимающего региона и уровень региональной идентичности мигрантов. На наш взгляд, это важные характеристики, которые также

³⁶ Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы : [монография] / В. И. Мукомель, К. С. Григорьева, Г. А. Монусова [и др.] ; отв. ред. В. И. Мукомель, К. С. Григорьева ; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. 400 с.

помогают выстраивать не только миграционную, но и культурную политику в регионе.

3. Интеграция мигрантов в поликультурное пространство российских регионов определяется сложной многоуровневой организацией принимающего сообщества, что обуславливает противоречивость и вариативность интеграционных стратегий как со стороны мигрантов, так и со стороны жителей принимающего социума. В условиях существования различных этноконфессиональных групп в регионе ни ассимиляция, ни мультикультурализм не обеспечивают устойчивого развития региона. Ассимиляция создает риски дискриминации и утраты культурного многообразия, а мультикультурализм — сегрегации и формирования замкнутых анклавов. Эффективной стратегией интеграции выступает стратегия диалога культур, предполагающая признание и поддержку этнокультурных различий при одновременном формировании общих ценностей, норм и чувства сопричастности у всех членов общества, что способствует снижению социальной напряжённости и раскрытию потенциала миграции как ресурса развития региона.

4. Миграционные установки мигрантов в Республике Адыгея преимущественно ориентированы на долгосрочную интеграцию (71,8% респондентов планируют остаться на постоянное жительство, сочетая это с получением образования), что обусловлено экономическими мотивами (14,5% мигрантов указывают на необходимость финансовой поддержки родственников, оставшихся на родине) и социокультурными связями (65,3% ежедневно общаются с семьёй в стране исхода). Однако их реализация сталкивается с барьерами: 48,4% работают не по специальности, а 25,4% заняты низкоквалифицированным трудом, несмотря на высокий уровень образования (67,5% имеют высшее образование).

В поликультурном пространстве Республики Адыгея интеграция мигрантов характеризуется значительной культурной дистанцией между мигрантами и принимающим обществом, что проявляется в различиях

ценностей, норм поведения, религиозных установок и языковых барьеров. Это препятствует формированию единого социокультурного пространства и приводит к сохранению социальных дистанций, рисков роста напряжённости.

5. Впервые применена теория Бурдьё к исследованию миграционных процессов Адыгеи, что позволило эмпирически доказать влияние поликультурной специфики региона на уникальные условия для конкуренции за капиталы, где: 72% мигрантов не переводят средства в страны исхода из-за низких доходов, вопреки общероссийским тенденциям (экономическое поле); 74,6% мигрантов владеют русским языком, а 20,3% испытывают трудности, что тормозит конвертацию культурного капитала в экономический (культурное поле); 54,7% мигрантов имеют друзей среди местных, но 62,5% коренных жителей видят в них конкурентов за ресурсы (социальное поле). Выявлены дуальные интеграционные стратегии: 64% мигрантов стремятся стать «своими» в Адыгее, сохраняя связи с обществом исхода (50,4% выезжают на семейные ритуалы в страны исхода); локальный габитус мигрантов (традиционные гендерные установки, религиозность) вступает в конфликт с нормами принимающего сообщества, где 72% россиян поддерживают эгалитарную семью. Обнаружен парадокс гостеприимства: при декларируемом гостеприимстве (57% мигрантов характеризуют жителей как «доброжелательных») 62,5% местного населения воспринимают мигрантов как экономических конкурентов, а 63,5% не одобряют брак с ними.

6. Социокультурная интеграция мигрантов в полиэтничном регионе, таком как Республика Адыгея, требует комплексной стратегии, основанной на принципах диалога культур, двусторонней адаптации - как мигрантов к нормам принимающего общества, так и готовности принимающего сообщества к принятию и включению мигрантов. Данный подход не только минимизирует конфликты и социальную напряженность, но и способствует формированию устойчивого поликультурного пространства, где мигранты становятся активными участниками экономической, социальной и культурной

жизни региона. Эмпирические данные подтверждают, что успешная интеграция возможна только при сочетании усилий мигрантов (адаптация к нормам) и принимающего сообщества (готовность к диалогу). Стратегия диалога культур, реализуемая в Адыгее фрагментарно, требует системного внедрения, что позволит превратить миграцию в ресурс развития региона, а не источник конфликтов.

Научно-теоретическая значимость диссертационного исследования определяется вкладом в развитие современной социологической теории миграции и интеграционных процессов в поликультурных регионах России, а также обоснованием новых подходов к анализу социокультурной интеграции внешних мигрантов в поликультурную среду республики Адыгея.

Результаты исследования расширяют теоретические представления о механизмах и факторах успешной интеграции мигрантов в условиях полиэтничности и поликультурности, что актуализирует междисциплинарный подход к анализу миграционных процессов. Обоснована значимость институциональных и неформальных механизмов поддержки интеграции мигрантов, а также влияние общественного мнения, средств массовой информации и межкультурных коммуникаций на динамику интеграционных процессов. Выявленные закономерности и типологии интеграционных стратегий могут быть использованы для дальнейшей разработки теоретических моделей миграции и интеграции в современной социологии. Исследование демонстрирует значимость регионального контекста для анализа миграционных процессов, выявляет специфику интеграции мигрантов в малых и средних регионах России, что способствует развитию сравнительных исследований в данной области.

Практическая значимость исследования. Полученные результаты могут служить основой для совершенствования региональной миграционной политики, разработки программ поддержки и интеграции мигрантов с учётом культурных, экономических и социальных особенностей конкретных территорий.

Также выводы, представленные в диссертации, могут служить основой для разработки методических материалов, тренингов и образовательных курсов, направленных на повышение межкультурной компетентности сотрудников образовательных, социальных и миграционных служб, что способствует формированию толерантного отношения к мигрантам и успешному межкультурному взаимодействию. Практические рекомендации, выработанные на основе анализа интеграционных стратегий, могут быть использованы при разработке нормативных актов, регламентирующих вопросы миграции, а также при формировании региональных и муниципальных программ по работе с мигрантами.

Материалы и результаты исследования могут быть внедрены в учебные курсы по социологии, миграционным процессам, межкультурной коммуникации, а также использоваться при подготовке специалистов в области социальной работы, управления и государственного администрирования.

Практическая значимость работы проявляется в возможности применения предложенных моделей и принципов диалога культур для формирования устойчивого поликультурного пространства, что особенно актуально для регионов с высоким уровнем этнокультурного разнообразия.

Соответствие темы диссертации требованиям паспорта специальностей ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Работа соответствует паспорту научной специальности 5.4.6 «Социология культуры» (Приказ Минобрнауки РФ от 24.11.2021 №1189, Приложение №2): 1. Культура и ее функции в системе социальных взаимодействий. Типы культуры. 4. Социокультурная дифференциация и культурные различия в обществе. 7. Социокультурная динамика и вариативность культурного пространства.

Достоверность результатов диссертационного исследования подтверждается методологической обоснованностью - использование комплексного методологического аппарата позволило всесторонне

рассмотреть интеграционные процессы, учесть многоуровневую структуру миграционных практик и специфику поликультурного региона, репрезентативностью и валидностью эмпирических данных, прозрачностью процедур сбора и анализа информации, а также согласованностью с внешними источниками и соблюдением этических стандартов научной работы.

Апробация работы. Теоретические положения, методологические подходы, практические результаты исследования, предложения и рекомендации были изложены на ряде международных и всероссийских научно-практических конференций: «Этносоциальные процессы: в поисках инновационной методологии», международная научно-практическая конференция, Майкоп, 2016; «Позитивный потенциал ислама как фактор этносоциальной консолидации России», международная научно-практическая конференция, Майкоп, 2019; «Молодежь в трансформирующемся обществе: настоящее и будущее», всероссийская научно-практическая конференция, посвященной 80-летию Адыгейского государственного университета, Майкоп, 2020; «Российская самобытная государственно-цивилизационная идентичность как ресурс общества в условиях современных вызовов», всероссийская научно-практическая конференция, Майкоп, 2024; «Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов», международная научно-практическая конференция, Москва, 2025, а также отражены в 11 публикациях автора, в том числе в 6 статьях в научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией для публикации результатов диссертационных исследований.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав (включающих шесть параграфов), заключения и списка использованной литературы, приложения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА ИНТЕГРАЦИИ ВНЕШНИХ МИГРАНТОВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕСТВО

Человеку свойственно стремление к движению и переменам, которое получило закрепление в середине XX века во Всеобщей декларации прав человека как право на свободное передвижение в пределах каждого государства и право покидать любую страну и возвращаться в свою страну (ст. 13). В основном законе Российской Федерации также закреплены права свободного передвижения гражданина по территории своей страны и выезда за ее пределы.

Миграционные потоки, их интенсивность и направленность, а также последствия миграции определяются как экономическими факторами, так и природно-географическими, демографическими и социально-культурными условиями отдельных регионов и государств в целом.

Увеличивающиеся объемы миграции в современной действительности предъявляют новое требование к социологической науке - рассмотрение миграции, как определяющего фактора экономического, политического, социального и духовного развития социума. В связи с чем в первой главе нашего исследования будут представлены современные исследовательские подходы к анализу миграционных процессов в разрезе адаптации и интеграции всех видов мигрантов.

1.1. Миграционные процессы в современном обществе³⁷

Миграция является одним из векторов развития глобального сообщества XXI века, оказывая воздействие на демографические, экономические и социокультурные процессы, а также формируя новые модели социокультурной интеграции мигрантов. Неминуемость миграционных процессов очевидна, и мы не можем применять к данному явлению оценочные суждения - хорошо это или плохо? В качестве одной из первоочередных задач эффективного функционирования современного социума выступает задача регулирования миграционных процессов, которое должно быть нацелено на усиление положительного эффекта от миграции и снижение отрицательных последствий. Важное значение приобретают вопросы интеграции мигрантов в принимающее общество. Поэтому считаем важным глубокое научное изучение миграционных процессов, позволяющее сформировать категориальный аппарат изучаемого явления и выявить его сущность.

В современной науке нет однозначного определения термина «миграция», что объясняется влиянием миграции на различные сферы жизнедеятельности социума. И если обратиться к этимологии рассматриваемого нами термина, то миграция в Русском толковом словаре В.В. Лопатина, Л.Е. Лопатиной трактуется как переселение, перемещение³⁸. Авторы специализированного социологического издания Джери Д., Джери Дж.³⁹ под миграцией понимают переезд людей из одной страны в другую с намерением обосноваться. Авторы дают краткую характеристику таким

³⁷ В разделе использованы публикации автора: Чистякова О.А. Миграционные процессы в современном российском обществе и их оценка россиянами //Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. № 4 (249). С. 231-237; Чистякова О.А. Возможности социокультурного подхода к исследованию миграционных процессов //Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. № 2(199). С. 139-146.

³⁸ Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М., 2002. С. 309.

³⁹ Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь: в 2 т. Т. 1. М., 1999. С. 421.

процессам, связанным с миграцией как эмиграция, иммиграция. Однако составить четкое представление о миграции как социальном явлении на основе данных изданий не представляется возможным.

Наиболее полное, на наш взгляд, определение термину «миграция» дает Рыбаковский Л.Л., понимающий под ним любое территориальное (географическое) перемещение населения между разными населенными пунктами вне зависимости от целей, продолжительности и регулярности⁴⁰. А в качестве специфической особенности миграции населения он называет поиск условий труда для производства предметов потребления.

Сопоставляя естественное движение населения и миграционное, Рыбаковский Л.Л. отмечает, что воспроизводственный процесс (естественное движение) изменяет социальную структуру лишь по одному критерию - возрасту, а миграционное движение по многим параметрам - помимо возраста подключается место жительства, область приложения труда, профессиональный статус, семейное положение и т.д.⁴¹ При этом считаем необходимым отметить биологический характер естественного движения населения (рождение, смерть), тогда как миграционные процессы суть социальные процессы, детерминированные социальными потребностями.

Миграция населения оказывает определяющее воздействие на развитие общества, благодаря определенным функциям, которые она выполняет. Будучи сложным социальным явлением, миграция выполняет ряд функций. Первая, по мнению Рыбаковского Л.Л., - перераспределение населения, детерминированное размещением производственных сил, производственных мощностей и инвестиций между различными природными зонами, отдельными территориями страны и разными типами поселений (городские и сельские)⁴². Данная функция обеспечивает слияние рабочей силы со средствами производства, что является необходимым компонентом

⁴⁰ Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: (вопросы теории). М., 2003. URL: [rybakovsky.ru /migracia2.html](http://rybakovsky.ru/migracia2.html) (дата обращения: 26.01.2019).

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

производства материальных благ общества. Также переселение обеспечивает возможность улучшения своей жизни, без которого миграция теряла бы всяческий смысл.

Следующая функция, на выполнение которой нацелена миграция, - селекция, ведь мужчины и трудоспособное население более активны в миграционном плане, чем женщины и представители более старших уже нетрудоспособных возрастных групп. А неравномерное участие в миграционных процессах представителей различных социально-демографических групп приводит к качественному изменению состава населения разных территорий.

Ускорительная функция была сформулирована Т.И. Заславской⁴³. Под данной функцией понимается изменение социально-психологических особенностей индивидуумов, их кругозора, обмен производственным опытом, интеграция культур и т.д. То есть, миграция способствует развитию населения, так как подвижное население является более активным в социальном плане. Здесь считаем уместным отметить несводимость друг к другу таких явлений, как мобильность и миграция. Мобильность предполагает готовность человека к подвижности, а миграция представляет собой фактическое движение, территориальное перемещение.

Одним из обязательных условий существования миграции является наличие как минимум двух территориально определенных совокупностей людей - территории выхода и территории вселения. Миграционный процесс включает в себя набор событий, итогом которых становится смена места жительства. При этом следует помнить о том, что некоторые события носят латентный, скрытый характер (здесь речь идет о формировании готовности к подвижности), а другие - фактический характер (непосредственные выбытие и прибытие). Для того чтобы миграционный процесс имел место быть все выше перечисленные события должны составить статистически значимую

⁴³ Заславская Т.И., Рыбаковский Л.Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социологические исследования. 1978. № 1. С. 246.

совокупность, что объясняется такой чертой миграции, как ее массовость в количественном отношении. Помимо количественных показателей миграция характеризуется и временным интервалом, что также является сущностной чертой процесса. Таким образом, мы солидаризируемся с позицией Л.Л. Рыбаковского, который миграционный процесс характеризует как зафиксированную в пространстве и времени серию миграционных событий⁴⁴.

Миграционный процесс в научной литературе принято описывать с помощью трех стадий. Основы подобного подхода были заложены в науке последней трети XX вв., в частности, в трудах Заславской Т.И., Рыбаковского Л.Л.⁴⁵, Шамилевой Л.Л.⁴⁶. Речь идет о таких фазах, или стадиях, миграционного процесса, как исходная, основная и заключительная. Каждая стадия представляет собой не только веху миграционного процесса, но и характеризуется определенной качественной спецификой. Таким образом, считаем возможным назвать следующие стадии миграционного процесса:

1) миграционная установка, готовность к миграции. Данная стадия может быть охарактеризована как подготовительная (или потенциальная миграция), в ее рамках формируется процесс территориальной подвижности населения; другими словами, на этом этапе складывается лояльное отношение к возможной постоянной или временной смене местожительства и трудовой деятельности. Здесь можно говорить о психологической готовности к перемещению;

2) непосредственное переселение, факт наличия миграционных потоков. Также данную стадию можно охарактеризовать как реализацию установки на миграцию;

3) стадия завершения миграционного процесса, которую можно охарактеризовать в таких терминах, как адаптация и интеграция. Это стадия

⁴⁴ Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: (вопросы теории). М., 2003. URL: rybakovsky.ru/migracia2.html (дата обращения: 26.01.2019).

⁴⁵ Заславская Т.И. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе / Т.И. Заславская, Л.Л. Рыбаковский // Социологические исследования. 1978. № 1. С. 56-65.

⁴⁶ Shamileva L.L. Modeling of population migrations in the area. Candidate's degree thesis in economy. М., 1975.

адаптации мигранта к изменившейся социально-экономической и социокультурной среде. Стадия адаптации является наиболее сложной, поскольку обусловлена временем пребывания трудового мигранта в другой стране. Если процесс переезда в другую страну в поисках работы является однократным или повторяющимся через определенный промежуток времени, то здесь вряд ли можно говорить о социокультурной интеграции в принимающее сообщество. Однако трудовой мигрант может принять решение остаться и стать жителем другой страны, и тогда вопрос о такой интеграции актуализируется в полной мере.

По мнению Рыбаковского Л.Л., адаптационные процессы мигрантов реализуются в течение трех лет, тогда как для их полной интеграции потребуется от 5 до 10 лет. Считаем возможным утверждать, что наименьшая миграционная активность характерна для людей, вселившихся на данную территорию более 10 лет, а наибольшая характеризует мигрировавших в последние пять лет. Среди последней категории подвижного состава населения Рыбаковский Л.Л. выделяет два слоя - первый, который получил название «переходный» включает в себя людей, проживших на новой для них территории более 5 лет, второй слой - «текучий», те, кто прожил менее 5-летнего срока. С течением времени привязанность к районам выхода размывается, завязываются новые связи в местах вселения, что способствует формированию патриотизма к данной территории.

Миграционная активность детерминируется, на наш взгляд, уровнем жизни населения, и чем он ниже у человека по сравнению с преобладающей частью населения данной территории, тем человек испытывает большую готовность к миграции. Почему же постоянное население, так называемые старожилы, не столь склонны к миграции? Ответ очевиден - уровень их жизни достаточно высок, что позволяет подключаться и иным социально-психологическим факторам, препятствующим миграционной подвижности, в частности речь идет о привязанности к родным местам, родственных связях и пр.

Миграционные процессы определяются большим количеством факторов, которые различны по степени своего воздействия на миграцию, по пространственно-временному проявлению и т.д., что приводит к необходимости классификации факторов миграционного процесса. В научной литературе нет недостатка различных способов классификации факторов миграционного процесса, что объясняется различными основаниями факторов и в частности - сферой их применения. Мы назовем имена авторитетных отечественных ученых, занимавшихся еще в XX веке обозначенной проблематикой: Заславская Т.И., Корель Л.В., Малинин Е.Д. и Ушаков А.К., Оникиенко В.В. И Поповкин В.А., Переведенцев В.И., Староверов В.И. и т.д.

Вслед за Рыбаковским Л.Л., мы в основу классификации факторов закладываем возможность их воздействия на миграционный процесс и выделяем следующие факторы:

- 1) относительно постоянные, куда включаем климат, месторасположение территории и т.д.;
- 2) временные или меняющиеся медленно - структурные факторы, освоение территорий и т.п.;
- 3) факторы, поддающиеся прямому или опосредованному воздействию на протяжении короткого времени.

Миграция имеет важное социальное значение и для Российской Федерации. Наша страна является системой, открытой для миграционных процессов, что объясняется недостаточными ресурсами естественного движения населения, на протяжении ряда лет имеющими отрицательные значения, что говорит о естественной убыли населения России. В связи с чем повышается роль миграции в воспроизводстве российского населения, коль интенсивность естественного движения достаточно низка.

Следует отметить высокую значимость коллективных миграций в деле адаптации и интеграции мигрантов. Коллективные переселения не только позволяют сохранить различного рода связи между индивидами -

родственные, социальные и т.д., но и в известной степени переносят устоявшиеся способы социального взаимодействия на территорию вселения.

При анализе процессов миграции и особенностей поведения мигрантов, интегрирующихся в культуру принимающего сообщества, можно выделить ряд проблем, возникающих как следствие различий в ценностно-нормативных и поведенческих установках и предпочтениях (проблемы с трудоустройством, жилищно-бытовая неустроенность, возможное девиантное поведение мигрантов, противоречия и конфликты с представителями принимающего сообщества и, как следствие, тревожность, напряженность, стрессы, агрессивность и т.п.).

В данной работе также рассматриваются ситуации специфической миграции, обусловленной профессиональной деятельностью, изучается мотивация выбора подобных профессий, сопряженных с вынужденными переездами, также процессы адаптации и удовлетворенности собственной жизнью, влияние профессиональных миграций на семейные взаимоотношения. В работе представлены личностные особенности миграционных перемещений, связанных с выбранной профессией, анализ происходит на глубинном уровне.

Таким образом, важным аспектом исследования миграции выступает анализ факторов, которые на нее влияют. Эверетт С. Ли, американский социолог и демограф, в своей работе «Теория миграции» (1966)⁴⁷ предлагает комплексный взгляд на факторы, влияющие на решение человека о переезде. Вместо простого деления на «выталкивающие» и «притягивающие» факторы, Ли разработал более нюансированную модель, учитывающую различные аспекты.

Согласно Ли, решение о миграции определяется четырьмя основными группами факторов:

⁴⁷ Lee E. A Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3. № 1. P. 47-57.

1. Факторы, связанные с местом отправления (origin): Это те условия, которые заставляют человека покинуть свой дом. Они могут быть экономическими (безработица, низкие зарплаты), социальными (дискриминация, политическая нестабильность), экологическими (загрязнение, стихийные бедствия) или личными (семейные обстоятельства).

2. Факторы, связанные с местом назначения (destination): Это привлекательные условия, которые манят человека в новое место. Они могут включать в себя возможности трудоустройства, более высокие зарплаты, лучшее образование, политическую стабильность, более благоприятную экологическую обстановку и т.д.

3. Промежуточные препятствия (intervening obstacles): Это факторы, которые затрудняют или делают невозможной миграцию, даже если место назначения кажется привлекательным. К ним относятся расстояние, стоимость переезда, языковой барьер, визовые ограничения, культурные различия и т.д.

4. Личные факторы (personal factors): Это индивидуальные характеристики человека, которые влияют на его решение о миграции. К ним относятся возраст, образование, семейное положение, личностные качества (например, склонность к риску), информация о месте назначения и т.д.

Важно отметить, что Ли подчеркивал относительность этих факторов. То, что является привлекательным для одного человека, может быть непривлекательным для другого. Например, высокая зарплата в большом городе может быть привлекательной для молодого специалиста, но непривлекательной для пенсионера, который ценит тишину и спокойствие.

Кроме того, Ли обращал внимание на селективность миграции. Не все люди одинаково склонны к миграции. Как правило, мигранты более образованны, амбициозны и готовы к риску, чем те, кто остается на месте.

Теория Ли оказала огромное влияние на изучение миграции и до сих пор используется исследователями для анализа миграционных процессов в различных контекстах. Она позволяет понять, что миграция – это сложный и многогранный процесс, который определяется не только экономическими

факторами, но и социальными, политическими, экологическими и личными обстоятельствами. Его работа подчеркивает, что решение о миграции – это результат сложного взаимодействия между выталкивающими и притягивающими факторами, а также промежуточными препятствиями и личными характеристиками человека.

Проанализировав работы зарубежных ученых, Ю.А. Попова обратила внимание на следующие теоретические направления в исследовании миграционных процессов: неоклассическая теория миграции (Э. Равенштейн, У.А. Льюис, Дж. Фей и другие), теория новой экономики миграции (О. Старк, Д. Блум, Е. Кац, Э. Тэйлор), теория двойного рынка труда (М. Пиоре), теория мировых систем (И. Валлерстайн), теория социальных сетей, институциональная теория, теория кумулятивных причин и др.⁴⁸.

Обзор научной литературы по проблемам миграции, ее видов, последствий и эффектов приводит к выводу о том, что вопросы миграции и миграционных процессов входят в междисциплинарное поле и, как следствие, нельзя говорить о цельной методологической концепции их исследования.

Современная миграционная мобильность населения планеты становится более интенсивной, масштабной, обретает новые направления и формы и, как следствие, выступает важным структурным элементом социальной реальности. Это влечет за собой актуализацию исследований, связанных с последствиями миграций, их влиянием на социально-экономическую и социокультурную жизнь принимающего общества. Изучение миграций населения в рамках социально-демографического и экономического подходов, хоть и является достаточно продуктивным, однако имеет ограниченные возможности. С этой точки зрения применение социологического инструментария, теории и методов социологии значительно расширяет и дополняет исследования миграционных процессов.

⁴⁸ Попова Ю.А. Миграция как область междисциплинарных исследований в современной научной литературе // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 285–300. DOI: 10.36718/2500-1825-2022-2-285-300.

Можно выделить следующие направления социологических исследований миграции:

- стратификационный анализ миграционной мобильности; изменение социального статуса индивида или группы людей в результате территориальных перемещений (меняется род занятий, социальное положение и т.д.);

- миграционная мобильность и факторы, влияющие на нее (социальный статус, социальное происхождение, этническая/национальная принадлежность, образование и т.д.);

- социальные факторы, влияющие на индивидуальное и/или коллективное поведение мигрантов в новой среде пребывания;

- миграционные «ожидания и реальность» в связи с новым местом жительства;

- специфика миграционных процессов, обусловленная особенностями поведенческих практик мигрантов; управление и регулирования миграционных процессов;

- социальная и социокультурная (в том числе и этнокультурная) адаптация и интеграция мигрантов в принимающее общество, успешность которой зависит от ряда существенных факторов: уровень владения языком общения в новой среде, наличие или складывание этнокультурных диаспор, браки с представителями коренного населения, стратегии культурного развития мигрантов и т.п.;

- конфликтологический потенциал миграционных процессов (национализм, возможные социально-психологические и социально-политические конфликты, политические интересы и предпочтения и т.п.). политические предпочтения мигрантов и их политическое положение; проблемы национализма, социальные и социально-психологические основы конфликтов.

Современная социология обладает достаточным набором теоретико-методологических подходов и принципов для исследования миграционных

процессов, миграционной мобильности и всех сопутствующих им феноменов общественного бытия, разработанных в основном зарубежными учеными-социологами. Однако, их потенциал используется не в полной мере.

Социологический подход применительно к миграции и миграционным процессам представлен рядом направлений, среди которых можно выделить следующие.

1) Позитивистский подход в изучении миграционных процессов, как и в других областях социальных наук, характеризуется стремлением к объективному, эмпирически обоснованному знанию, основанному на наблюдении, измерении и анализе данных. Вместо субъективных интерпретаций и философских рассуждений, позитивисты стремятся выявить закономерности и причинно-следственные связи, управляющие миграционными потоками.

Можно выделить такие ключевые черты позитивистского подхода в контексте миграции, как:

- широкое использование количественных данных (данных статистики, демографических показателей, экономических показателей для анализа миграционных тенденций;

- стремление к выявлению общих принципов и закономерностей, объясняющих миграцию вне зависимости от конкретного контекста. Например, разработка моделей, описывающих взаимосвязь между экономическим развитием и миграционными потоками.

- попытка исключить субъективные ценности и политические убеждения из процесса исследования, чтобы получить максимально объективную картину.

- выявление факторов, которые «вызывают» или «стимулируют» миграцию, а также последствий миграции для принимающих и отправляющих стран.

- применение математических и статистических моделей для прогнозирования миграционных потоков и оценки их влияния на различные аспекты жизни общества.

Хотя сложно выделить конкретных «основателей» в чистом виде, поскольку подход развивался постепенно, можно отметить исследователей, чьи работы оказали значительное влияние на формирование позитивистской перспективы.

Труд Э.Г. Равенштейна «Законы миграции» (1885, 1889) можно назвать одним из первых систематических исследований миграционных процессов⁴⁹. Равенштейн, опираясь на статистические данные, выявил ряд закономерностей: «...мигрантов, переселяющихся на большие расстояния, притягивают к себе центры промышленности и торговли; население больших городов увеличивается более за счет миграционного прироста, чем за счет естественного; объем миграции увеличивается пропорционально развитию промышленности, торговли и транспорта; главные причины миграции – экономические»⁵⁰. Хотя его «законы» подвергались критике за упрощенность, они заложили основу для дальнейших количественных исследований.

Уже упомянутый выше Эверетт Ли развил модель «факторов выталкивания и притяжения», добавив к ней «промежуточные препятствия», которые влияют на принятие решения о миграции⁵¹. Ли отмечал, «...что с местом прибытия и выбытия неизменно связаны две группы факторов, оказывающих влияние на мигранта — позитивные и негативные (например, желание жить рядом с родственниками или трудности, с которыми предстоит столкнуться при переезде)»⁵². Его работа подчеркивала важность учета различных факторов, влияющих на миграционные процессы.

⁴⁹ Ravenstein E. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society, 1885. № 46. P. 167–235.

⁵⁰ Калимуллина Л.Р. Законы Е.Г. Равенштайна в сфере объективных условий и субъективных факторов миграции: современная интерпретация // Казанский педагогический журнал. 2015. № 5-1 (112). С.215-218.

⁵¹ Lee E. A Theory of Migration // Demography. 1966. № 3. P. 47–57.

⁵² Василенко П.В. Зарубежные теории миграции населения // Псковский регионологический журнал. 2013. № 16. С. 36-42. С. 38.

Исследователи, работающие в рамках неоклассической экономической теории миграции (к примеру, М. Тодаро⁵³) рассматривают миграцию как рациональный выбор индивида, стремящегося максимизировать свою экономическую выгоду. Они разрабатывают математические модели, описывающие взаимосвязь между заработной платой, уровнем безработицы и миграционными потоками.

Однако, позитивистский подход не может быть универсальным для оценки миграционных процессов, поскольку, во-первых, сводит миграции к набору количественных показателей и игнорирование культурных, социальных и политических факторов; во-вторых, игнорирует специфические исторические и социальные условия, в которых происходят миграционные процессы; в-третьих, рассматривает мигрантов как пассивных объектов, реагирующих на внешние стимулы, а не как активных субъектов, принимающих собственные решения; в-четвертых, несмотря на стремление к объективности, выбор данных, методов анализа и интерпретация результатов могут быть подвержены влиянию ценностей и убеждений исследователя, и, наконец, в-пятых, традиционные позитивистские модели часто оказываются неспособными объяснить сложные и динамичные формы миграции, такие как транснациональная миграция, циркулярная миграция и миграция, обусловленная экологическими факторами.

В ответ на эту критику, в последние десятилетия в исследованиях миграции все большее распространение получают альтернативные подходы, такие как конструктивистский подход, который подчеркивает роль социальных конструкций, идентичности и дискурсов в формировании миграционных процессов⁵⁴; критический подход, анализирующий миграцию в

⁵³ Микаэль Н. Тодаро. Экономическое развитие. М.: Юнити, 1997. С. 235.

⁵⁴ Варшавер Е. Интеграция мигрантов через призму конструктивистского подхода к этничности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. № 25(2). С. 377-396.

контексте властных отношений и неравенства⁵⁵; феминистский подход⁵⁶, исследующий гендерные аспекты миграции и влияние миграции на положение женщин.

Тем не менее, позитивистский подход продолжает играть важную роль в исследованиях миграции, особенно в области демографии, экономики и социологии. Он предоставляет ценные инструменты для анализа количественных данных, выявления закономерностей и прогнозирования миграционных потоков. Однако, для получения более полного и глубокого понимания миграционных процессов, необходимо сочетать позитивистские методы с другими подходами, учитывающими сложность, многогранность и динамичность этого явления. Современные исследования часто стремятся к интеграции количественных и качественных методов, чтобы получить более комплексную картину миграции, учитывающую как объективные факторы, так и субъективные переживания мигрантов. Важно понимать, что ни один подход не является универсальным, и выбор метода исследования должен определяться конкретными исследовательскими вопросами и целями. В конечном счете, стремление к более полному и точному пониманию миграции требует критического осмысления сильных и слабых сторон каждого подхода и готовности к интеграции различных перспектив.

Теория экологии человека, разработанная Робертом Парком⁵⁷ и Родериком Маккензи⁵⁸ в начале XX века, предлагает интересный взгляд на понимание миграционных процессов. Вместо того, чтобы рассматривать миграцию как простое перемещение людей из одного места в другое, они

⁵⁵ Липатова Т.Н. Критический реализм как методологическая основа миграционных исследований (на материалах зарубежных исследований) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 4 (60). С. 93–98.

⁵⁶ Илимбетова А.А. Глобальный процесс феминизации миграции // Век глобализации. 2013. № 1. С. 79–91.

⁵⁷ Парк Р. Экология человека // Теория общества. Под ред. А.Ф. Филиппова. М., С. 384–401; Парк Р.Э. Человеческая миграция и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Сер.11. Социология. 1998 №3. С. 167-176.

⁵⁸ Маккензи Р. Экологический подход к изучению человеческого сообщества // Вопросы социальной теории. 2008. Т. II. Вып. 1(2). С. 232-246.

видели ее как динамичный процесс адаптации и конкуренции в рамках определенной социальной и пространственной среды.

Суть их подхода заключается в применении экологических принципов, заимствованных из биологии, к изучению человеческих сообществ. Они рассматривали город (или любое другое поселение) как экологическую систему, в которой различные группы населения (расы, этнические группы, классы) конкурируют за ресурсы и пространство, подобно видам в природе.

Мигранты, прибывая в новое место, вступают в конкуренцию с местным населением за рабочие места, жилье, социальные услуги и другие ресурсы. Эта конкуренция может приводить к напряженности и конфликтам, но также и к инновациям и развитию. Некоторые группы населения, обладающие большей властью и ресурсами, могут доминировать над другими, ограничивая их доступ к возможностям и ресурсам. В контексте миграции, это может проявляться в дискриминации и сегрегации мигрантов.

Несмотря на критику и обвинения в детерминизме, упрощенности и отсутствии внимания к политическим и экономическим факторам, теория экологии человека Р. Парка и Р. Маккензи остается важным инструментом для понимания миграционных процессов. Она предлагает полезную концептуальную рамку для анализа взаимосвязи между миграцией, социальной средой и пространственной организацией. Она подчеркивает, что миграция – это не просто перемещение людей, а сложный процесс адаптации, конкуренции и взаимодействия, который формирует как жизнь мигрантов, так и принимающее общество: «Миграция как социальное явление должна быть изучена не только с точки зрения ее общих последствий, проявляющихся в изменении обычаев и нравов, но и может быть рассмотрена в ее субъективных аспектах, находящих выражение в том изменившемся типе личности, который она производит»⁵⁹.

⁵⁹ Парк Р.Э. Человеческая миграция и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Сер.11. Социология. 1998. №3. С. 169.

Современные исследователи, опираясь на идеи Парка и Маккензи, развивают и модифицируют их теорию, учитывая критические замечания и новые реалии глобального мира. Например, они уделяют больше внимания роли глобализации, транснациональных связей и информационных технологий в формировании миграционных потоков и адаптации мигрантов. Концепция «транснационализма» позволяет рассматривать мигрантов не как оторванных от своей родины, а как поддерживающих активные связи с ней, создавая транснациональные сообщества и сети.

Кроме того, современные исследования миграции, вдохновленные экологическим подходом, все больше внимания уделяют вопросам устойчивости и экологической справедливости. Миграция, вызванная изменением климата и экологическими катастрофами, становится все более актуальной проблемой. Экологический подход позволяет анализировать, как миграция влияет на окружающую среду в принимающих регионах и как экологические проблемы в регионах происхождения способствуют миграции. Например, можно исследовать, как приток мигрантов в города влияет на потребление ресурсов, загрязнение окружающей среды и доступность жилья. Или, наоборот, как засухи и наводнения в сельских районах вынуждают людей мигрировать в города, создавая новые экологические и социальные проблемы. Таким образом, теория экологии человека предоставляет ценную перспективу для анализа взаимосвязи между миграцией, социальной средой, пространственной организацией и экологическими факторами, позволяя разрабатывать более эффективные стратегии интеграции мигрантов и управления миграционными потоками.

Структурный функционализм – одна из ключевых социологических теорий – рассматривает общество как сложную систему взаимосвязанных частей, каждая из которых выполняет определенную функцию для поддержания стабильности и равновесия целого. В рамках этого подхода можно понять, как перемещение людей влияет на структуру и функционирование как принимающего, так и отправляющего обществ.

Э. Дюркгейм, один из основоположников социологии, подчеркивал важность социальной солидарности и интеграции для стабильности общества. В контексте его концепции, миграция выступает в качестве фактора, потенциально способствующему аномии. Как в принимающем, так и в отправляющем обществах, миграция может нарушать существующие социальные связи и нормы. В принимающем обществе, приток мигрантов с другими культурными ценностями может создавать напряжение и конфликты, особенно если мигранты не интегрируются в существующую социальную структуру. В отправляющем обществе, отток населения, особенно квалифицированных специалистов, может ослабить экономику и социальную структуру, приводя к дезорганизации. Однако, миграция может способствовать развитию новых социальных связей и институтов, которые помогают интегрировать мигрантов в принимающее общество и поддерживать связь с отправляющим обществом.

Развивая идеи Э. Дюркгейма, Т. Парсонс предложил более сложную модель общества как системы, стремящейся к равновесию⁶⁰. Он выделил четыре функциональных императива, необходимых для выживания любой социальной системы: адаптацию (способность системы адаптироваться к внешней среде и обеспечивать необходимые ресурсы), целеполагание (способность системы определять и достигать цели), интеграция (способность системы поддерживать внутреннюю солидарность и координацию), латентность (способность системы поддерживать культурные ценности и нормы). Социальная адаптация мигранта в новой социальной среде, по Т. Парсонсу, «...может реализоваться с помощью приспособленческих механизмов защитно-психического и познавательного характера. Структурно-функциональный подход Т. Парсонса и его последователей позволяет выявить в миграционном процессе как функциональные, так и дисфункциональные характеристики. Важным аспектом данного подхода является и методологическая возможность выявления как явных, так и латентных

⁶⁰ Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2002. 880 с.

социально значимых функций миграции. Дисфункцией могут быть, в частности, возникновение закрытых сообществ криминального характера, фобии местного сообщества и неприятие им мигрантов на своей территории и т.п.»⁶¹.

С точки зрения Парсонса, миграция может рассматриваться как механизм адаптации как для индивида, так и для общества. Для индивида, миграция может быть способом адаптироваться к экономическим, политическим или социальным изменениям, улучшить свои жизненные условия и реализовать свой потенциал. Для общества, миграция может способствовать адаптации к изменениям в демографической структуре, экономике и технологиях. При этом, чтобы миграция была функциональной для общества, необходимо, чтобы мигранты интегрировались в существующую социальную структуру и принимали основные ценности и нормы принимающего общества. Если этого не происходит, миграция может привести к социальной дезинтеграции и конфликтам.

Р. Мертон, в отличие от Т. Парсонса, был более критичен к функционалистскому подходу. Он предложил различать манифестные функции (осознанные и намеренные последствия социальных действий) и латентные функции (неосознанные и непреднамеренные последствия): « Явные функции – это те объективные результаты, способствующие регулировке или адаптации системы, которые планируют и осознают участники данной системы. Латентные функции, соответственно те, которые они не планируют и не осознают»⁶². Он также ввел понятие дисфункции – последствия социальных действий, которые подрывают стабильность и равновесие системы. С позиций Р. Мертона миграция может быть охарактеризована через выполнение всех этих функций.

⁶¹ Гужавина Т. А., Айрапетян Э. М. Адаптация мигрантов в принимающем социуме. Кейс армян в Вологодской области // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 4. С. 89-101. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-8, URL: <https://rrsociology.ru/journal/article/2953/> (дата обращения: 11.08.2023).

⁶² Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. С. 146.

2) Вторым направлением социологических исследований миграции можно выделить этносоциологический подход (К. Дэвис, Ю. Арутюнян, Л. Дробижева и др.), в рамках которой миграция рассматривается как социальный процесс, тесно переплетенный с этнической и культурной идентичностью мигрантов и принимающего населения. Этот подход акцентирует внимание на следующих ключевых аспектах:

- культурная адаптация и интеграция: как мигранты адаптируются к новой культурной среде, сохраняя при этом свою этническую идентичность;

- межэтнические отношения и конфликты: этносоциологический подход позволяет анализировать причины и динамику межэтнических отношений, выявлять факторы, способствующие толерантности и предотвращению конфликтов;

- сохранение и трансформация этнической идентичности: этносоциологи изучают, как мигранты сохраняют, трансформируют или даже конструируют свою этническую идентичность в новых условиях;

- влияние миграции на принимающее общество: рассматривается влияние миграции на принимающее общество, включая изменения в культурном ландшафте, социальной структуре и межгрупповых отношениях.

К. Дэвис заложил основы для понимания демографических процессов, включая миграцию, и их влияния на социальные структуры⁶³. Ю. Арутюнян внес значительный вклад в изучение этнических процессов в СССР и России, анализируя влияние миграции на этническую структуру и межэтнические отношения⁶⁴. Идеи Л.М. Дробижевой легли в основу исследований миграции с точки зрения толерантности и межэтнических отношений, сохранения или утраты мигрантами своей этнической идентичности⁶⁵.

⁶³ Дэвис К. Социология демографического поведения // Социология сегодня, [пер. с англ.], М. 1965.

⁶⁴ Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Многообразие культурной жизни народов СССР. М., 1987.

⁶⁵ Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты: [монография] / Отв. ред. Л.М. Дробижева. Москва: ФНИСЦ РАН, 2018. С. 386-413.

Этносоциологический подход позволяет увидеть миграцию как сложный социальный процесс, учитывающий культурные, этнические и социальные факторы; помогает понять мотивы и стратегии мигрантов, а также их взаимодействие с принимающим обществом; предоставляет информацию, необходимую для разработки эффективной миграционной политики, направленной на интеграцию мигрантов и предотвращение межэтнических конфликтов.

Социологические исследования миграции, социального взаимодействия мигрантов с местным населением опираются на разнообразные теоретические рамки: «понимающую» социологию М. Вебера, системно-структурный анализ Т. Парсонса, феноменологические концепции А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана, этнометодологический подход Г. Гарфинкеля и другие.

3) Теория миграционных систем («миграционных цепей») представляет собой еще одно социологическое направление исследований миграции. Суть сетевой гипотезы заключается в том, что связь человека с настоящими или бывшими мигрантами открывает более широкий доступ к тем ресурсам, которые могут повлиять на его собственную миграцию. Так, Д. Массей отмечает, что тесные родственные, дружеские, региональные связи между приезжающими позволяют им снизить риски переезда и нахождения работы на новом месте и т.п.⁶⁶.

Я. Щепаньский⁶⁷ и П. Штомпка⁶⁸ предложили рассматривать миграцию в контексте социальных изменений на фоне социальных взаимодействий. С одной стороны, это позволяет проанализировать структурно-функциональные изменения, с другой стороны дает возможность увидеть социальные последствия миграционных процессов.

⁶⁶ Яковлева Е.Б. Западные теории внешней трудовой миграции (критический анализ на основе европейских и российских реалий) // Проблемы современной экономики. 2017. № 1 (61). URL: <https://m-economy.ru/art.php?nArtId=5982> (дата обращения: 03.12.2021).

⁶⁷ Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969.

⁶⁸ Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. Под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996.

Для нас большой интерес представляет теория культурных полей, предложенная французским социологом Пьером Бурдьё, поскольку она выступает продуктивным инструментом для понимания сложностей, с которыми сталкиваются внешние мигранты в процессе социокультурной интеграции. Вместо того, чтобы рассматривать интеграцию как односторонний процесс ассимиляции, теория Бурдьё позволяет увидеть ее как динамичное взаимодействие между различными «полями» – социальными пространствами, где люди конкурируют за ресурсы и признание⁶⁹.

На наш взгляд, теория полей П. Бурдьё может быть положена в основу методологического инструментария данной диссертационной работы, и более подробно возможности применения теории полей П.Бурдьё к анализу социокультурной интеграции мигрантов в поликультурное общество будут представлены в следующем разделе диссертации.

Большой вклад в исследования миграции внесли российские социологи, среди которых, помимо упомянутого выше Л.Л. Рыбаковского, стоит выделить системный подход Т.И. Заславской, инициировавшей изучение миграции на примере сельского населения Сибири, активно перемещающегося в советское время в города⁷⁰. Т. И. Заславская отмечала, что «...не только закономерности развития производства, но и меняющиеся потребности, интересы и стремления людей играют важную роль в миграции. Таким образом, формирование миграционных установок происходит с одной стороны, под воздействием внешних обстоятельств, а с другой - в силу особенностей самого индивида. Данная концепция утвердила взгляд на миграцию как на объективный процесс, играющий большую и в целом позитивную роль в жизни общества»⁷¹.

⁶⁹ Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. 288 с.

⁷⁰ Заславская Т.И., Корель Л.В. Миграция населения между городом и селом // Социологические исследования. 1981. № 3.

⁷¹ Саманчина Ж.Б. Обзор концепций миграции, разработанных советскими и постсоветскими учеными // Известия вузов. 2012. № 6. С. 233-237. С. 233.

Проблемы адаптации и интеграции мигрантов, как в экономическом, так и в психологическом плане, также рассматривались в трудах В.Н. Петрова⁷². Большое внимание ученый уделял интеграции мигрантов в полиэтничную среду. Анализируя проблемы, связанные с миграционными процессами, он отмечал: «Возникающее социальное напряжение вызвано также разнородностью институциональных оснований, то есть различиями в социальном порядке и социальной организации различных этносов, социокультурными различиями, неопределенностью положения мигрантов, несовпадением статусно-ролевых представлений, конфликтом идентичностей, маргинализацией»⁷³.

Важным направлением в современной социологии становится изучение жизненных сил и субъектности, как индивидуальной, так и социальной (С.И. Григорьев, Л.Д. Демина, Ю. Е. Растов⁷⁴ и др.). Жизненные силы человека понимаются через «...способности людей к выживанию, воспроизводству и адаптации в динамично меняющихся условиях жизни, а также возможности по улучшению собственной жизни; практическую реализацию и тесную взаимосвязь способностей и возможностей. Под жизненным пространством же понимается вся совокупность характеристик окружающей среды, создающих основания для жизни социальных групп и индивидов»⁷⁵. Таким образом, миграцию можно рассматривать как результатом взаимодействия жизненных сил и жизненного пространства.

Несмотря на обилие существующих теорий миграции, некоторые исследователи считают, что нет необходимости в создании новых. В России

⁷² Петров В.Н. Толерантность и идентичность: взаимодействие этнических мигрантов и местного населения Краснодарского края // Социологический журнал. 2002. № 4. С. 110-120.

⁷³ Там же. С. 111.

⁷⁴ Жизненные силы человека: социальная метатеория или виталистская социологическая парадигма? / под ред. С. И. Григорьева, Л. Д. Деминой. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000.

⁷⁵ Сердюков К.Н. Основные парадигмы социологического подхода к исследованию миграционных процессов (часть 2) // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 426-429. С. 427.

изучение миграции часто ограничивалось рамками отдельных дисциплин, что приводило к разрозненности знаний. Это объяснимо сложностью и многогранностью миграционных процессов, которые трудно объяснить с точки зрения одной теории.

В этой связи, теория жизненных сил и субъектности представляется перспективным направлением, поскольку она позволяет рассматривать миграцию не только как вынужденный шаг, обусловленный экономическими или политическими факторами, но и как осознанный выбор, направленный на самореализацию и раскрытие потенциала личности. Она позволяет увидеть в мигранте не просто объект воздействия внешних обстоятельств, а активного субъекта, стремящегося к улучшению своей жизни и реализации своих жизненных целей.

Более того, эта теория позволяет объяснить, почему миграционные потоки часто направлены не в самые благополучные регионы, а в те, которые предоставляют больше возможностей для самореализации, даже если это сопряжено с определенными трудностями и рисками. Ведь жизненные силы – это не только материальные ресурсы, но и стремление к развитию, самосовершенствованию, поиску новых возможностей и реализации своего потенциала. И именно эти нематериальные факторы часто становятся определяющими при принятии решения о миграции.

4) Самостоятельной отраслью социологии в последние десятилетия стала социология миграции, предметным полем которой выступает социальная функция воспроизводства «...непосредственной жизни субъектов миграционных процессов через реализацию ими социальных интересов в результате смены места жительства общества»⁷⁶.

В исследованиях интеграции мигрантов следует выделить работы известного российского социолога В.И. Мукомеля, внесшего огромный

⁷⁶ Блантер С., Нагайцева Е. Социологические подходы к изучению миграции // Методология и методы изучения миграционных процессов. Междисциплинарное учебное пособие. Под ред. Жанны Зайончковской, Ирины Молодиковой, Владимира Мукомеля. Центр миграционных исследований. М., 2007. 370 с. С.267.

вклад в развитие социологии миграции. Ученый рассматривая как характеристики самих мигрантов, так и особенности принимающего и, в некоторой степени, отдающего общества. Он придерживается интеграционного подхода, считая его наиболее перспективным для России, учитывая неоднозначный опыт других стран с ассимиляцией и мультикультурализмом⁷⁷.

По мнению Мукомеля, ключевые факторы успешной интеграции, в отличие от адаптации, которая, в первую очередь, зависит от наличия жилья и трудоустройства, связаны с миграционной политикой принимающей страны, личными качествами мигрантов, уровнем толерантности в обществе, наличием дискриминации и имеющимся историческим опытом⁷⁸. Таким образом, адаптация можно рассматривать как поверхностное приспособление мигрантов к принимающему обществу, а интеграцию – как двусторонний процесс взаимодействия, смешения и обогащения мигрантов и культуры принимающего общества⁷⁹. Для успешной интеграции необходимы отсутствие ксенофобии, мигрантофобии и дискриминации в целом и наличие миграционной политики и социальных институтов, препятствующих этим явлениям.

При этом разные группы мигрантов демонстрируют разные интеграционные стратегии. Так, мигранты, планирующие остаться в стране надолго, нуждаются в полноценной интеграции, в то время как трудовые мигранты, приезжающие на заработки, – в адаптации, охватывающей языковые, культурные, социальные и экономические аспекты. При этом

⁷⁷ Мукомель В.И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся: ежегодник/ отв. ред. М.К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 412.

⁷⁸ Мукомель В.И. Методические и практические аспекты изучения интеграции иммигрантов: специфика постсоветского пространства. М.: Центр миграционных исследований, 2007. С. 142-171.

⁷⁹ Мукомель В.И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся: ежегодник/ отв. ред. М.К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 414-416.

следует понимать, что такое разделение является условным, так как трудовые мигранты со временем могут и остаться в принимающей стране на постоянное местожительство⁸⁰.

Говоря о факторах успешной адаптации, прежде всего следует учитывать происхождение, пол и индивидуальные характеристики мигрантов. Также имеет значение длительность проживания в принимающей стране, присутствие рядом семьи или других родственников. Что касается интеграции, то В.И. Мукомель отмечает: «Интегрированными можно считать мигрантов, чётко формулирующих свои намерения остаться в России навсегда, позитивно оценивающих отношения с местными жителями, практически разорвавших со страной исхода и идентифицирующих себя и своё потомство с Россией»⁸¹.

Факторами успешной интеграции могут выступать такие, как « – доступность важнейших составляющих социальной среды (рынки занятости, жилья, образования, социального, культурного обслуживания и т.п.); – социокультурная дистанция между принимающим и посылающим обществом; – этнокультурные особенности групповой самоорганизации, производные от специфики социальной организации и традиций посылающего общества...»⁸² и другие.

Успешная интеграция мигрантов во многом зависит от экономических, культурных и социально-демографических факторов, обуславливающих

⁸⁰ Там же. С. 225; Кузнецов И.М. Адаптационные стратегии мигрантов в условиях мегаполиса (на примере г. Москвы): автореф. дисс. к.соц.н. // Официальный сайт ИС РАН. 2006. URL:<http://www.isras.ru/publ.html?id=1840> (Дата обращения: 20.03.2020).

⁸¹ Мукомель В.И. Трансформация трудовой миграции: социальные аспекты // Россия реформирующаяся. Вып. 11: Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2012. С. 256.

⁸² Мукомель В.И. Миграционная политика России: Постсоветские контексты / Институт социологии РАН. М.: Диполь-Т, 2005. С. 217.

отношение к мигрантам⁸³, другими словами, интегрированность самого принимающего общества^{84, 85}.

Отношение россиян к мигрантам из разных стран различается и зависит от уровня их образования, культурной принадлежности, социального капитала, уровнем доверия к окружающим, доли представителей конкретной страны в миграционных потоках и отношений между Россией и страной исхода⁸⁶.

Еще одним фактором выступает вероисповедание мигрантов. Вера часто является неотъемлемой частью культуры, формируя ценности, традиции, нормы поведения и даже мировоззрение. Для многих мигрантов, особенно вдали от родины, вера становится важным якорем, связывающим их с прошлым, обеспечивающим чувство общности и помогающим адаптироваться к новой среде. Однако, религиозная принадлежность может стать источником противоречий и даже конфликтов между местными жителями и мигрантами, а также «использоваться политическими деятелями и/или СМИ в качестве разжигания вражды, представители одной религии могут воспринимать религиозную практику другой религии как попытку изменить статус-кво»⁸⁷.

⁸³ Мукомель В.И. Региональные особенности интеграции внутрироссийских иноэтнических мигрантов // Федерализм. 2018. № 2. С. 141-160.

⁸⁴ Мукомель В.И. Отношение россиян к мигрантам и миграции // ИНАБ №2. Социокультурные и социоструктурные факторы межэтнической напряжённости в регионах Российской Федерации: результаты исследования. М.: Институт социологии РАН, 2016. С. 50-65.

⁸⁵ Мاستикова Н.С. Динамика отношения к миграции в России (по данным Европейского социального исследования за 2006–2016 гг.) // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Том. 7. № 2. С. 99-116; Воронина Н.С., Фадеев П.В. Кто настроен против иммигрантов в России? Анализ некоторых социальнодемографических характеристик // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 4. С. 99-125.

⁸⁶ Мукомель В.И. Ксенофобы и их антиподы: кто они? // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 32–57. Цит. по: Мاستикова Н.С. Отношение к мигрантам в России: роль уровня религиозности и принадлежности к конфессии // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 147.

⁸⁷ Мاستикова Н.С. Отношение к мигрантам в России: роль уровня религиозности и принадлежности к конфессии // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 147.

Однако, важно понимать, что культурная принадлежность и вероисповедание – это не одно и то же. Внутри одной религиозной группы может существовать огромное разнообразие культурных практик и интерпретаций веры, обусловленных историческим контекстом, географическим положением и социальными факторами. Кроме того, культурная принадлежность может влиять на то, как человек воспринимает и практикует свою веру. Традиции, унаследованные от предков, могут переплетаться с религиозными обрядами, создавая уникальные культурно-религиозные практики. Например, празднование религиозных праздников может включать в себя элементы, характерные для конкретной культуры.

Миграция сама по себе может изменить взаимосвязь между культурой и верой. Оказавшись в новой стране, мигранты сталкиваются с необходимостью адаптироваться к новым культурным нормам и ценностям. Это может привести к усилению религиозной идентичности. В условиях культурной ассимиляции вера может стать способом сохранить свою идентичность и связь с родиной. Во-вторых, мигранты могут адаптировать и, как правило, адаптируют свои религиозные практики к новым условиям, например, посещать религиозные службы на другом языке или участвовать в межконфессиональных мероприятиях. В-третьих, мигранты могут создавать новые религиозные общины, объединяющие людей из разных культурных слоев, но разделяющих общую веру. В-четвертых, некоторые мигранты могут отказаться от своей веры, столкнувшись с культурными противоречиями или разочаровавшись в религиозных институтах.

Также важно учитывать поколенческие различия. Первое поколение мигрантов часто стремится сохранить свою культурно-религиозную идентичность в неизменном виде, передавая ее своим детям. Однако, второе и последующие поколения, выросшие в новой стране, могут иметь более гибкое отношение к вере и культуре. Они могут интегрировать элементы новой культуры в свои религиозные практики, создавать гибридные формы

идентичности, или даже отходить от традиционных верований, выбирая более индивидуалистический подход к духовности.

На взаимосвязь культуры и веры сильно влияет социально-экономический статус мигрантов. Мигранты, сталкивающиеся с бедностью, дискриминацией и социальной изоляцией, могут искать утешение и поддержку в религиозных общинах, которые становятся для них не только местом духовного обогащения, но и источником социальной помощи и солидарности. В таких случаях, религиозная идентичность может усиливаться и становиться более значимой, чем культурная.

С другой стороны, мигранты, успешно интегрировавшиеся в новую страну и достигшие экономического благополучия, могут иметь больше возможностей для самовыражения и экспериментов с идентичностью. Они могут чувствовать себя более уверенно в своей культурной принадлежности и менее зависимыми от религиозных институтов.

Различные научные школы в России изучают процесс адаптации и включения мигрантов в новую социокультурную среду, используя разные теоретические рамки и фокусируясь на различных аспектах этого сложного явления.

По мнению М.С. Савоскул, успешная интеграция этнических мигрантов зависит от внешних и внутренних ресурсов принимающего общества⁸⁸. К первым относятся миграционная политика, экономическая обстановка, специфика региона и населенного пункта, отношение местных жителей, ко вторым – происхождение, образование, профессиональный статус, продолжительность проживания, этническая принадлежность, знание языка, возраст, мотивация, наличие семьи в России и др.

Е.А. Варшавер и А.Л. Рочева рассматривали интеграцию в четырех измерениях: структурном, социальном, культурном и

⁸⁸ Савоскул М.С. Стратегии адаптации этнических мигрантов в локальных сообществах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 5(105). С. 103-112.

идентификационном^{89, 90}. Их исследования показали, что взаимодействие мигрантов и местного населения на локальном уровне способствует разрушению стереотипов и снижению тревожности, а регулярные контакты являются ключевым фактором успешной интеграции⁹¹.

Лебедева Н.М., на основе концепции аккультурации Дж. Берри, приходит к выводу, что успешная интеграция мигрантов зависит от позитивной этнической идентичности и приверженности мультикультурной идеологии⁹².

В целом, концепция интеграции является доминирующим подходом в российских исследованиях миграции, за исключением работ петербургских ученых, изучающих миграцию из Средней Азии с точки зрения транснационализма⁹³. Так, С.Н. Абашин утверждает, что «...сами мигранты не спешат стать полностью похожими на местных жителей, их практики и нарративы построены на связях со страной исхода»⁹⁴.

⁸⁹ Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С. Интеграция мигрантов второго поколения в возрасте 18—35 лет в России: результаты исследовательского проекта // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 318—364.

⁹⁰ Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С. Интеграция мигрантов на местном уровне: результаты научно-практического проекта // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 110-117.

⁹¹ Там же.

⁹² Лебедева Н.М. Взаимная аккультурация москвичей и мигрантов из республик Северного Кавказа и Закавказья: социально-психологический анализ // В кн.: Молодые москвичи. Кросс-культурное исследование / Отв. ред.: М.Ю. Мартынова, Н.М. Лебедева. М.: Издательство РУДН, 2008. С. 307-347; Lebedeva N., Tatarko A. (2013) Multiculturalism and Immigration In Post-Soviet Russia // European psychologist. Vol. 18. No. 3. P. 169-179.

⁹³ Абашин С.Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 3-13; Абашин С.Н. Возвращение домой: семейные и миграционные сценарии в Узбекистане // Ab Imperio. 2015. № 3. С. 155-165; Кайзер М., Бредникова О.Е. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство / Под ред. Бараулиной Т. и Карпенко О. СПб.: ЦНСИ, 2004. С. 133-146; Резаев А., Степанов А., Лисицын П. Транснациональные мигранты в пространстве современного города // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 2. С. 254–275.

⁹⁴ Абашин С.Н. Интеграция vs транснационализм: миграционные стратегии жителей Центральной Азии // Пути России. Война и мир. Том XXII / М.Г. Пугачева, В.П. Жаркова (ред.). СПб: Нестор-История, 2017. С. 203.

Интеграционный и транснациональный подходы не противоречат, а, скорее, дополняют друг друга, позволяя более полно понять положение мигранта в современном мире.

Подводя итог, можно отметить, что так или иначе все подходы к изучению миграции и миграционных процессов прямо или косвенно затрагивают важнейшие проблемы адаптации и интеграции мигрантов в принимающем обществе.

Мы обращаем внимание на наполнение привычных и устоявшихся терминов социологии миграции новым содержанием и новыми смыслами в связи с современными вызовами и рисками. С этой точки зрения мы предложили считать понятие «социокультурная интеграция мигрантов в поликультурное пространство» более целесообразным для решения задач, поставленных в данном исследовании. При этом под поликультурным пространством применительно к российским регионам мы предлагаем понимать пространство региона, которое характеризуется как пространство, наполненное разными этническими и религиозными традициями, этнокультурными объектами и событиями, людьми, относящимися к разным этносам и религиям, а также практиками межкультурного и межконфессионального взаимодействия. В соответствии с этим сама интеграция внешних мигрантов в поликультурное пространство может быть интерпретирована как вхождение в иную культурную среду. При этом это вхождение требует достаточных знаний о ее этнокультурном и конфессиональном многообразии, ценностях, традициях и практиках межкультурного взаимодействия и т.п. Немаловажно здесь и органичное включение в эту среду собственных этнокультурных и/или конфессиональных ценностей, традиций и практик.

Под социокультурной интеграцией мигрантов мы предлагаем понимать следующее: это двусторонний процесс взаимного приспособления мигрантов и принимающего общества, где, с одной стороны, мигранты усваивают язык, нормы и ценности принимающего общества, необходимые для успешной

жизни и взаимодействия, сохраняют свою культурную идентичность, язык, традиции и обычаи, активно участвуют в жизни общества, внося свой вклад в экономику, культуру и социальную сферу, чувствуют себя частью общества, не сталкиваясь с дискриминацией и предрассудками, а с другой стороны, принимающее общество, в свою очередь, принимает и уважает культурное разнообразие мигрантов, создает условия для адаптации и интеграции мигрантов, предоставляя доступ к образованию, здравоохранению, рынку труда и другим социальным услугам, борется с дискриминацией и ксенофобией.

Дальнейшее изучение предмета данного диссертационного исследования предполагает выяснение факторов, влияющих на успешность интеграции внешних мигрантов в поликультурное пространство российских регионов, а также выделение индикаторов, позволяющих оценить уровень этих процессов.

1.2. Модели включенности мигрантов в принимающее сообщество⁹⁵

Определив в качестве социокультурной интеграции двусторонний процесс взаимного приспособления мигрантов и принимающего общества, следующей исследовательской задачей видится выявление того методологического инструментария, с помощью которого мы и будем анализировать этот процесс.

В своем исследовании мы, в первую очередь, опираемся на интеграционный подход, предлагаемый В.И. Мукомелем для анализа миграционных процессов. Вслед за В.И. Мукомелем, мы будем рассматривать интеграцию как двусторонний процесс взаимодействия, смешения и

⁹⁵ В разделе использованы публикации автора: Чистякова О.А., Хот 3.3. Возможности социокультурного подхода к исследованию миграционных процессов //Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. № 2(199). С. 139-146.

обогащения мигрантов и культуры принимающего общества. Другими словами, на наш взгляд, дать объективную оценку социокультурной интеграции мигрантов в поликультурное общество можно, только сопоставив факторы, возможности и условия всех акторов этого явления.

Кроме того, мы применяем концепцию многостадийности миграционного процесса, предложенную Л.Л. Рыбаковским, Т.И. Заславской, Л.Л. Шамилевой, в рамках которой выделяются три ключевые стадии: установка на миграцию, переселение или собственно миграция, интеграция.

Функциональный анализ помогает определить целевые установки мигрантов и эффекты миграции. Акцент делается на перераспределительной функции миграции, в результате которой происходит перераспределение рабочей силы и ресурсов (Л.Л. Рыбаковский); селективной функции, реализация которой способствует изменению качественного состава населения (Л.Л. Рыбаковский); ускорительной функции, направленной на социальное развитие и интеграцию культур (Т.И. Заславская).

Факторный анализ, предложенный Л.Л. Рыбаковским и дополненный Т.И. Заславской, Л.В. Корелем, Е.Д. Малининым, А.К. Ушаковым, В.В. Оникиенко и др., позволяет определить влияние различных факторов (постоянных, временных, краткосрочных) на миграционные решения, готовность к миграции, готовность к интеграции как самих мигрантов, так и населения принимающего общества и т.п.

Проблемный подход, в рамках которого определяются барьеры интеграции (Л.Л. Рыбаковский, Г.С. Витковская, Ж. Зайончковская, В.А. Ионцев и др.), позволяет проанализировать трудности интеграции, связанные с трудоустройством, стрессами, конфликтологическим потенциалом и поведенческими девиациями, что, в конечном итоге, может помочь в выработке стратегий успешной социокультурной интеграции мигрантов.

Ключевым методологическим подходом является обозначенная в первом параграфе диссертации теория полей П. Бурдьё. Каждое из полей –

поле искусства, поле образования, поле политики и т.д. – имеет свои правила, иерархии, ценности и формы «капитала». В каждом поле люди занимают определенные позиции, определяемые их «капиталом» – экономическим, социальным и, что особенно важно для нас, культурным.

Мигранты, прибывая в новую страну, попадают в новые культурные поля, где их «капитал» может быть обесценен или не признан. Например, диплом, полученный в другой стране, может не котироваться на местном рынке труда (поле образования); недостаточное владение языком принимающей страны ограничивает доступ к информации, образованию и социальным связям (поле коммуникации/ языковое поле); отсутствие «правильных» контактов затрудняет поиск работы и интеграцию в социальную жизнь (социальные связи); незнание местных обычаев, норм поведения и культурных кодов может приводить к непониманию и социальной изоляции (культурные навыки/ поле культуры)

П. Бурдые предлагает использовать понятие «габитус» или «габитусы»: системы устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т. е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления, которые могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на нее и непереносимое овладение необходимыми операциями по ее достижению⁹⁶. Объективно «следующие правилам» и «упорядоченные», они, однако, ни в коей мере не являются продуктом подчинения правилам и, следовательно, будучи коллективно управляемыми, не являются продуктом организующего воздействия некоего дирижера»⁹⁷.

В применении к проблеме исследования социокультурной интеграции мигрантов мы получаем ситуацию, когда габитус мигранта, сформированный

⁹⁶ Бражник Г.В. Формирование и воспроизводство социального капитала сельского населения : диссертация ... кандидата социологических наук : 22.00.04 / Бражник Галина Викторовна; [Место защиты: Белгород. гос. нац. исслед. ун-т]. Белгород, 2014. 212 с.

⁹⁷ Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. С. 44.

в другой культурной среде, может конфликтовать с габитусом, доминирующим в принимающей стране. Это может проявляться в манере поведения, речи, вкусах и предпочтениях.

Как утверждал П. Бурдьё, понять механизмы успеха и возможности в обществе можно на основе теории о различных видах капитала, выступающего в виде: «...экономического капитала, который непосредственно и напрямую конвертируется в деньги и институционализируется в форме прав собственности; культурного капитала, который при определенных условиях конвертируется в экономический капитал и может быть институционализирован в форме образовательных квалификаций; социального капитала, образованного социальными обязательствами («связями») [connections], который при определенных условиях конвертируется в экономический капитал и может быть институционализирован, например, в форме аристократического титула»⁹⁸. Мигранты часто сталкиваются с дефицитом всех трех видов капитала в новой стране. Для успешной интеграции не хватает, к примеру, таких условий, при которых «капитал» может развиваться и накапливаться: языковые курсы, программы профессиональной переподготовки, поддержка в установлении социальных связей и признание квалификаций, полученных за рубежом.

Интерес представляет и теория П. Бурдьё о символическом насилии, суть которой состоит в том, что, «...всякая власть символического насилия – т.е. всякая власть, которой удается навязать значения и признать их легитимными, скрывая силовые отношения, лежащие в основании, – добавляет свою собственную, т.е. чисто символическую силу к этим силовым отношениям»⁹⁹. В контексте проблемы диссертационного исследования – это неявное, неосознанное навязывание доминирующей культуры, которое часто

⁹⁸ Бурдьё П. Формы капитала: Пер. М.С. Добряковой // Экономическая социология. 2002. № 5. Т.3. С. 60-74.

⁹⁹ Бурдьё П., Пассрон Ж.-К. Основы теории символического насилия (фрагменты из книги. Пер. с фр. Н. Шматко) // Вопросы образования. 2006. № 2. С. 39-60.

приводит к обесцениванию культуры мигрантов и их чувству неполноценности. Присутствие в принимающем обществе установок мультикультурализма, уважения к культурной уникальности другого народа является хорошей почвой для диалога культур.

Понимание теории Бурдьё позволяет, на наш взгляд, избежать упрощенного взгляда на интеграцию как на ассимиляцию. Вместо того, чтобы требовать от мигрантов полного отказа от своей культуры, принимающее общество должно создавать условия для интеграции и взаимного обогащения культур, создавая так называемые «переходные поля» (организации, сообщества, федеральные или региональные программы, помогающие мигрантам интегрироваться в новую культурную среду, сохраняя при этом связь со своей культурой).

Теория социальных полей Бурдьё позволяет рассматривать процесс социокультурной интеграции мигрантов не как линейный, а как сложное и динамичное, многоаспектное взаимодействие различных социальных полей. В рамках теории Бурдьё, интеграцию следует рассматривать как стремление мигрантами занять достойное положение в новом для них сообществе (социальные поля), стремясь сохранить и приумножить собственные ресурсы (социальные, культурные, экономические). Упрощенные модели ассимиляции и мультикультурализма не дают ожидаемого эффекта – успешной интеграции мигрантов в социокультурное пространство принимающего сообщества. По мнению Бурдьё, конкуренция и сотрудничество за ресурсы в рамках разных социальных полей позволят переселенцам не только адаптироваться к существующим правилам нового для них социума, но и влиять на него, используя свои ресурсы/возможности.

Применение социологической концепции Пьера Бурдьё акцентирует внимание на необходимости анализа положения мигранта в различных социальных полях. Так, индивид, обладающий значительным образовательным капиталом и профессиональными компетенциями, но не владеющий языком страны пребывания, оказывается в иной позиции на рынке

труда по сравнению с мигрантом, не имеющим формального образования, но обладающим обширными социальными связями внутри диаспоры. Подобные различия в позициях определяют спектр доступных мигрантам интеграционных стратегий и их потенциальные возможности.

Следует подчеркнуть, что социальные поля характеризуются динамичностью и подвержены постоянным трансформациям под влиянием таких факторов, как процессы глобализации, миграционные потоки и технологические инновации. В связи с этим эффективные интеграционные практики должны быть гибкими и способными адаптироваться к изменяющимся условиям. Например, распространение цифровых платформ и социальных сетей открывает для мигрантов новые каналы поддержания связи с родной культурой, а также способствует формированию социальных контактов в принимающем обществе.

Кроме того, теория Бурдье позволяет рассматривать интеграцию не только как односторонний процесс приспособления мигрантов к нормам принимающей культуры, но и как процесс, в ходе которого сама принимающая культура подвергается изменениям. Присутствие мигрантов способствует расширению культурного многообразия, привносит новые идеи и способствует пересмотру устоявшихся ценностей и норм. Важно создавать условия для развития «капитала» мигрантов, бороться с дискриминацией и предрассудками, и способствовать взаимному обогащению культур. Только в этом случае интеграция может стать успешным и взаимовыгодным процессом для всех участников.

Для России все эти вопросы являются очень актуальными, поскольку в последние десятилетия потоки трудовых, образовательных и иных мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья только увеличиваются. Современные геополитические реалии таковы, что мигранты, приезжают в Россию с разными целями, можно говорить, как о легальных, так и о нелегальных мигрантах. Так, по данным МВД России за 2024 год, «по состоянию на 1 октября в России находилось свыше 6,5 млн иностранцев, из них более 740

тыс. – нелегалы»¹⁰⁰. В нашей работе иностранных граждан, имеющих статус нелегальных мигрантов, мы не рассматриваем.

Процессы социальной интеграции мигрантов являются сложными и неоднозначными, поскольку в иную социокультурную среду принимающего общества включаются представители разных социально-демографических групп с разными этническими, религиозными, культурными, поведенческими и иными традициями, с разным уровнем образования, знанием русского языка и профессиональной подготовки.

Включенность в социокультурную среду принимающего общества дифференцируется по ряду оснований на несколько уровней.

Уровень включенности большого числа трудовых мигрантов, ориентированных только на заработок, характеризуется небольшим кругом социальных контактов, ограниченных своей этнокультурной диаспорой, работодателями и миграционной службой, что объясняется целью приезда и соответственно небольшим сроком пребывания в нашей стране. Контакты в основном только с соплеменниками (диаспорой) обуславливают сохранение своих этнокультурных традиций и норм поведения. Порой низкий уровень общей культуры мигрантов, не ориентированный на диалог и уважение к иным культурам, приводит к неприятию со стороны метных жителей, к этносоциальной напряженности в целом. Как итог, - обособление и изоляция мигрантов, их интеграция в культурное пространство принимающего общества практически не происходит.

Уровень аккомодации (приспособления) мигрантов к принимающему социуму характеризуется стремлением осваивать трудовые навыки, общением с местным населением на русском языке (а если говорить о Республике Адыгея, то иногда и на адыгейском), минимальными знаниями региональных и российских традиций в целом.

¹⁰⁰ Глава МВД назвал число нелегальных мигрантов в России / РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/10/2024/672234fc9a79479f03e4c419> (дата обращения: 14.03.2025).

Как отмечает Ключев А.В., «...приспособительная модель поведения к культуре народа, в которой находятся мигранты, может стать этапом для ознакомления с культурными традициями российского общества. Но все-таки превалирует тенденция неготовности мигрантов к адаптации»¹⁰¹.

Следует отметить, что приспособительная модель поведения к культуре народа, в которой находятся мигранты, может стать этапом для ознакомления с культурными традициями российского общества. Но все-таки превалирует тенденция неготовности мигрантов к адаптации.

Это зависит, по мнению специалистов, от многих причин и, в частности, «...не столько от того, что они не хотят адаптироваться к принимаемому сообществу, а скорее, от того, что институты социализации, адаптации и интеграции мигрантов сегодня неэффективны»¹⁰².

Длительное нахождение мигрантов в социокультурном пространстве принимающего общества, сопровождающееся знанием русского языка, большим количеством социальных контактов с местным населением, уважительное разделение традиций российской и региональной культуры, участие в местных праздниках и т.п., может быть охарактеризовано как интеграция, которую мы, вслед за В.И. Мукомелем, понимаем, как «...процесс встречного движения культур принимающего социума и культур мигрантов, смешение культурных норм и ценностей, изначально функционирующих сепаратно и, возможно, противоречающих друг другу»¹⁰³.

В процессе интеграции большую роль играет не только и не столько уровень включенности мигрантов, но и уровень готовности самого принимающего общества (насколько местные жители толерантны, способны принимать и воспринимать этнокультурные традиции прибывающих в страну/регион). В результате мы получаем не влияние одной культуры на

¹⁰¹ Ключев А.В. Процессы и уровни социокультурной адаптации мигрантов в современном российском обществе // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015.Т. 206. С. 345-351.

¹⁰² Мукомель В. И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. 2011. № 1. С. 47.

¹⁰³ Там же.

другую, а взаимовлияние, то есть взаимообогащение культур, что, собственно, и является основным ядром социокультурной интеграции: «...суть интеграции в том, что мы должны найти мудрые способы приобщения мигрантов к нашей культуре и вместе с тем позаимствовать что-то из их культур. Первый шаг к интеграции – это стремление увидеть в «чужаках» не просто живые рабочие механизмы, а людей, таких же, как мы. Кстати, большинство из них – представители древних и богатых культур»¹⁰⁴.

Рассмотрим ряд теорий, в рамках которых анализировались указанные выше уровни включенности мигрантов в принимающее общество (ассимиляция, адаптация, аккультурация, интеграция и др.).

Американский исследователь М. Гордон, опираясь на теорию Р. Парка, в своей книге «Ассимиляция в американской жизни» предложил семиступенчатую модель ассимиляции, включающую¹⁰⁵:

- аккультурацию как усвоение культурных норм, языка, обычаев и стиля жизни принимающего общества;
- структурную интеграцию как вовлечение в социальные институты принимающей страны;
- брачную ассимиляцию как увеличение числа смешанных браков;
- идентификационную ассимиляцию как формирование чувства принадлежности к принимающей стране
- ценностную ассимиляцию (принятие ценностей, доминирующих в принимающем обществе);
- поведенческую ассимиляцию (адаптацию к поведенческим моделям, принятым в принимающей стране);

¹⁰⁴ Клюев А.В. Процессы и уровни социокультурной адаптации мигрантов в современном российском обществе // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 206. С. 349.

¹⁰⁵ Gordon M. M. Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion, and National Origins. New York: Oxford University Press, 1964.

- гражданскую ассимиляцию как гармоничное сочетание личных убеждений с ценностями принимающей страны¹⁰⁶.

Конечным результатом этого процесса является полная утрата собственной культуры и интеграция в принимающее общество, что часто называют концепцией «плавильного котла».

В 1960-х годах в США ассимиляционный подход утратил популярность, уступив место концепциям аккультурации, адаптации, интеграции и транснационализма.

Например, теория Дж. Берри описывает четыре альтернативные стратегии, которые мигранты используют в новой социокультурной среде¹⁰⁷:

Ассимиляция: отказ от родной культуры в пользу культуры принимающего общества.

Интеграция: включение в принимающее общество с сохранением элементов собственной культуры.

Сепарация/Сегрегация: обособление от принимающего общества и сохранение собственной культуры.

Маргинализация: потеря связи как с родной, так и с принимающей культурой, приводящая к стрессу и чувству отчужденности.

Берри предложил двумерную модель аккультурации, подчеркивающую, что мигранты могут одновременно поддерживать связь со своей культурой и осваивать элементы культуры принимающего общества. В процессе аккультурации происходят изменения и на уровне индивидов, и на уровне социальных структур и социальных институтов, взаимодействующих с мигрантами.

При этом ограниченность исследований аккультурации, связанной с тем, что их объектом выступают, как правило, небольшие этнические группы, и,

¹⁰⁶ Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы: [монография] / В. И. Мукомель, К. С. Григорьева, Г. А. Монусова [и др.] ; отв. ред. В. И. Мукомель, К. С. Григорьева ; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. 400 с.

¹⁰⁷ Берри Дж. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы / пер. с англ. И. Шолохова // Развитие личности. 2001. № 3/4. С. 183– 193. URL: http://rl-online.ru/articles/3_4-01/198.html. (дата обращения: 27.03.2024).

следовательно, эти результаты вряд ли применимы к широким мигрантским группам, отмечали такие ученые, как Л. Хант, С. Шнайдер, Б. Комер и другие¹⁰⁸.

Аккультурация – это сложный процесс, в котором человек одновременно взаимодействует как со своей традиционной культурой, так и с новой, доминирующей культурой. Д. Финни при оценке аккультурации предложил использовать термин «бикультурализм», предполагающий как сохранение идентичности с родной культурой, так и активное участие в новой. Подчеркивал, что эти связи могут существовать независимо друг от друга, формируя так называемый бикультурализм. Это позволяет индивиду избирательно принимать аспекты доминирующей культуры, отбрасывая те, что не соответствуют его ценностям¹⁰⁹.

В многомерной модели аккультурации А. Падиля и С. Киф определяющим выступает владение языком принимающей страны/региона, а в основе коммуникационной теории кросскультурной адаптации Й. Ким лежит обмен информацией¹¹⁰. Последняя рассматривала адаптацию как динамичный процесс, приводящий к трансформации личности. Адаптация происходит как на индивидуальном уровне (через мысли, эмоции и поведение), так и на групповом (через язык, историю, традиции). Этот процесс включает в себя не только аккультурацию (приобретение элементов новой культуры), но и деаккультурацию (отказ от некоторых аспектов старой).

Ким выделяет три ключевых аспекта коммуникативной деятельности, влияющих на адаптацию: коммуникация в принимающей среде (включая языковые навыки и знание культурных норм), социальная коммуникация с местным населением (как личное общение, так и взаимодействие через СМИ), и общение с соотечественниками и родной культурой (также через личные контакты и СМИ).

¹⁰⁸ Эндрюшко А.А. Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт // Вестник Института социологии. 2017. № 4. Т. 8. С. 46-70.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же.

Ким фокусируется на индивидуальном уровне адаптации, подчеркивая, что каждый человек адаптируется по-своему. Личное и социальное общение играют ключевую роль в этом процессе.

Например, в России, подобно Испании, дети мигрантов находятся в большей связи с русскими подростками и молодёжью во время обучения в школе/университете. У них появляются друзья среди представителей принимающего сообщества. В то время как родители зачастую предпочитают поддерживать и рабочие, и дружеские отношения с представителями своих национальностей.

Адаптация мигрантов к культуре нового для них принимающего сообщества детерминируется большим количеством разнообразных факторов, которые могут оказывать как ускоряющее, так и замедляющее воздействие на процессы интеграции. Исследования К. Уорд и её коллег дополняют эту картину, выделяя значимую роль навыков социальной и межличностных коммуникаций в успешной адаптации к новым условиям жизни. Социальные навыки помогают мигрантам строить сети поддержки, налаживать связи с местным населением и другими мигрантами, что способствует не только социальной, но и экономической интеграции. Умение эффективно взаимодействовать в новом социокультурном пространстве становится важным ресурсом, который помогает преодолевать структурные барьеры на рынке труда и расширять возможности для профессионального роста.

В прошлом веке важной концепцией, признающей право мигрантов на сохранение своей этнической и культурной идентичности, стал мультикультурализм. Он использовался в государственной политике для признания «других» культур, но подвергался критике за потенциальную изоляцию этих культур в рамках отдельных сообществ.

Современный мультикультурализм, по мнению Я. Питерса, существенно отличается от прежнего и может быть проанализирован через концепцию «гибкой аккультурации», где многоэтничность становится нормой, а аккультурация напоминает эпоху субкультур, предлагающих

вариативные модели адаптации¹¹¹. Новизна подхода Питерса заключается в акценте на масштабе и степени идентификации. Он приводит пример афроамериканцев в США, которые, несмотря на социально-экономические трудности, находят чувство принадлежности и «дома» в религиозной, музыкальной (блюз, хип-хоп) и спортивной сферах. Гибкая аккультурация, таким образом, предоставляет возможность выбора культурной принадлежности в условиях глобальной культуры.

Важную роль в этом процессе играют социальные акторы, вовлеченные во взаимодействие между мигрантами и принимающим сообществом. Понятие «социальный актор» должно учитывать гибкость, присущую мигрантам, которые, часто не имея гражданства, нуждаются в стратегиях аккультурации для решения проблем адаптации. Государство и нация, представляющие различные социальные группы и институты, играют ключевую роль в формировании культурных стратегий.

Глобальный мультикультурализм и гибкие стратегии аккультурации предлагают множественные схемы идентификации и интеграции, которые могут компенсировать социальное отчуждение, особенно когда интеграция в основное общество затруднена. Это явление называется интерактивной аккультурацией. В условиях значительного расхождения между провозглашаемыми принципами мультикультурализма и реальной социокультурной интеграцией мигрантов наблюдается рост привлекательности альтернативных символических пространств идентификации. Именно в этом контексте проявляется сущность концепции гибкой аккультурации.

Гибкая аккультурация представляет собой не просто процесс приспособления к новой культурной среде, а сложный и активный процесс

¹¹¹ Pieterse J.N. Global Multiculture, Flexible Acculturation. *Globalizations*, 2007, vol. 4, no. 1, pp. 65–79; Думнова Э.М., Муха В.Н. Теоретический дискурс по проблеме социокультурной адаптации мигрантов в современном мире // *Идеи и идеалы*. 2022. Т. 14. № 2. Ч. 2. С. 380–394. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.2-380-394.

конструирования идентичности. В ходе этого процесса индивид сознательно выбирает, сочетает и трансформирует элементы различных культурных систем, формируя уникальную, изменчивую и многослойную идентичность. Такая динамичность обусловлена влиянием конкретных социальных контекстов, межличностных взаимодействий и индивидуальных предпочтений. Благодаря этому мигранты получают возможность не только адаптироваться к новым условиям, но и сохранять связь с культурным наследием страны исхода.

Однако важно подчеркнуть, что гибкая аккультурация не является универсальным решением всех проблем, связанных с миграцией и интеграцией. Она может порождать внутренние противоречия и фрагментацию идентичности, а также вызывать конфликты между различными культурными нормами и ценностями, что в ряде случаев ведет к социальной изоляции. Тем не менее, данный подход остается ключевым инструментом для осмысления и управления сложными процессами адаптации в современном мире, где культурные границы становятся все более размытыми, а идентичность — подвижной и многоаспектной.

Для успешного воплощения гибкой аккультурации необходимы совместные усилия как самих мигрантов, так и принимающего общества. Это предполагает формирование инклюзивной и толерантной социальной среды, в которой каждый индивид может ощущать себя полноценным участником сообщества, сохраняя при этом свою уникальность и культурную самобытность.

Транснационализм как концепция зародилась в Европе в 1990-е гг. Он заключается в представлении, что этничности в привычном смысле (как устойчивости) больше нет, структура межнациональных связей изменилась, и теперь следует говорить о транснациональных сетях¹¹².

¹¹² Костенко В.В. Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVII. № 3. С. 62–76.

Транснационализм стал неотъемлемой чертой жизни современных мигрантов, поскольку они поддерживают тесные связи как со страной проживания, так и со своей родиной. Благодаря доступности транспорта и технологий, мигранты легко поддерживают отношения с родственниками и друзьями на расстоянии, участвуют в жизни обеих стран и даже ведут международный бизнес. Они являются активными членами как принимающего, так и отправляющего обществ.

В контексте транснационализма важным становится вопрос степени вовлеченности мигранта в жизнь обеих стран. Принимающее общество несет ответственность за обеспечение прав и возможностей мигрантов, а от мигрантов ожидается активное участие в процессе интеграции, сохраняя при этом свою культурную идентичность.

Концепция «интеграции», разработанная в европейской социологии, описывает процесс адаптации мигрантов в новом обществе, их взаимодействие с местным населением и социальные изменения, вызванные миграцией.

Например, Ф. Хекман определяет интеграцию как «...длительный процесс включения мигрантов в основные институты и структуры принимающего общества»¹¹³. Х. Эссер выделяет четыре ключевых аспекта интеграции: 1) культурную интеграцию через освоение языка, норм и социальных институтов принимающей страны; 2) структурную интеграцию через включение в экономическую, социальную и образовательную сферы; 3) социальную интеграцию через взаимодействие с местным населением и участие в различных социальных группах; 4) идентификационную интеграцию через формирование чувства принадлежности к ценностям и символам принимающего общества¹¹⁴.

¹¹³ Хекман Ф. Многоуровневое управление в реализации политики интеграции мигрантов // Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России / Под ред. М. С. Розановой. СПб.: Скифия-принт. 2016. С. 110.

¹¹⁴ Эндрюшко А.А. Жилищные условия иммигрантов в контексте интеграции: социально-экономический, правовой и культурный аспекты // Народонаселение. 2025. Т. 28. № 1. С. 215-227. С. 216. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-215-227; EDN: НКFNPK

Голландский исследователь Х. Энцингер определил три ключевые области, в которых происходит адаптация мигрантов к новой среде¹¹⁵:

1. Политико-правовая область: Здесь основное внимание уделяется вопросам легального статуса мигрантов, их политическим правам и возможностям. Это включает в себя предоставление гражданских, социальных и политических прав, процессы натурализации и двойного гражданства, а также борьбу с дискриминацией.

2. Социально-экономическая область: В этой сфере оценивается, насколько мигранты имеют доступ к базовым ресурсам, таким как жилье, образование и медицинское обслуживание.

3. Культурная и религиозная область: Эта область охватывает опыт и практики мигрантов в процессе адаптации к принимающему обществу, а также реакции как местного населения, так и самих мигрантов на культурное разнообразие и различия. Возможны различные подходы, от поддержки культурного плюрализма до проявлений нетерпимости.

Несмотря на критику концепции интеграции за ее возможную предвзятость в сторону позитивизма и культурного детерминизма, а также за представление интеграции как инструмента для поддержания социальной сплоченности (учитывая, что ни принимающее общество, ни мигранты не являются однородными группами), интеграционный подход, наряду с концепцией транснационализма, остается одним из основных в современных исследованиях миграции.

Вопросы интеграции мигрантов требуют пристального внимания со стороны политиков. Миграционная политика разрабатывается с учетом различных методов оценки и параметров интеграции. В Европе для этих целей используется «Индекс миграционной политики» (MIREX), утвержденный министрами стран Европейского союза в Сарагосской декларации. Этот индекс включает 167 показателей, позволяющих сравнивать интеграционную политику разных стран по восьми ключевым направлениям: доступ к рынку

¹¹⁵ Там же. С. 216.

труда, образование, участие в общественной жизни, долгосрочное пребывание, воссоединение семьи, гражданство, доступность здравоохранения и защита от дискриминации.

В последние годы при измерении интеграции появляются новые индикаторы, характеризующие «доброжелательность общества»: «общественное восприятие расовой/этнической дискриминации, «отношение общества к лидерам из представителей этнических меньшинств» и др. Доклады ЕС «Индикаторы интеграции иммигрантов» используются как основание для большого количества исследований и публикаций. В российском дискурсе, несмотря на огромное количество публикаций по миграции, мигрантам, проблемам адаптации и интеграции мигрантов, параметрам и индикаторам интеграции не уделяется должного внимания. Учеными Института социологии РАН были предложены потенциальные индикаторы интеграции мигрантов с учетом реалий российского политического, социально-экономического и культурного пространства, которые могут быть использованы органами федеральной и региональных властей для оптимизации миграционной политики в Российской Федерации.

В российских общественно-политическом и научном полях на сегодняшний день нет однозначного понимания индикаторов интеграции внешних мигрантов. Интеграция протекает по-разному в зависимости от ряда факторов, к которым можно отнести уровень образования мигранта, доступность образования, уровень доходов, лояльность принимающего сообщества и многое другое.

В рамках данного исследования мы опираемся на индикаторы интеграции, сформулированные в исследованиях В.И. Мукомеля, К.С. Григорьева, Г.А. Монусовой и др., с акцентом на социокультурные детерминанты инкорпорирования внешних мигрантов в принимающее сообщество:

- образовательный уровень мигрантов;

- причины миграции (трудовые мигранты в меньшей степени ориентированы на интеграцию, желающие остаться в России - в большей степени готовы стать «своими» в принимающем сообществе);
- доступ к рынку труда (% безработных, готовность к трудоустройству);
- структура занятости (работают по профессии; занятые на неквалифицированных работах);
- уровень доходов;
- поддержание контактов со страной исхода;
- выбор партнера;
- интеграционные стратегии;
- гендерное равенство;
- доступность образования;
- языковые навыки;
- ощущение сопричастности с жителями региона (идентичность);
- уровень доверия;
- отношение принимающего общества к мигрантам.

Мы предлагаем при оценке интеграции внешних мигрантов в поликультурный регион в контексте теории социальных полей П. Бурдье основной акцент сделать на таком индикаторе, как ощущение сопричастности мигрантов с жителями принимающего региона.

Ощущение сопричастности мигрантов с жителями принимающего региона – это чувство связи, принадлежности и взаимной ответственности, которое возникает у людей, переехавших в новую страну или регион, по отношению к местному населению и окружающей их среде.

Это не просто формальное признание или соблюдение законов, а глубокое, эмоциональное переживание. Во-первых, оно проявляется в том, что мигранты воспринимают себя в качестве элемента социальной системы, разделяя её ценности, интересы и общие заботы, что формирует у них чувство общности с принимающим сообществом. Во-вторых, при этом признаётся и уважается культурное разнообразие: различия не нивелируются, а

рассматриваются как ресурс, а внимание сосредотачивается на общих чертах и стремлении к сотрудничеству, что способствует взаимному уважению и пониманию.

Третьим структурным компонентом сопричастности выступает активная позиция мигрантов в жизни нового для них сообщества – они акторы, действующие на благо принимающей территории и вовлеченные в трудовую деятельность, волонтерство и другие формы активности жителей, реализуемые во благо территории.

Четвёртый значимый элемент - это чувство защищённости и принятия, когда мигранты не подвергаются дискриминации и предвзятому отношению со стороны местных жителей, что в значительной степени укрепляет их доверие к обществу и усиливает мотивацию к дальнейшему взаимодействию с коренными жителями.

Пятый структурный компонент вовлеченности - это формирование идентичности, которая способствует восприятию мигрантами себя с принимающим регионом как единым целым.

Следует подчеркнуть, что ощущение сопричастности - это двусторонний процесс, требующий активных усилий как со стороны мигрантов, так и принимающего общества. Мигранты должны проявлять готовность к интеграции, изучать язык и культуру нового окружения, а местные жители — демонстрировать толерантность, уважение и открытость к диалогу. Только при таком взаимном участии возможно формирование прочных связей и создание инклюзивной среды, в которой каждый чувствует себя ценным и нужным.

Отсутствие чувства сопричастности ведёт к социальной изоляции, отчуждению и потенциальным конфликтам. Мигранты, не ощущающие себя частью общества, склонны замыкаться в собственных этнических сообществах, что затрудняет их адаптацию и способствует формированию негативных стереотипов у принимающего населения. Это порождает

замкнутый круг, в котором обе стороны теряют возможности для культурного обмена, экономического развития и укрепления социальной сплочённости.

Отдельно стоит отметить важность поддержания мигрантами связей со страной происхождения. Этот аспект можно рассматривать как показатель степени их социокультурной идентичности с регионом, откуда они прибыли, а также как фактор, влияющий на их адаптацию в новом месте. Уровень этой связи варьируется в зависимости от множества обстоятельств и отражает, насколько человек продолжает считать себя частью своей малой родины и насколько эта принадлежность важна для его жизни в принимающем обществе. Например, переехал ли человек по экономическим причинам, из-за учебы, или был вынужден покинуть родной регион? Чем дольше человек живет в другом регионе, тем сильнее может ослабевать его связь с прежним местом жительства. Кроме того, регулярное общение с родственниками и друзьями, посещение родных мест, участие в культурных мероприятиях, связанных с регионом происхождения, способствуют сохранению региональной идентичности. Если мигрант чувствует себя принятым и интегрированным в новое общество, его контакты, связь с родиной, идентичность могут ослабевать. Если же он сталкивается с дискриминацией или чувствует себя чужим, его связь с родным регионом может, наоборот, усилиться и т.д.

Мигранты редко полностью отказываются от своей региональной принадлежности, но и не остаются полностью оторванными от новой среды. Чаще всего происходит сложный процесс гибридизации, когда связи с родиной переплетаются с элементами сопричастности с культурой принимающего общества, формируя уникальную идентичность мигранта. Эта гибридная идентичность может включать в себя элементы культуры родного региона, языка, традиций, а также элементы культуры нового места жительства.

Таким образом, рассмотрев имеющиеся в социологической науке теории интеграции, и определив методологический базис, мы можем на этой основе

проанализировать особенности социокультурной интеграции мигрантов в поликультурную среду, эффективные стратегии интеграции как со стороны самих мигрантов, так и со стороны принимающего общества.

1.3. Влияние поликультурного пространства региона на интеграцию мигрантов

Интеграцию мигрантов в то или иное принимающее сообщество определяет его структура и уровни его организации. Системно-структурный подход, применяемый к базовым компонентам регионального общества, в том числе и поликультурного, дает возможность увидеть те триггерные лакуны, которые играют ключевую роль в выборе адаптационных и интеграционных стратегий мигрантов и самого общества, а также путей реализации миграционного ресурса в региональном пространстве. В поликультурном пространстве такой выбор видится более сложным и противоречивым.

Поликультурное пространство применительно к российским регионам понимается нами как пространство региона, наполненное разными этническими и религиозными традициями, этнокультурными объектами и событиями, людьми, относящимися к разным этносам и религиям, а также практиками межкультурного и межконфессионального взаимодействия.

Понятие интеграции мигрантов, как правило, применяется тогда, когда надо охарактеризовать их участие в экономической, политической и социокультурной жизни принимающего общества/сообщества. Как считает ряд ученых, «...Интеграция требует определенной степени личной идентификации с обществом или страной в целом — то, что называется «чувством причастности» (a sense of belonging), — и принятия большинством населения того факта, что представители меньшинств являются полноправными членами общества»¹¹⁶. При этом «...чувство причастности

¹¹⁶ Барышникова В.В. Проблемы интеграции мигрантов в мультикультурные общества // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2007. Т. 18. Вып. 3. С. 230 (С. 299-305).

выражается различными способами: это ощущение, что с индивидом обращаются справедливо, что его вклад в общество признается и ценится, что его благополучие зависит от благополучия других»¹¹⁷.

Наличие в принимающем обществе двух и более культур усложняет процесс интеграции мигрантов, поскольку поликультурные общества могут демонстрировать разные стратегии многокультурного сосуществования: от дифференциации до ассимиляции.

В мировой практике интеграции мигрантов существуют три основные модели: либеральная, националистическая и мультикультурная. Первая характеризуется тем, что при наличии государственного регулирования публичной сферы и гарантии равных прав и обязанностей для всех граждан разные культуры продолжают развиваться в своих лакунах. Вторая модель основана на культурной ассимиляции прибывающих мигрантов через обязательное знание общего языка и принятие общей национальной идентичности. И третья модель, мультикультурная, нацелена на поддержку культурных различий и отсутствие давления со стороны государства на мигрантские сообщества.

Социокультурная интеграция мигрантов в поликультурные общества традиционно рассматривается в рамках двух интеграционных моделей – ассимиляционной и мультикультуральной. Несмотря на то, что обе модели преследуют одну цель, а именно, «...создание интегрированного общества, в котором конфликты на почве иноэтничности и инокультурности отсутствуют или минимальны»¹¹⁸, они существенно различаются как в способах ее достижения, так и в принципах взаимодействия (см. табл. 1)¹¹⁹.

¹¹⁷ Там же. С. 230.

¹¹⁸ Ляужева С.А. Социокультурная интеграция мигрантов в инокультурную среду: <https://gigabaza.ru/doc/62343.html> (дата обращения: 14.03.2025).

¹¹⁹ Там же.

Сравнительные характеристики мультикультурной и ассимиляционных
моделей социокультурной интеграции

Мультикультурализм	Ассимиляция
Интеграция культур на основе плюрализма без их ассимиляции	Исключение плюрализма культур для формирования интегрированного общества
Признание равенства культур, признание их прав на полноценное существование	Признание доминирующего положения одной культуры
Допущение множественных этнокультурных идентичностей	Доминирующая культура выступает основой формирования этнически индифферентной гражданской нации
Допущение изменений принимающего общества под влиянием культуры прибывших	Запрет на изменения в обществе под влиянием иммигрантской культуры

Такие ученые, как В.А. Тишков, О.В. Щедрина, А.Г. Осипов и др., в своих работах неоднократно обращали сопоставляли и критиковали обе модели, обращая внимание на их позитивные и негативные стороны. В ассимиляционной модели обращалось внимание на дискриминационную доминанту по отношению к этническим меньшинствам, в мультикультурной делался акцент на возможное «размывание» общенациональной идентичности и т.п. По мнению академика А.Г. Осипова, концепция мультикультурализма дала «возможность, обсуждать иммиграцию, не покушаясь на идейные основы национального государства», в связи с тем, что этнические меньшинства допускаются к участию в обсуждении только тогда, когда решаются вопросы, «которые можно интерпретировать в терминах этнокультурных запросов»¹²⁰.

Ассимиляция в качестве предпочтительной интеграционной модели стал особенно популярным во второй половине XX века, когда США

¹²⁰ Осипов А.Г. Автономия, меньшинства и мультикультурализм: в чем смысл «правления многообразием»? // Мир России. 2008. №1. С.109-110.

представили образец национальной политики – так называемую модель «салатница» в противовес доминирующей до того времени ассимиляционной стратегии интеграции мигрантов. Представители различных культур могут образовать единое, но не гомогенное общество.

Оценивая эффективность модели «плавильного котла», А.Токвиль отмечал высокий уровень национального самосознания и патриотизм американцев. «Но поговорите с ним о его собственной стране, и вы увидите, как сразу рассеется облако, которое заволакивало его ум: его язык станет таким же ясным, четким и точным, как его мысль. Он расскажет вам о своих правах и о средствах, к которым он должен прибегать, чтобы ими пользоваться, объяснит, что определяет политическую жизнь в его стране. Вы увидите, что он знает правила управления и действия законов»¹²¹. Но, несмотря на то, что так называемая американская «политкорректность» провозглашала обязательную национальную терпимость, конец прошлого столетия продемонстрировал несостоятельность такой интеграционной стратегии. Прежде всего это было связано с наплывом внешних мигрантов в США в результате принятия в 1968 году «Иммиграционного акта». Исследователи отмечают следующие тенденции:

«1. Существование толерантности на уровне языка и контролируемых государством отношений при сохранении тенденции разграничения сферы повседневных взаимодействий (раздельное посещение кинотеатров, дискотек, спортивных состязаний, настороженное отношение к смешанным бракам и т.д.).

2. Сохранение этнической идентичности во втором и третьем поколении американцев. Несмотря на то, что около 94% современных американцев родились в США (для сравнения в 1910 г. таковых было только 85%), на вопрос об этническом происхождении только 5% отметили, что они просто «американцы». Остальные отмечали, что они ирландцы, немцы, мексиканцы, афроамериканцы и т.д.

¹²¹ Токвиль А. Демократия в Америке. М.,1992. С.230

3. Утрата доминирующего положения единства территории и английского языка в качестве критериев американской идентичности.

4. Появление новых демаркационных линий, разделяющих единое социальное пространство страны на территории и зоны этнокультурной, этно-конфессиональной регуляции»¹²².

Прежде всего это было связано с изменением этнического баланса, обусловленного наплывом в США внешних мигрантов из Третьего мира после принятия в 1968 году «Иммиграционного акта». Как отмечает А.А. Кучеренко, «...в XXI в. мусульман стало больше, чем евреев, испаноамериканцев – больше, чем афроамериканцев, удельный вес белых англосаксов, привыкших считать себя «ядром» Америки, продолжающих традиции ее отцов-основателей, неуклонно снижается»¹²³.

Ассимиляционная модель интеграции оказалась несостоятельной и в странах Европы, куда с конца прошлого и в начале нынешнего веков хлынули потоки мигрантов из Северной Африки, ряда восточных стран и т.п., также существенно изменивших этнический состав принимающих стран.

Как отмечает В. Иорданский, в масштабе человечества «национальный вопрос встает в противоборстве двух тенденций. Обе они объективны, обе реализуются в воле, поступках миллионов людей. Первая – в движении наций к самоопределению и независимости, вторая, напротив, – в стремлении к образованию крупных полиэтнических общностей, к формированию мощных «супернаций», где органично были бы соединены этносы, различные традиции и культуры»¹²⁴.

¹²² Ляушева С.А., Хот З.З. К вопросу о социокультурной интеграции мигрантов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 4(108). С. 176 (С. 174-180).

¹²³ Кучеренко А. Контроль над миграционными процессами в США: тенденции эволюции. Мировая экономика и международные отношения, 2009, № 2, сс. 75-83, с. 81. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2009-2-75-83>

¹²⁴ Иорданский В. Глобальный этнический кризис, или сумерки разобщенности // Мировая экономика и международные отношения. 1993. No12. С.84.

Исследователь Т.Н. Юдина, анализируя межкультурные взаимодействия в поликультурных обществах, выделила несколько моделей миграционной политики¹²⁵.

1. Полное исключение внешней миграции. Эта модель снимает проблему этнокультурных конфликтов и разобщения. Однако в современных реалиях, характеризующихся, в первую очередь, экономической глобализацией, применение такой модели практически невозможно. Очевидно, что миграционные ограничения и запреты ведут к дискриминации, увеличению числа мигрантов-нелегалов и, как следствие, к криминализации их присутствия в стране иммиграции.

2. Дифференциальное исключение (сегрегация): Эта модель предполагает, что мигрантам разрешается временное пребывание в стране, поскольку их постоянное проживание считается нежелательным. Мигранты допускаются к участию в определенных сферах жизни, например, на рынке труда, но исключаются из других, таких как политическая жизнь, социальное обеспечение и получение гражданства. Такая практика неизбежно приводит к дискриминации.

3. Ассимиляция. В этой модели мигрант должен полностью адаптироваться к принимающему обществу, отказавшись от своих культурных, языковых и социальных особенностей. Сегрегация может использоваться как инструмент, подталкивающий мигранта к ассимиляции, ставя его перед выбором: сохранить свою идентичность и столкнуться с сегрегацией, или отказаться от нее и интегрироваться.

4. Интеграция (как ослабленная ассимиляция). Интеграция рассматривается как более мягкая форма ассимиляции, где конечной целью все равно является полное исчезновение культурных различий и поглощение культуры иммигрантов доминирующей культурой.

¹²⁵ Юдина Т.Н. Социология миграции: к формированию нового научного направления. М., 2004. С. 35.

5. Плюрализм. Эта модель предполагает, что иммигранты имеют равные права во всех сферах жизни, сохраняя при этом свою культуру, язык и социальное поведение. В рамках плюрализма возможны два подхода: государство не вмешивается в культурную жизнь иммигрантов; большинство общества готово принять культурные различия и адаптировать свое социальное поведение и даже социальные структуры, чтобы учесть эти различия.

В современном обществе успех и прогресс напрямую связаны с тем, насколько люди могут реализовать свой потенциал. Это, в свою очередь, зависит от того, насколько полно соблюдаются их права. Существуют разные подходы к предоставлению этих прав, начиная от полного их лишения (например, из-за гражданства или отсутствия регистрации) и заканчивая обеспечением всех социальных и культурных прав, включая право на сохранение своей этнической идентичности. Ассимиляционная модель занимает промежуточное положение, требуя отказа от части этнокультурной самобытности в обмен на полные права.

Чтобы оценить, насколько общество продвинулось в реализации политики мультикультурализма, необходимо ответить на следующие вопросы:

Сталкиваются ли люди с препятствиями в получении образования из-за своей этнической принадлежности или иммигрантского статуса?

Существуют ли ограничения в трудоустройстве и предпринимательстве, связанные с этнической принадлежностью или иммигрантским статусом?

Насколько иммигранты участвуют в политической жизни? Есть ли ограничения для их политической самореализации из-за их происхождения или культурных различий?

Ограничены ли социальные контакты (включая выбор партнера) этнической принадлежностью? Отличается ли круг общения (соседи, семья, друзья) у разных этнических групп, иммигрантов и коренного населения?

Как использование разных языков разными этническими группами влияет на социокультурную интеграцию общества?

Существует ли конфликт между самоидентификацией представителей разных этнокультурных групп?

Культурное многообразие – это не просто сосуществование различных культур. По мнению В. Тишкова, оно подразумевает признание сложности и разнообразия как общества в целом, так и отдельных культурных групп и даже каждого человека в отдельности¹²⁶. Важно поддерживать не только различия между культурами, но и общие черты, которые часто преобладают. В современном обществе культурное многообразие поддерживается различными формами взаимодействия и трансформации культур. В контексте иммиграции, эти формы включают: изоляцию культур, ассимиляцию (уничтожение одной культуры другой) и взаимное изменение культур, приводящее к формированию нового типа личности и общества.

Исторически, взаимодействие между культурами приводило к различным формам их изменения. С. Градировский и Т. Лопухина выделяют такие формы, как ассимиляция, резервация, анклавизация, аккультурация, прокультурация, неокультурация, геноцид и метисация, называя их «социокультурной переработкой»¹²⁷. Они рассматривают эти процессы как часть более широкого освоения территорий и установления контроля. Однако, их работа скорее представляет собой предварительный набросок, чем детально разработанную типологию. Мы же предлагаем более четкую структуру, основанную на способах и характере социокультурных изменений.

Полная изоляция культуры (резервация и анклавизация) и отсутствие изменений практически невозможны. Однако, в истории встречаются случаи, когда определенные группы населения, часто коренные жители, лишаются

¹²⁶ Тишков В. Культурное многообразие в современном мире. URL: http://eawarn.ru/pub/Pubs/DialogueMulticulturalism/01_Tich.htm (дата обращения: 24.05.2023).

¹²⁷ Градировский С., Лопухина Т. Исторические типы СК-переработки. URL: (<http://antropotok.archipelag.ru/text/a007.htm>) (дата обращения: 28.05.2023).

возможностей для развития. Это приводит к консервации их этнокультурных особенностей. Такая ситуация редко возникает естественным путем. Чаще всего, изоляция навязывается извне, например, когда завоеватели ограничивают территорию проживания коренного населения (как в случае с индейцами в Северной Америке).

Иногда изоляция происходит по инициативе самого этноса, стремящегося сохранить свою идентичность. Государственная политика сегрегации и дискриминации также может приводить к изоляции этнических групп, ограничивая их социальные и экономические возможности. Верующие могут ограничивать контакты с представителями других религий, что также приводит к анклавному существованию.

Несмотря на изоляцию, культуры продолжают развиваться, хотя и гораздо медленнее. Резервации и анклавные территории часто становятся очагами устаревших ценностей и норм.

В отличие от анклавизации, прокультурация позволяет сохранить национально-культурную идентичность, интегрируясь в другую, доминирующую культуру. Поскольку прокультурация стимулирует развитие культуры-инкультуранта, ее следует рассматривать как форму взаимодействия культур.

Наиболее жестоким проявлением уничтожения культуры является геноцид – физическое истребление групп людей по признакам расы или национальности. Хотя сегодня это считается преступлением, в прошлом геноцид не только допускался, но и рассматривался как эффективный способ разрешения социокультурных конфликтов. Более распространенный метод – ассимиляция, при которой одна культура поглощает другую, стирая её уникальность и заставляя людей принимать ценности доминирующей культуры. Однако, несмотря на стремление доминирующего этноса к сохранению своей идентичности, столкновение культур обычно приводит к их взаимным изменениям. Даже нетерпимость к чужой культуре, как фактор ассимиляции или изоляции, оказывает влияние на исходную культуру.

Существуют также модели социокультурной трансформации, которые целенаправленно направлены на взаимное изменение культур.

Взаимное изменение культур в результате их взаимодействия проявляется в различных формах, таких как аккультурация, прокультурация, неокультурация и метисация. Метисация – это неустойчивая, переходная форма, сочетающая традиции разных культур и новые элементы, возникающие как реакция на новую ситуацию. Более устойчивым является смешение культур по типу аккультурации, когда носители одной культуры принимают ценности и нормы другой, не отказываясь от своей. Например, обучение за границей часто приводит к комплементарному существованию культур. В российском контексте русской культуре отводилась роль рамочной, а в Британской империи – англосаксонской. Прокультурация помогает интегрироваться в более крупное социальное целое без ассимиляции, исторически складываясь на основе вассальных отношений. Различие между аккультурацией и прокультурацией можно увидеть в языковых практиках: аккультурант использует оба языка равноправно, а инкультурант использует родной язык в неформальном общении, а язык доминирующей культуры – в официальных ситуациях. Взаимодействие культур может также порождать новые социокультурные образования на основе неокультурации, когда исходный культурный материал сохраняется, но трансформируется и включается в новое образование. Примерами неокультурации являются формирование «советского народа», образование казачества или американского народа. Все эти процессы отражают реальное взаимодействие культур в общем социокультурном пространстве. В отличие от абстрактной концепции мультикультурности, реальное полиэтническое общество, включая российское, представляет собой «сложнокультурную общность» (В. Тишков). Ключевым фактором, определяющим эту сложность, выступает не простое наличие множества этносов и культур, а специфика их взаимоотношений и взаимодействий на различных уровнях: общественном, групповом и индивидуальном.

Сложносоставная идентичность является одним из проявлений этой структурной сложности.

Культурное разнообразие проявляется не только в этнической принадлежности. Идентичность современного человека формируется под влиянием множества факторов, включая гендер, гражданство и другие социальные категории. «Современная идентичность населения России, – пишет Л.М. Дробижева, – сложный конгломерат новой российской, ностальгической советской, социальной, региональной, локальной, этнокультурной, религиозной идентичностей»¹²⁸. В этой многослойной структуре особенно важным становится формирование гражданской идентичности.

Л.М. Дробижева видит в развитии национально-гражданской идентичности путь к интеграции российского общества. Однако, в России часто наблюдается противоречивое понимание соотношения гражданской и этнокультурной идентичностей. Их нередко противопоставляют как взаимоисключающие категории, хотя опыт других стран, таких как Испания, Бельгия и Индия, показывает, что они могут успешно существовать и дополнять друг друга.

Стремление к созданию поликультурного или «сложнокультурного» общества как цели интеграции мигрантов может осложнить межкультурное взаимодействие. Ключевыми принципами эффективной межкультурной коммуникации являются толерантность и межкультурная компетентность. Толерантность в данном контексте понимается как терпимость, готовность принимать чужое мнение, уважение к чужим взглядам и снисходительность к поступкам других людей.

Толерантность, рассматриваемая как важная составляющая межкультурной коммуникации, проявляется в конкретных действиях и

¹²⁸ Дробижева Л.М. Процессы гражданской интеграции в полиэтническом российском обществе (Тенденции и проблемы) // *Общественные науки и современность*. 2008. №2. С.69.

установках: это открытость к взаимодействию с представителями других культур, искренний интерес к ним, уважение к их равноправию и неприятие любых форм доминирования или насилия. В этом смысле толерантность является необходимым условием для успешного межкультурного общения и входит в состав межкультурной компетентности. Последняя понимается как «комплекс аналитических и стратегических способностей, расширяющий интерпретационный спектр индивида в процессе межличностного взаимодействия с представителями другой культуры»¹²⁹. Межкультурная компетентность включает в себя эмоциональные, познавательные и поведенческие аспекты.

В ситуации, когда культуры рассматриваются как равноправные и существующие на равных основаниях (мультикультурализм), достаточно придерживаться принципов толерантности и развивать основные компоненты межкультурной компетентности. Однако, когда общество характеризуется сложной иерархической структурой культурных элементов, где связи между ними гибкие и позволяют перестраиваться и формировать сложные объединения, необходим более глубокий и сложный процесс коммуникации – диалог культур. Диалог является истинной сутью общения, поскольку предполагает «необходимое отношение к другим участникам речевого общения»¹³⁰.

Для успешной интеграции мигрантов в многокультурное общество необходима комплексная программа, направленная на устранение препятствий, связанных с их культурными особенностями и статусом. Эта программа должна:

- Устранять социальные, экономические и политические барьеры, мешающие интеграции мигрантов.

¹²⁹ Садохин А.П. Межкультурная компетенция и компетентность в современной коммуникации (Опыт системного анализа) // *Общественные науки и современность*. 2008. №3. С.163.

¹³⁰ Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб, 2000. С.258.

- Создавать благоприятные условия для межкультурного общения и диалога.
- Активно поддерживать и развивать межкультурную и межэтническую коммуникацию на всех уровнях.
- Поощрять взаимный интерес к культурному разнообразию и подчеркивать общие ценности.

Особое значение для адаптации мигрантов имеет коммуникативная среда. Для них общение с местными жителями становится первым шагом в освоении нового культурного пространства. Информация играет ключевую роль в формировании их жизненного пространства в регионе.

Поэтому необходимо разрабатывать программы информационного обеспечения миграционных процессов, чтобы стабилизировать социокультурную ситуацию в регионах с высоким притоком мигрантов. Приоритетными задачами являются:

- Всестороннее информирование населения о проблемах и возможностях мигрантов.
- Создание специализированных информационных каналов для борьбы с негативными настроениями, дезинформацией и мифами о мигрантах.
- Финансирование масштабных социологических исследований миграции и широкое распространение их результатов.
- Разработка мер ответственности за распространение ложной информации и разжигание этнической розни.

Существует огромное количество работ, изучающих, как жители принимающих стран относятся к мигрантам. Важно отметить, что не существует универсального способа измерить это отношение. Исследования используют различные показатели, такие как:

- поддержка или неприятие приезда мигрантов в страну;
- оценка влияния миграции на различные сферы жизни;
- готовность или неготовность жить рядом с мигрантами;
- желание заводить дружбу с мигрантами.

Все эти вопросы касаются одной темы, но отражают разные её грани и дополняют друг друга. Это разнообразие затрудняет сравнение результатов различных исследований.

Несмотря на широкий спектр объяснений, предлагаемых исследователями, можно выделить два основных подхода к пониманию отношения к мигрантам: экономический и социокультурный.

Взгляд на проблему миграции в рамках экономического подхода основывается на предположении о потенциальном столкновении экономических интересов между местными жителями и приезжими¹³¹. Основная причина конфликта видится в конкуренции за ограниченные ресурсы, такие как рабочие места, уровень заработной платы и социальные выплаты.

Например, считается, что увеличение числа низкоквалифицированных мигрантов приводит к росту предложения рабочей силы в этом сегменте рынка, что может негативно сказаться на зарплатах и занятости местных работников с аналогичной квалификацией. В то же время, это может благоприятно повлиять на доходы высококвалифицированных специалистов. Приток же высококвалифицированных мигрантов, напротив, может создать дефицит низкоквалифицированной рабочей силы. Таким образом, отношение к иммиграции во многом определяется положением человека на рынке труда и его личными экономическими выгодами.

Второй подход – социокультурный – акцентирует внимание на различиях в идентичности между «местными» и «приезжими», формируя разделение на «мы» и «они»¹³². «Чужие» могут отличаться этнической принадлежностью, религиозными убеждениями, внешним видом и другими культурными особенностями. В этом случае конфликт возникает из-за различий в ценностях и поддерживается стереотипами и предрассудками.

¹³¹ Монусова Г. А. Отношение к мигрантам: мнения и сомнения россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 436-458.

¹³² Там же.

Важно отметить, что разделение на «своих» и «чужих» может существовать даже внутри одной культуры и основываться исключительно на национальной принадлежности.

Хотя и экономические, и социокультурные факторы влияют на отношение к иммиграции, их воздействие не равнозначно. Например, связь между образованием и поддержкой иммиграции может быть обусловлена как экономическими опасениями, так и различиями в ценностях. Однако, неприятие чужой культуры часто приводит к убеждению в экономической угрозе со стороны мигрантов. Исследования показывают, что социокультурные факторы, особенно обеспокоенность по поводу сохранения культурной однородности¹³³, играют более важную роль в формировании отношения к иммигрантам, чем экономические факторы, такие как конкуренция за рабочие места.

Отношение к мигрантам в России, как и во всем мире, тесно связано с социокультурным контекстом. Восприятие мигрантов в большей степени определяется национальной идентичностью и личными ценностями, чем социально-экономическим положением. Субъективные оценки, такие как уровень доверия к окружающим, ощущение безопасности и удовлетворенность жизнью, играют важную роль в формировании отношения к приезжим. Негативные настроения и чувства, такие как неуверенность и ощущение несправедливости, усиливают антимигрантские настроения¹³⁴ и снижают уровень толерантности¹³⁵.

¹³³ Там же. С. 442.

¹³⁴ Мукомель В. И. Ксенофобы и их антиподы, кто они? // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 32-57; Мукомель В. И. Миграционная ситуация и мигранты в восприятии россиян // Вестник Российской нации. 2021. № 1-2. С. 53-68.

¹³⁵ Мاستикова Н. С. Изменения, привносимые мигрантами, и их оценка россиянами (по данным Европейского социального исследования) // Общественные науки и современность. 2019. № 2. С. 160-169.

<https://doi.org/10.31857/S086904990004341-7>; Монусова Г. Восприятие иммигрантов европейским общественным мнением // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 11. С. 58-70. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-11-58-70>.

Ученые, придерживающиеся социокультурной перспективы, обращают внимание на тесную взаимосвязь между отношением к иностранцам и целым рядом индивидуальных психологических черт, ценностей, уровня доверия к другим, удовлетворенности жизнью, ощущения справедливости и прочих факторов. Все эти показатели, взятые вместе, отражают более общую картину – мировоззрение человека и его понимание своего места в этом мире.

Хотя образование может быть фактором, влияющим на отношение к мигрантам, субъективные оценки, по-видимому, формируются комплексно и взаимосвязано, что затрудняет выделение конкретных причинно-следственных связей. Субъективные оценки различных аспектов жизни обычно взаимосвязаны. Например, низкое доверие к окружающим, неудовлетворенность жизнью, тревога о будущем и чувство несправедливости часто встречаются вместе, образуя комплекс негативных переживаний¹³⁶. И наоборот, позитивные оценки обычно тоже идут «в комплекте». Это указывает на то, что вся система субъективных оценок формируется одновременно и под влиянием внутренних факторов.

Если человек верит в безопасность и справедливость мира, считает, что его жизнь в основном зависит от его собственных усилий, а успех – от труда, а не от удачи или связей, и доверяет другим людям, то он, скорее всего, будет более терпимо относиться к мигрантам. Это связано с тем, что в его сознании мигранты не представляют угрозы.

Вполне возможно представить и совершенно иной взгляд на мир, характеризующийся глубоким недоверием, ощущением всеобщей несправедливости и собственной беспомощности. Человек чувствует себя уязвимым, недоволен жизнью и испытывает страх перед всем незнакомым: будь то иностранцы, представители ЛГБТ-сообщества или просто темные улицы. Любое чуждое явление воспринимается как потенциальная угроза,

¹³⁶ Монусова Г. А. Отношение к мигрантам: мнения и сомнения россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 436—458. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2139>.

перед которой он беззащитен. Как отмечает Р. Инглхарт, «высокий уровень экзистенциальной безопасности с большой вероятностью приносит более толерантный и открытый взгляд на мир; а снижение ощущения экзистенциальной безопасности, наоборот, часто вызывает «авторитарный рефлекс», приносящий поддержку сильным лидерам, мощную внутригрупповую солидарность, отвержение посторонних и строгое подчинение групповым нормам»¹³⁷.

Таким образом, процесс интеграции мигрантов неразрывно связан с социокультурным пространством региона, которое оказывает на них объективное влияние. Это пространство включает в себя все аспекты жизни: от природы и населения до материальных объектов и культурных символов. Оно определяет, как люди взаимодействуют друг с другом и как распределяются ресурсы, что, в свою очередь, формирует отношения между индивидом и обществом. Социокультурное пространство можно рассматривать как совокупность производственной, бытовой, нормативной и познавательной сфер, каждая из которых предлагает свои ценности, правила и способы их реализации. Однако, все эти сферы взаимосвязаны и отражают уникальную специфику региона. Важно понимать, что социокультурное пространство не является статичным, оно постоянно меняется под воздействием человеческой деятельности. В результате, социокультурное пространство, как система норм, ценностей и социальных институтов, функционирует, развивается и изменяется, оказывая непосредственное влияние на процесс интеграции мигрантов. Очевидно, что это влияние усложняется, когда такое пространство является еще и поликультурным.

Рассматривая Республику Адыгея как пространство для интеграции мигрантов, остановимся на понятии «регион». При этом предлагаем сделать акцент на поликультурности, оперируя таким понятиями, как поликультурный регион, поликультурное пространство, поликультурная среда. Эти понятия

¹³⁷ Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018. С. 14.

имеет схожее смысловое ядро, в котором отталкиваться нужно от культуры и этноконфессионального разнообразия. Россия представляет собой одну из стран мира, которые характеризуются, по мнению Тишкова В.А. , сложным этноконфессиональным составом населения, имеющим региональные различия и объединенным федеративным устройством. Консолидация поликультурных регионов в единую страну возможна только в том случае, если в полиэтничном государстве нет этнической избирательности, а на уровне государственной политики сохраняется полиэтноконфессиональный состав населения. Сохранение и развитие этнокультурных составляющих российского народа также являются приоритетными направлениями государственной национальной политики (Стратегия государственной национальной политики в Российской Федерации до 2025 года, принята в 2012 году) и одним из ключевых ресурсов развития России. Этнические культуры и общности считаем возможным рассматривать в качестве необходимого условия комфортного самочувствия современного российского народа.

Цивилизационный облик Российской Федерации представляет собой синтез культур большого количества народов и этносов, которые сохраняют этнокультурную специфику и конфессиональную уникальность. Российским регионам имманентно присуще этнокультурное разнообразие, они дифференцированы по уровню развития, ценностным ориентациям и экономико-политическим отношениям. Наличие многообразия в мироощущении и образе жизни способствует сохранению культурной самобытности регионов и одновременно расширяет границы территории и выводит культурное пространство за рамки региона. Поликультурное пространство российских регионов представляет собой незапланированное пересечение культур, их спонтанный симбиоз. Поликультурное пространство региона предполагает культурное развитие регионов, которые приобрели статус поликультурных в ходе естественно-исторического развития, либо в результате политико-экономических стратегий. Важной составляющей развития полукультурного пространства региона является стремление

регионов нашей страны интегрироваться в общероссийское социально-культурное пространство, сохранив при этом этнокультурную специфику. Концепции поликультурного пространства в большей степени характерны для представителей российской науки (в отличие от западного мультикультурализма), в которых доминировали идеи равенства, демократизации и социальных свобод. Гармония культуры страны возможна только при условии сохранения и развития этнических культур регионов, обогащающих культуру страны.

Принцип поликультурности характеризует открытость общества для внешних мигрантов, которая характеризуется дружелюбной для иноэтничных мигрантов интеграционной моделью.

В этой связи понятие «поликультурный регион» наполняется вполне определенным содержанием. Это, во-первых, специфическая часть федерального пространства, обладающая, по сравнению с другими «частями» преимущественной поликультурностью; во-вторых, - это относительно замкнутая, ограниченная территория (регион), обладающая в сфере социальных взаимодействий относительной целостностью (политической, административной, ресурсной, социально-педагогической); в-третьих, культурная специфика такого региона опирается на фундамент долгого этноконфессионального взаимодействия проживающих на его территории народов.

Таким образом, интеграция внешних мигрантов в поликультурное пространство региона – это двусторонний процесс, в котором каждая сторона имеет одинаково важное значение. С одной стороны, внешние мигранты должны обладать знаниями о принимающем поликультурном обществе, владеть интеграционными практиками и т.п. С другой стороны, необходима готовность принимающего общества к мигрантам. Готовность принимающего общества к мигрантам включает в себя лояльность и доброжелательность к ним; знакомство с культурой и традициями, а также понимание социально-экономических эффектов миграции для страны в целом и региона, в частности.

На наш взгляд, на современном этапе поиска стратегий успешной интеграции мигрантов в принимающее общество наиболее приемлемой и перспективной является стратегия диалога культур. Диалог культур предполагает взаимное уважение, открытость и готовность к обмену опытом между различными культурными группами. Это не просто терпимость к иным обычаям, а активное стремление к пониманию ценностей, традиций и перспектив других. Для успешной реализации стратегии диалога культур необходимо создание благоприятной среды, включающей образовательные программы, культурные мероприятия и институты, поддерживающие межкультурное взаимодействие. Важно развивать навыки межкультурной коммуникации, способствовать изучению языков и культуры друг друга, а также создавать платформы для обмена идеями и опытом.

Преимущества диалога культур как стратегии интеграции очевидны. Он способствует снижению социальной напряженности, предотвращает конфликты, укрепляет социальную сплоченность и обогащает культурное разнообразие общества. Кроме того, диалог культур позволяет мигрантам сохранить свою идентичность, одновременно адаптируясь к новым условиям. Это, в свою очередь, способствует их полноценной интеграции и участию в жизни общества.

Для эффективного внедрения диалога культур как стратегии интеграции необходимо учитывать ряд ключевых факторов. Во-первых, важно признать и преодолеть существующие стереотипы и предрассудки, которые могут препятствовать межкультурному взаимопониманию. Это требует активной работы с общественным мнением, использования средств массовой информации и образовательных программ для формирования позитивного образа мигрантов и освещения их вклада в развитие общества.

Во-вторых, необходимо создавать условия для равноправного участия всех культурных групп в общественной жизни. Это предполагает обеспечение равного доступа к образованию, здравоохранению, занятости и другим социальным услугам, а также поддержку культурных инициатив и проектов,

представляющих различные сообщества. Важно, чтобы мигранты чувствовали себя не просто гостями, а полноправными членами общества, имеющими возможность влиять на его развитие.

В-третьих, необходимо развивать институты, способствующие межкультурному взаимодействию. Это могут быть центры межкультурного диалога, культурные центры, общественные организации и другие платформы, где представители разных культур могут встречаться, общаться, обмениваться опытом и совместно решать общие проблемы. Важно, чтобы эти институты были доступны для всех и предлагали разнообразные программы и мероприятия, учитывающие интересы различных групп населения.

Наконец, успешная реализация стратегии диалога культур требует постоянного мониторинга и оценки. Необходимо анализировать эффективность принимаемых мер, выявлять проблемные области и разрабатывать новые подходы, учитывающие изменяющиеся потребности и обстоятельства. Важно, чтобы процесс интеграции был гибким и адаптивным, способным реагировать на вызовы и возможности, возникающие в динамичном мире.

Насколько модель диалога культур в применении к интеграции внешних мигрантов может быть реализована в поликультурном пространстве России, мы предлагаем рассмотреть на примере одного из российских регионов – Республики Адыгея.

По итогам 1 главы можно сделать следующий вывод: интеграция мигрантов в поликультурное пространство региона представляет собой сложный, подчас противоречивый, процесс, требующий системного социологического осмысления. В качестве теоретической основы исследования выступает:

- концепция трех стадий миграции (установка, переселение, интеграция), позволяющая рассматривать интеграцию как динамический и поэтапный процесс, сопровождающийся трансформацией габитуса и социальных практик мигрантов;

- теория социальных полей Бурдье, позволяющая рассматривать интеграцию как борьбу за культурный, экономический и социальный капитал в условиях пересечения и взаимодействия различных социальных полей, а также как процесс трансформации габитуса мигрантов в новых для них социокультурных условиях;

- типология интеграционных стратегий Дж. Берри: ассимиляция, мультикультурализм, интеграция, сепарация, маргинализация. Ассимиляция не обеспечивает устойчивого развития поликультурного общества, мультикультурализм без диалога культур ведет к формированию замкнутых этнических анклавов;

- концепция В.И. Мукомеля, позволяющая утверждать наличие в российском обществе устойчивых опасений относительно размывания культурного ядра и угроз социальной стабильности, что провоцирует мигрантофобские настроения россиян. Именно поликультурные общества имеют ресурс вывода интеграции мигрантов на новый уровень построения позитивного диалога культур.

ГЛАВА 2. ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СТРАТЕГИЙ И ПРАКТИК ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ

XXI век для России, как и для многих развитых стран, ознаменовался значимыми изменениями численности и состава населения. Каждое поколение детей является малочисленным в большей степени, чем родительское поколение, что обуславливает, на фоне увеличивающейся продолжительности жизни, тенденцию старения населения и депопуляции, сокращения численности трудоспособного населения. Динамика изменений количества рабочей силы в регионах России различна. Мигранты становятся мощнейшим ресурсом увеличения численности населения страны, в том числе трудоспособного возраста. В то же время присутствие в стране значительного количества переселенцев - иностранных граждан, носителей иных традиций, норм морали и поведенческих практик является риском обострения взаимоотношений между местным населением и мигрантами. Среднеазиатские переселенцы, которые характеризуются меньшим уровнем образованности и квалификации, будут еще длительное время доминировать среди других внешних мигрантов. В связи с этим вопрос интеграции мигрантов в принимающее сообщество актуализируется с новой силой, так как среднеазиатские мигранты при адаптации к российским реалиям испытывают особенные сложности, обусловленные культурной дистанцией с принимающим населением. Выход из данной ситуации - в активной политике интеграции, базирующейся на оказании помощи мигрантам при интеграции в российские реалии и повседневность, особенно той категории переселенцев, которые рассматривают свое будущее и будущее своих семей в России. Эмпирическому анализу всех вышеобозначенных проблем и посвящается вторая глава данного исследования.

Эмпирическое исследование интеграции внешних мигрантов в поликультурную среду полиэтничного региона базируется на синтезе таких

методологических концепций, как концепция трех стадий миграции и теория социальных полей П. Бурдьё, в рамках которых мы исследовали мотивацию и принятие решения о переезде, процесс перемещения и этап интеграции в поликультурное принимающее сообщество. Социально-полевая концепция Бурдьё позволяет рассматривать интеграцию как взаимодействие агентов в различных социальных полях, где мигранты и местное население вступают в сложные социокультурные взаимодействия. Методология включает массовые социологические опросы мигрантов и местного населения, глубинные интервью, вторичный анализ данных ВЦИОМ, российских исследователей, а также статистические данные Росстата, МВД РФ, что обеспечивает комплексное понимание интеграционных стратегий и их влияния на социокультурную динамику поликультурного региона.

Особое внимание уделяется культурной дистанции, с которой сталкиваются мигранты из стран Средней Азии, и вызовам, возникающим в процессе их интеграции в поликультурное общество Адыгеи. В эмпирической главе интеграция рассматривается как многомерный социальный феномен, формируемый через взаимодействие в социальных полях и проходящий через последовательные стадии, что позволяет выявить ключевые механизмы успешной интеграции в поликультурном региональном контексте.

2.1. Социокультурный анализ миграционных установок мигрантов в Республике Адыгея¹³⁸

Международная миграция в современных условиях нестабильности характеризуется нами как важное явление, оказывающее социокультурное, экономическое, демографическое и геополитическое влияние на принимающее сообщество. Исследование миграции позволяет лучше понять

¹³⁸ В разделе использованы публикации автора: Чистякова О.А. Учебные мигранты в принимающем обществе Юга России (результаты эмпирического исследования) //Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2022. № 4(309). С. 133-138.

изменяющийся мир, в котором мы живем, более качественно планировать будущее. Мигранты, получившие разрешение на временное проживание и вид на жительство, вносят вклад в демографическое развитие страны, оказывая влияние на индексы рождаемости и смертности, а также производят значительную часть ВВП региона прибытия. С древних времен миграция воспринималась как шанс на лучшую жизнь за пределами территории, на которой родился человек. Она стала символом социального и экономического прогресса для отдельных людей, семей и общин. Однако международная миграция не является массовым явлением. Авторы Доклада о миграции в мире 2024¹³⁹ отмечают, что преобладающая часть земель продолжают жить в странах и регионах, в которых они появились на свет, лишь каждый тридцатый житель планеты является мигрантом. Но при этом абсолютное число мигрантов постоянно увеличивается (рис. 1): в 2024 году 3,6% населения Земли были мигрантами, в абсолютном выражении это 281 млн человек, что на 128 млн человек больше, чем в 1990 году, и на 197 млн мигрантов больше, чем в 1970 году¹⁴⁰.

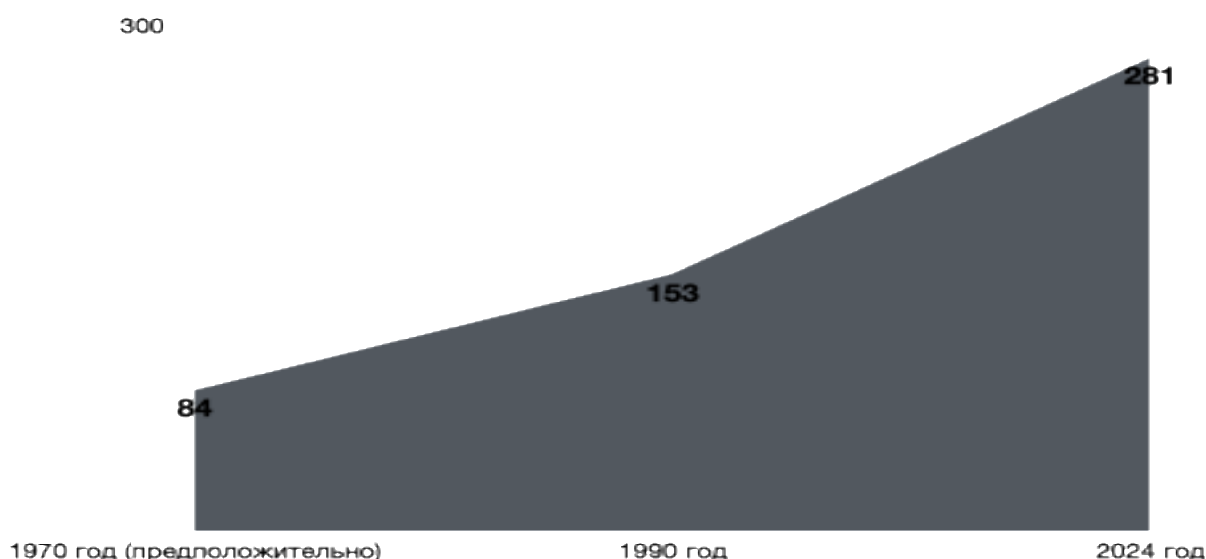

Рисунок 1. Динамика численности международных мигрантов в течение 50 лет (составлено автором по данным Доклада о миграции в мире 2024 Всемирной организации по миграции), млн человек

¹³⁹ International Organization for Migration. World Migration Report 2024. Geneva: International Organization for Migration, 2024. 540 p. URL: <https://worldmigrationreport.iom.int/wmr-2024-interactive/> (дата обращения: 24.02.2025).

¹⁴⁰ Там же.

Информация, представленная на рисунке 1, фиксирует тот факт, что несмотря на относительно небольшую долю мигрантов в общемировом населении, их абсолютное количество неуклонно увеличивается. Это служит важным аргументом в пользу актуальности исследования процессов интеграции мигрантов.

Причины миграции достаточно разнообразны: от конфликтов, приводящих к многочисленным человеческим жертвам, до масштабной экономической и политической нестабильности, проявляющейся во многих частях мира. Значительные миграции также обуславливаются изменениями климата, приводящими к стихийным бедствиям. В 2020 году настигшая мир пандемия COVID-19 добавила неопределенности в протекание всех мировых процессов, ограничив возможности международных перемещений, оказала тормозящее влияние на рост числа мигрантов в мире. Однако снятие ограничений на перемещения в связи с нивелированием пандемии вновь привело к росту масштабов мировой миграции. По данным Всемирной организации по миграции¹⁴¹, миграция свойственна практически в равной степени и мужчинам, и женщинам (женщины составляют около 48% всех международных мигрантов) (рис. 2). В 2024 году количество международных мигрантов-женщин составило 3,3% от всех женщин мира, мигрантов-мужчин - 3,6% от всех мужчин в структуре населения мира.

¹⁴¹ Там же.

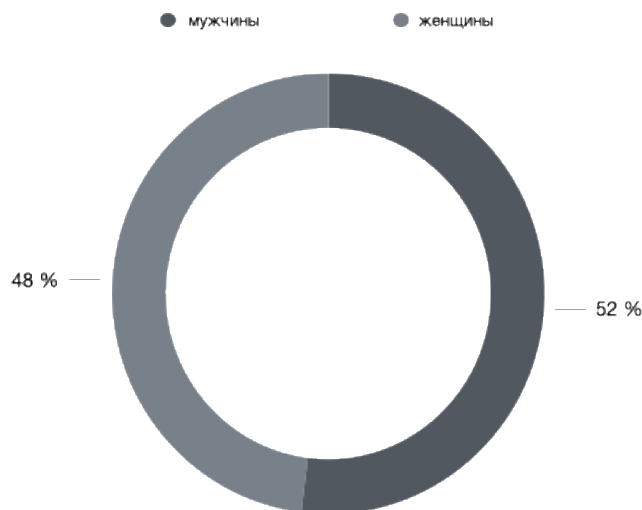

Рисунок 2. Гендерное распределение международных мигрантов (составлено автором по данным Доклада о миграции в мире 2024 Всемирной организации по миграции), в %

Рисунок 2 демонстрирует практически равное участие в миграционных процессах как мужчин, так и женщин. Это важно для понимания структуры миграционных потоков и особенностей интеграции мигрантов в принимающее сообщество. Гендерный баланс среди мигрантов обуславливает необходимость учета различных потребностей, стратегий адаптации и интеграционные траектории мужчин и женщин. Кроме того, анализ гендерного состава позволяет более точно разрабатывать меры поддержки и интеграции, ориентированные на специфику проблем, с которыми сталкиваются представители разных полов в новой социокультурной среде.

Международные денежные переводы, которые направляются мигрантами в страну своего происхождения из страны, в которую они мигрировали, в 2023 году составили около 669 млрд долларов. Колоссальная масштабность миграции не позволяет мировому сообществу только фиксировать те процессы, которые происходят здесь и сейчас, человечеству необходимо на основании научных исследований прорабатывать долгосрочные модели процессов миграции, что может способствовать принятию адекватных мер правительствами различных государств.

Согласно официальным данным, Россия является одной из крупнейших стран - получателей мигрантов в мире. В основном миграционные потоки направлены из ближнего зарубежья и стран СНГ. В Докладе о миграции в мире 2024 отмечается¹⁴², что в пять наиболее привлекательных для международных мигрантов стран входят: Соединенные Штаты Америки, Германия, Саудовская Аравия, Российская Федерация, Соединенное Королевство. В России, которая занимает четвертое место среди стран-лидеров по количеству въехавших мигрантов, на начало 2024 года проживало около 10,8 млн человек¹⁴³ внешних мигрантов – это 7,4% от общей численности населения страны. Преобладающая часть мигрантов прибыла в нашу страну из стран Центральной Азии: на начало 2024 года их численность составила порядка 6,1 млн человек¹⁴⁴. В последние десятилетия Россия столкнулась с серьезными демографическими вызовами, такими как снижение рождаемости и увеличение смертности, что на фоне увеличивающейся продолжительности жизни существенно меняет всю демографическую политику страны.

По данным Росстата на 1 января 2025 года, численность постоянного населения России составила 146,0 млн человек. За 2024 год численность населения сократилась на 0,3% (450 тысяч человек), естественная убыль населения на 55% компенсирована миграционным приростом¹⁴⁵.

Динамика численности населения нашей страны за 10 лет, с 2012 по 2022 год, демонстрирует тенденцию увеличения количества россиян на 3809111 человек (рис. 3) в 2022 году в сравнении с 2012 годом. Однако с 2020 по 2024

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Международная организация по миграции. Доклад о миграции в мире 2024 года. Женева: Международная организация по миграции, 2024. 540 с. URL: <https://worldmigrationreport.iom.int/wmr-2024-interactive/> (дата обращения: 24.02.2025); МВД России. О миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-декабрь 2023 года. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/30277983/> (дата обращения: 24.02.2025).

¹⁴⁵ Росстат. Демографический ежегодник России. 2025: Стат. сб. М.: Росстат, 2025. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 24.05.2025).

годы наблюдается сокращение численности населения с 146,7 млн до 146,1 млн человек. Несмотря на миграционный прирост, который частично компенсирует естественную убыль, численность населения страны продолжает снижаться из-за продолжающегося падения рождаемости и сохраняющейся высокой смертности. При этом число родившихся из года в год стабильно уменьшается: от 1902084 в 2012 году до 1304087 в 2022 году. Динамика числа родившихся в России за 2020–2024 годы демонстрирует устойчивое снижение: с 1435749 новорождённых в 2020 году до примерно 1210000 в 2024 году. Таким образом, за пять лет показатель рождаемости сократился почти на 16%¹⁴⁶.

Рисунок 3. Динамика численности (общее количество, количество родившихся, количество мигрантов) и общая продолжительность жизни населения России (составлено автором по данным Росстата¹⁴⁷)

¹⁴⁶ Росстат. Демографический ежегодник России. 2024: Стат. сб. М.: Росстат, 2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 24.05.2025); Росстат. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2024 года URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 24.05.2025); Оперативные данные Росстата за 2023–2024 годы. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 24.05.2025).

¹⁴⁷ Демография / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 03.2023).

Рост ожидаемой продолжительности жизни положительно сказывается на численности населения: в течение десяти лет (2013-2023) ожидаемая продолжительность жизни в России демонстрировала устойчивый рост: с 70,8 года в 2013 году до 73,4 года в 2023 году, несмотря на временное снижение в 2020–2021 годах из-за пандемии COVID-19. Уже в 2022–2023 годах показатель восстановился и практически достиг доковидного максимума¹⁴⁸. Но у старения населения есть и такой неоднозначный фактор, как рост нагрузки на трудоспособное население. Старение населения влияет на различные сферы жизнедеятельности социума, в том числе на рынки труда и финансовых ресурсов, спрос на товары и услуги из области образования, здравоохранения, медицинской помощи, социальной защиты, а также на структуру семьи и связь между поколениями. Старение населения сопровождается сокращением самых производительных демографических когорт, в этих условиях миграция становится важным ресурсом рабочей силы. Поэтому миграционный прирост в ближайшие годы сможет компенсировать не только естественную убыль населения России, но и увеличить количество трудоспособной части жителей страны.

Миграция представляет собой сложное явление, что нами подробно рассмотрено в первой главе данного исследования, а миграционные практики оказывают неоднозначное влияние на процесс интеграции мигрантов в принимающее сообщество. Научные исследования в области миграции научили нас тому, что миграция не является однородной во всем мире, а формируется под воздействием социокультурных, экономических, географических, демографических и других факторов, в результате чего на

¹⁴⁸ Росстат. Демографический ежегодник России. 2023: Стат. сб. М.: Росстат, 2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 24.05.2025); Росстат. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Российской Федерации (2000–2023 гг.). URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 24.05.2025); Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ): Russian Federation: WHO statistical profile. URL: <https://www.who.int/data/gho/data/countries/country-details/GHO/russian-federation?countryProfileId=2f7b7c3b-9d3b-4f8f-9f7b-4a2e7e3b7d3e> (дата обращения: 24.05.2025).

протяжении многих лет развиваются различные модели миграции, так называемые миграционные практики.

Миграционные практики относятся к различным действиям и поведением, которые связаны с перемещением людей из одной страны, региона или места проживания в другую. Остановимся на наиболее распространенных миграционных практиках, которые транслируются международными мигрантами, въезжающими на территорию Российской Федерации. Наиболее распространенным видом миграционных практик является трудовая миграция (рис. 4), занимающая 1 место по числу мигрантов, приехавших в нашу страну в 2024 году.

Рисунок 4. Соотношение въехавших в РФ в 2024 году мигрантов по видам миграции, % (составлено автором по данным Росстата и др.¹⁴⁹)

Преобладание трудовой миграции среди всех видов миграционных практик (рис. 4), реализуемых въезжающими в Россию мигрантами,

¹⁴⁹ МВД России. О миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2024 года. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/30277983/> (дата обращения: 24.05.2025); Росстат. Демографический ежегодник России. 2025: Статистический сборник. М.: Росстат, 2025. 624 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 24.05.2025); International Organization for Migration. World Migration Report 2024. Geneva: IOM, 2024. 540 p. URL: <https://worldmigrationreport.iom.int/wmr-2024-interactive/> (дата обращения: 24.05.2025).

обусловлено как внутренними демографическими вызовами для страны, так и спросом на рабочую силу в различных секторах экономики. Трудовые мигранты вносят существенный вклад в развитие отдельных отраслей, компенсируя дефицит работников и способствуя экономическому росту регионов. В то же время их массовое прибытие формирует новые социокультурные вызовы для принимающего общества, связанные с необходимостью интеграции представителей различных этнических и культурных групп. Анализ структуры миграционных потоков позволяет более точно оценивать потребности мигрантов, разрабатывать эффективные меры поддержки и интеграции, а также прогнозировать возможные изменения в социальной и экономической сферах региона.

Помимо воздействия на рынок труда и экономическое развитие принимающей территории, трудовая миграция оказывает значительное влияние на принимающее сообщество и с социокультурной точки зрения. Принимающее сообщество сталкивается с вызовами и возможностями, связанными с взаимодействием с новыми культурами и традициями. Социокультурный подход к трудовой миграции позволяет изучить влияние этого процесса на образ жизни, поведение, общение и восприятие принимающего сообщества. Он также помогает выявить потенциальные проблемы и найти способы улучшения взаимодействия и адаптации для достижения гармонии и взаимопонимания между различными социокультурными группами. Приход трудовых мигрантов может вызвать изменения в языке, религии, искусстве, кухне и других сферах жизни принимающего сообщества. Это может привести к культурному обогащению, обмену опытом и развитию более толерантного и разнообразного общества. Миграция может вызвать некоторые напряженные ситуации, связанные с конфликтами ценностей, традиций и самоидентификации.

Вторым наиболее востребованным видом миграционных практик является образовательная миграция, занимающая в 2022 году 3% от всех видов миграционных практик, реализуемых мигрантами (рис. 4). Прибытие

студентов из других стран для обучения может привести к различным изменениям в социокультурной, образовательной и экономической сферах. Образовательная миграция содействует увеличению этноконфессионального разнообразия и межкультурному диалогу в учебных заведениях. Студенты из разных стран увеличивают количество талантливой молодежи в нашей стране, что способствует появлению новых идей, перспектив и методов обучения, обогащая образовательное пространство российских университетов. Кроме того, принимающее сообщество может получить экономическую выгоду, партнёрские политические связи, обусловленные образовательной миграцией. Образовательная миграция служит мостом для установления долгосрочных связей и партнерств между различными странами и культурами. Студенты, получившие образование в принимающих странах, могут вернуться в страну исхода с новыми знаниями и навыками, что способствует развитию образования и науки в глобальном пространстве. Иностранные студенты являются представителями различных культур, психологически они сильно отличаются от россиян.

По данным МВД и Федеральной службы государственной статистики, мигрантами, въезжающими на территорию России, реализуются также такие миграционные практики, как частные поездки, миграция с целью постоянного места жительства и, конечно, вынужденные миграции, на которых мы остановимся несколько подробнее. Вынужденная миграция также оказывает значительное влияние на принимающее сообщество. Люди, вынужденно покидающие свои дома из-за конфликтов, бедствий или преследований, приезжают в новые для них страны в поисках убежища и защиты. Этот процесс может создать множество как рисков, так и возможностей для принимающего сообщества. Социокультурные аспекты вынужденной миграции включают в себя вопросы адаптации к новым обычаям, языку, религии и социальным структурам. Принимающее сообщество может столкнуться с задачей интеграции этих новых жителей в свою культуру и общество, что порой может вызвать напряженные ситуации, связанные с

конфликтами и недопониманием. Одновременно вынужденная миграция также может привнести новые знания, опыт и культурное разнообразие в принимающее сообщество, способствуя обмену и взаимопониманию между различными социокультурными группами. Необходимо учитывать потребности и вызовы, с которыми сталкиваются и мигранты, и принимающее сообщество, и разрабатывать стратегии для создания благоприятной среды для успешной интеграции и взаимодействия.

Россия, будучи страной регионов, по-разному справляется с проблемой снижения рождаемости, увеличения смертности и сокращения численности трудоспособного населения. Неравномерное распределение населения в российских регионах, их социокультурная специфика и степень экономической привлекательности привели к разным масштабам миграции в субъектах Российской Федерации. Потенциальные мигранты, готовясь к принятию решения о возможном переезде в другую, отличную от места их рождения страну, оценивают привлекательность условий организации жизнедеятельности в месте предполагаемого постоянного или временного их проживания. Данное оценивание не относится к обстоятельствам непреодолимой силы, когда человек вынужден мигрировать в результате стихийных бедствий, конфликтов или иных видов преследования. Оценки принимающей территории осуществляются с позиций количественных характеристик, к которым считаем возможным отнести: прогнозируемые доходы - что важно для мигрантов в трудоспособном возрасте; наличие объектов социальной инфраструктуры и климатические условия - что в большей степени волнует мигрантов старшего возраста и семейные пары, заботящиеся о комфорте имеющих или еще не родившихся детей. Однако не менее важными являются и качественные характеристики принимающего сообщества, в которое мигранты должны интегрироваться. Успешность интеграции мигрантов сократит период адаптации к новому месту жительства. Считаем важным отметить тот факт, что количественные и качественные характеристики потенциально нового места жительства не всегда равнозначны

оцениваются мигрантом: он, например, готов пожертвовать комфортной экологической средой в угоду более высокому доходу, или наоборот. Множество таких оценок и формируют миграционную привлекательность или миграционную непопулярность отдельных регионов нашей страны.

Среди наиболее привлекательных для мигрантов регионов России можно назвать следующие 20, в которые в 2024 году, по данным Росстата, въехало наибольшее количество мигрантов из-за пределов России (таблица 2).

Таблица 2

Рейтинг регионов РФ по количеству въехавших международных мигрантов¹⁵⁰

Регионы РФ					
	2017	2019	2021	2022	2024
Московская область	3	1	1	1	2
г. Москва	2	4	7	2	1
Тюменская область	4	2	2	3	14
Ростовская область	14	6	4	4	15
Краснодарский край	7	3	3	5	6
Калужская область	8	16	6	6	
г. Санкт-Петербург	1	5	5	7	3
Ханты-Мансийский автономный округ - Югра	22	15	10	8	12
Красноярский край	9	13	8	13	17
Новосибирская область	5	11	9	10	7
Свердловская область	33	8	12	11	5
Республика Саха (Якутия)			11	12	
Челябинская область	25	14	16	13	13
Воронежская область	6	7	13	14	

¹⁵⁰ Составлено автором по данным: МВД России. О миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2023 года. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/30277983/> (дата обращения: 24.05.2025); Росстат. Демографический ежегодник России. 2024: Статистический сборник. М.: Росстат, 2024. 624 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 24.05.2025).

Регионы РФ					
	2017	2019	2021	2022	2024
Тульская область	13	18	23	15	
Республика Башкортостан	15	39	19	16	19
Белгородская область	16	10	15	17	
Республика Татарстан	30	40	21	18	8
Самарская область	21	9	17	19	11
Хабаровский край	19	29	20	20	

Можно отметить, что наиболее популярными регионами международной миграции в России в 2024 году были Москва, Московская область и Санкт-Петербург — эти три региона принимают более трети всех международных мигрантов РФ. При этом Московская область сохраняет свое лидерство на протяжении ряда лет, остальные 4 региона из названной пятерки лидеров незначительно меняют свое место в составленном нами рейтинге. Остальные субъекты Российской Федерации, представленные нами в таблице 1, за проанализированные 6 лет принципиально не изменили свои позиции по приему международных мигрантов. Следует отметить, что рейтинг составлен нами на основе простых арифметических расчетов, без учета размера территории региона, количества коренных жителей, количества внутренних въехавших и выехавших мигрантов, количества выехавших международных мигрантов, миграционной политики страны по регионам, приоритетным для заселения¹⁵¹. Таким образом, устойчивой привлекательностью в течение рассматриваемого периода характеризуется 10 регионов России, а остальные считаем возможным охарактеризовать как мало- и непривлекательные для международных мигрантов. Международные мигранты, определяясь с регионом, на территорию которого планируется въезд, ограничены выбором

¹⁵¹ Смирнов С.Н. Миграционная привлекательность регионов России // Социальные новации и социальные науки. 2023. № 1. С. 55–71; Юмагузин В.В., Винник М.В. Долгосрочный прогноз компенсаторной миграции в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 1 (58). С. 48–64. DOI: 10.31737/22212264_2023_1_48.

привлекательных характеристик территории: экономические возможности и высокий уровень жизни, приемлемая инфраструктура. Социокультурная привлекательность, схожесть этнокультурных практик и лояльность местного населения на момент принятия решения о миграции ими во внимание не берется. Республика Адыгея в январе-сентябре 2024 года входит в топ-10 регионов России по показателю миграционного прироста на 1 тысячу жителей – занимает 5 место с коэффициентов 3,7 на 1 тыс. человек постоянного населения. По интенсивности миграционного прироста в 2024 году Республика Адыгея опережает многие другие субъекты Российской Федерации¹⁵².

На 1 января 2025 года, по данным Росстата¹⁵³, в Адыгее проживают 500731 человек, что составляет 0,34% от общей численности России. Население в трудоспособном возрасте составляет 51,2% от общей численности населения региона¹⁵⁴. Республика Адыгея - это небольшой по территории регион, окруженный со всех сторон Краснодарским краем, у которого имеется мощный потенциал для привлечения иностранного капитала. Экономико-хозяйственная деятельность Адыгеи во многом определена комфортным климатом, плодородными землями и наличием промышленных запасов природных ресурсов. Стабильная общественно-политическая ситуация способствует всестороннему развитию республики, Адыгея характеризуется как самый спокойный регион Северного Кавказа.

В 2022 году на территорию Адыгеи из-за пределов России въехали 5354 человека, в 2021 году - 5475 человек, в 2020 году - 5408 человек. Наибольшее

¹⁵² Бухарский В., Тирских Т. Миграции населения в 2024 году: потоки ослабевают // Страны и регионы. 19.12.2024. URL: https://raexpert.ru/researches/regions/migration_regions_2024/?ysclid=mcavty1pj5875425420 (дата обращения: 12.05.2025).

¹⁵³ Население Адыгеи на 1 января 2025 года — 500 731 человек // Росстат. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Адыгеи (дата обращения: 24.05.2025).

¹⁵⁴ Прогноз баланса трудовых ресурсов Республики Адыгея на 2025–2027 годы. URL: https://zanad.ru/cms_data/usercontent/regionaleditor/%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA/2024/%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC.%D0%BE%D1%82%D0%B4%D0%B5%D0%B (дата обращения: 12.05.2025).

количество мигрантов в 2022 году прибыли из Туркмении, Украины, Армении и Таджикистана (рис. 5). В январе-июле 2024 года внешних мигрантов въехало 1574 человека, за аналогичный период 2023 года мигрантов из-за рубежа прибыло 1860 человек, что свидетельствует о снижении числа мигрантов, въезжающих на территорию Адыгеи по различным причинам, в том числе из-за специальной военной операции и введенных санкций.

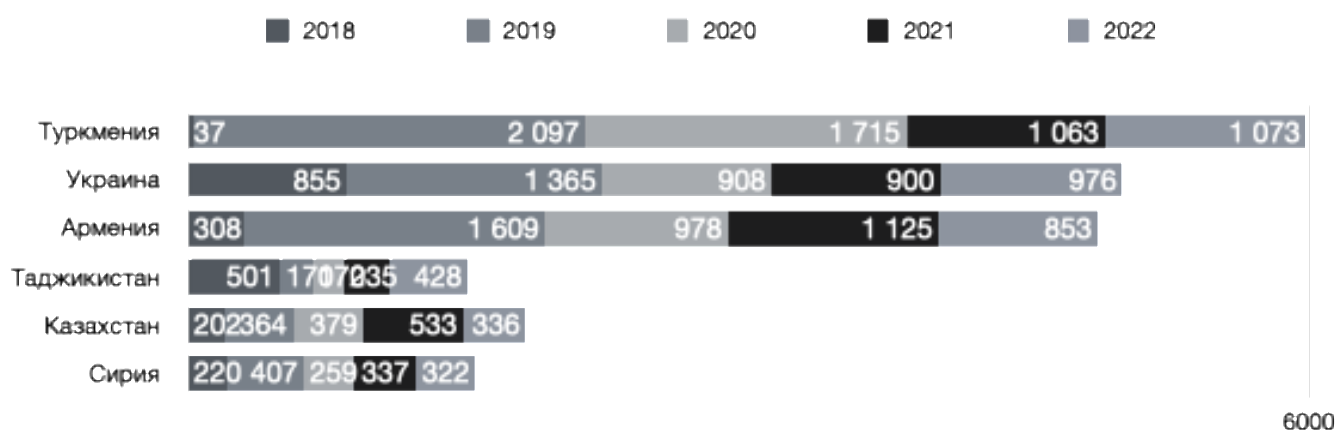

Рисунок 5. Количество въехавших в Адыгею из-за пределов России по годам (составлено автором по данным Росстата¹⁵⁵), человек

Представленные на рисунке 5 данные позволяют проследить динамику внешней миграции в Республику Адыгея на протяжении ряда лет, что имеет важное значение для анализа миграционных процессов в региональном контексте. Количественные изменения числа въехавших мигрантов отражают как общероссийские, так и локальные тенденции, связанные с изменениями в миграционной политике, экономической привлекательностью региона, а также социокультурными особенностями принимающего сообщества.

Опираясь на методологический подход о трех стадиях миграционного процесса: установка, переселение и интеграция, описанный в параграфе 1.1. нашего диссертационного исследования, мы, используя синтез количественных и качественных методов исследования, пришли к следующим выводам.

¹⁵⁵ Республика Адыгея в цифрах 2022 год /Федеральная служба государственной статистики. URL: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/79_Республика_Адыгея_в_цифрах_2022.pdf (дата обращения: 05.2023).

1. На формирование миграционных установок значимое влияние оказывают экономические и социокультурные факторы. К социокультурным факторам относятся: социальные связи в стране исхода и возникновение позитивных социокультурных связей в принимающей стране, мотивация к переселению, уровень образования мигрантов и миграционный опыт, наличие которого позволяет более спокойно принять решение о миграции.

Задав вопрос респондентам о причинах приезда в Адыгею и предложив им возможность выбора нескольких вариантов ответа, мы видим следующую картину: 71,8% респондентов выбрали такой вариант ответа, как «получение образования, хочу остаться на постоянное жительство»; для 14,5% респондентов мотивом для миграции стала финансовая поддержка родственников, оставшихся на родине, желание остаться на постоянное жительство в России; 10,3% опрошенных выбрали вариант ответа – «получение образования, хочу найти хорошо оплачиваемую работу»; 3,4% планируют поработать в Адыгее (России) год-другой и вернуться на родину (таблица 3).

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос о причинах их приезда в Россию, % (возможен выбор нескольких вариантов ответа)

Получение образования, хочу остаться на постоянное жительство в России	Получение образование, хочу найти хорошо оплачиваемую работу	Поработаю год-другой и вернусь на родину	Финансовая поддержка родственников, оставшихся на родине, хочу остаться на постоянное жительство в России
71,8	10,3	3,4	14,5

Таким образом, результаты массового опроса свидетельствуют о преобладании интеграционных стратегий, ориентированных на долгосрочную или постоянную миграцию, а также о наличии значимых экономических и социальных факторов, влияющих на миграционные установки.

Информант из Узбекистана в интервью указал такие миграционные намерения, как: улучшение финансового положения семьи, хорошее образование для детей, возможности построения карьеры. *«У меня - двое детей, работаю на стройке. Зарплата небольшая (около 2 млн сумов в месяц), для семьи из 4 человек – мало. Приходится занимать деньги до зарплаты. Хочется дать детям хорошее образование, а денег не хватает. Уже два года раздумываю о переезде в Россию. Мои друзья и родственники присылают фотографии и рассказывают, что там можно заработать в 3-4 раза больше. Семья по-разному относится к моей идее: жена против, боится оставаться одна с детьми и что я могу там с кем-то (смеется)... Отец поддерживает, мама плачет... В России придется учиться, и визу так проще получить, и без образования ничего не добьешься».*

Таким образом, преобладающая часть мигрантов Адыгеи рассматривают свой приезд в Россию как стратегический шаг для получения образования и последующего постоянного проживания, что свидетельствует о долгосрочных установках на интеграцию в сообщество республики. Финансовая поддержка родственников вписывается в такую стратегию миграции, как поддержание транснациональных семейных связей, для незначительной части опрошенных также характерны долгосрочные (10,3% респондентов ориентированы на поиск хорошо оплачиваемой работы) и краткосрочные (3,4% планируют временную занятость с дальнейшим возвращением на родину) миграционные стратегии.

2. 67,5% мигрантов, приехавших в Адыгею, имеют высшее образование, 20,5% выбрали вариант ответа - общее среднее образование (школа), среднее профессиональное образование - 12%. Высокий уровень образования мигрантов подчеркивает тот факт, что переезд в другую страну является осознанным и подготовленным шагом. Мигранты Адыгея являются обладателями значимого культурного капитала, который может быть использован ими для поиска работы и повышения статуса в принимающем сообществе. Однако авторское социологическое исследование показывает,

что, несмотря на высокий уровень образования, многие мигранты испытывают трудности в признании своей высокой квалификации и вынуждены заниматься низкоквалифицированным трудом.

3. У 95% респондентов Адыгеи в стране исхода остались члены семьи: чаще всего (65,3%) это родители и другие члены семьи; в 11% случаев это кто-либо из супругов и дети; 15% респондентов отметили наличие братьев/сестер в стране исхода. Наличие супругов и/или детей в стране исхода свидетельствует о долгосрочной миграции, если же семья находится в принимающей стране или семьи нет пока вообще, то в долгосрочной перспективе мигрант планирует остаться в стране на постоянное место жительства.

Такие широкие семейные сети, оставшиеся в стране исхода мигранта, предполагают частое общение уехавшего члена семьи с оставшимися. В условиях информационного общества, высокого развития цифровых технологий мигрант может постоянно находиться в коммуникации со своими родственниками, проживающими на территории другой страны (таблица 4).

Таблица 4

Частота общения мигрантов с родственниками, оставшимися в стране исхода, по телефону/Интернету, %

Каждый день	Несколько раз в неделю	Несколько раз в месяц	Редко общаюсь
65,3	26,3	5,9	2,2

Сохранение прочных связей с родиной указывает на сохранение идентификации с обществом исхода. На первичной стадии миграции мигранты еще не разорвали прежние социокультурные связи, а ценности и нормы общества исхода определяют их ценностные установки и повседневные практики в новой для них социокультурной среде.

4. На стадии переселения мы можем говорить о миграционных потоках, которые характеризуются количеством прибытий и убытий. 60,7% опрошенных мигрантов въехали на территорию нашей страны в первый раз,

55% из них при этом проживают на территории Адыгеи более 3 лет, 45% из тех, кто въехал в первый раз, проживают в республике недавно, до 1 года. Во второй раз приехали в Адыгею 20,5% респондентов, 19,7% мигрантов, участвовавших в опросе, приезжали в рассматриваемый регион более 2 раз. Полученные данные свидетельствуют о стратегии долгосрочного пребывания в Адыгее у преобладающей части мигрантов, пятая часть мигрантов возвращаются в республику уже не первый раз, что говорит о привлекательности данного субъекта российского общества в качестве принимающего сообщества. Данные социологического исследования свидетельствуют о динамике и повторяемости миграционных перемещений в Адыгее.

5. Трудоустройство на стадии переселения иллюстрирует факт необходимости быстрой адаптации мигрантов на региональном рынке труда, что часто не соответствует имеющейся у них квалификации (таблица 5).

Таблица 5

Распределение ответов респондентов на вопрос о трудоустройстве по имеющейся специальности, %

Трудоустроен по специальности	Трудоустроен не по специальности	Не трудоустроен
17,5	68,5	14

Ответы респондентов на данный вопрос можно разделить на три блока:

- 1 - не трудоустроены,
- 2 - трудоустроены, по специальности;
- 3 - трудоустроены не по специальности.

Трудоустроенных не по специальности выявлено большее число респондентов - 48,4% от всех опрошенных мигрантов, что обусловлено быстрым встраиванием мигрантов в региональный рынок труда, неофициальной работой и, как следствие, занятием непривлекательных вакансий. Данную тенденцию можно охарактеризовать как нерациональное использование навыков и компетенций мигрантов, которые привлекаются в

нашу страну в качестве рабочей силы, но не имеют возможности реализовать свой потенциал в большей мере.

Мигранты чаще всего задействованы в таких видах трудовой активности, где необходим физический труд, условия труда оставляют желать лучшего, а российские граждане не готовы на преодоление подобных трудностей, в частности речь идет о сфере услуг, строительстве, домашних хозяйствах россиян, гостиницах и общественном питании.

6. По данным Краснодарстата¹⁵⁶, среднемесячная заработная плата работников в Республике Адыгея с января по май 2023 года составила 42392 рубля, в мае она несколько повысилась и составила 45511 рублей. Сопоставима ли заработная плата труда иностранных граждан с заработком россиян, проживающих на территории Адыгеи (рис. 6)?

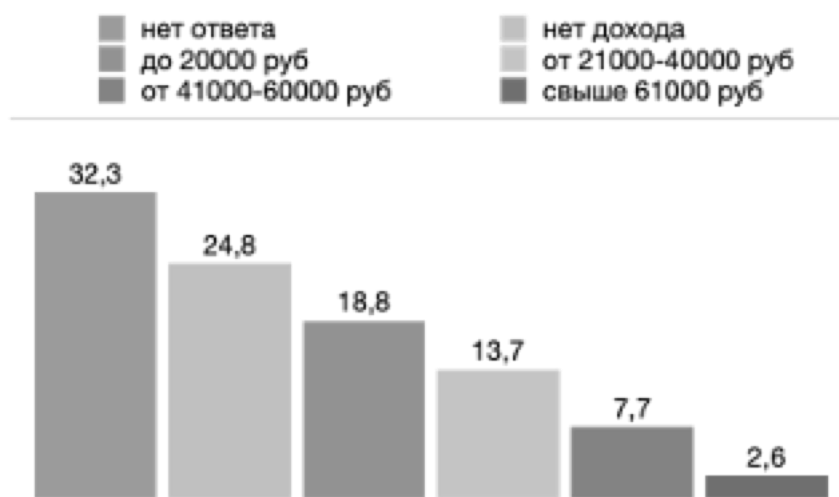

Рисунок 6. Среднемесячный доход мигрантов в Адыгее за последние 3 месяца, %

Со слов мигрантов, их заработная плата лишь у 13% равна или больше среднемесячной зарплаты работников Адыгеи. Данный вопрос в анкете был необязательным, и третья часть респондентов (32,3%) ответа на него не дали, 24,8% опрошенных мигрантов отметили, что дохода у них нет. 18,8% - строят

¹⁵⁶ О среднемесячной заработной плате работников в Республике Адыгея за май 2023 /Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея. URL: <https://23.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 16.08.2024).

свой бюджет исходя из заработной платы до 20000 рублей, 13,7% - получают зарплату в диапазоне от 21000 до 40000 рублей. В республике значительная часть работников бюджетной сферы получают заработную плату в размере МРОТ (на 1 января 2023 года) - 16242 рубля, а это значит, что большая часть работающих мигрантов получают заработную плату больше многих россиян, что не может не сказываться на отношении жителей республики к мигрантам. Таким образом, на почве возможного конфликта экономических интересов между мигрантами и местными жителями проявляется конкуренция за ограниченные ресурсы: рабочие места, заработную плату и т.д. Местному населению очевидно, что увеличение количества низкоквалифицированной рабочей силы - мигрантов - снижает спрос на подобный труд и уменьшает размер потенциальной заработной платы, которую работодатели могли бы предложить местным жителям. Каждый четвертый мигрант Адыгеи не имеет дохода, что свидетельствует о наличии экономических вызовов на этапе переселения мигрантов в Адыгею.

Таким образом, данные авторского социологического исследования показывают, что среди мигрантов в Адыгее доминируют установки на долгосрочную социальную и экономическую интеграцию, а также образовательную и профессиональную реализацию. Вместе с тем сохраняется значимая доля мигрантов, ориентированных на временную занятость и поддержание связей с родиной, что формирует сложную структуру миграционных установок и ожиданий. Высокий уровень образования мигрантов подтверждает, что миграция является осознанным процессом, связана с целенаправленным поиском лучших возможностей и требует от мигрантов активного использования и конвертации своих капиталов в новом социокультурном пространстве региона.

Значительная часть мигрантов сохраняют прочные социальные, культурные и эмоциональные связи с обществом исхода. Это естественный этап, который может затягиваться и на последующие стадии — переселения и

даже интеграции, если не формируется новая идентичность и не расширяются связи с принимающим обществом.

В целом, мигранты в Адыгее сталкиваются с типичными для этапа переселения экономическими и социальными вызовами, связанными с недостаточной поддержкой на уровне политики, барьерами признания квалификаций и языковыми трудностями.

Третья стадия миграции - интеграция, встраивание в принимающее общество, будет рассмотрена в следующем параграфе.

Таким образом, миграция как перемещение из одного места организации повседневной жизнедеятельности в другое, заключающее в себе физический и ментальный «уход из дома», всегда в большей или меньшей степени выбивает мигранта из колеи. Мигрируя, человек не может оставаться в точности тем же самым, кем он был раньше, не может удерживать в неприкосновенном виде свою прежнюю идентичность. Он должен обрести новую идентичность, адекватную тому более широкому диапазону деятельного участия, в который он переходит, но и с его партнерами по взаимодействию дело обстоит так же (хотя в случае их численного перевеса это может быть менее заметным). Сама интеракционная конфигурация, в которой они оказываются, ставит под удар их идентичности и побуждает - в разной степени, конечно, - к их реконструкции, адекватной новой жизненной ситуации. Участникам новообразующихся интеракционных конфигураций приходится собирать заново смысловой порядок и собирать в нем заново свой внутренний мир. И это приходится делать в новых условиях и обстоятельствах, с приложением дополнительных усилий, отказываясь от сложившихся автоматизмов.

Анализ, представленный в данном разделе, позволил нам выявить наличие противоречия между объективной необходимостью интеграции мигрантов и реальным состоянием социокультурной инфраструктуры региона. Определяющим вызовом выступает культурная дистанция между мигрантами и принимающим сообществом, что проявляется в различии ценностей, норм поведения, религиозных установок и языковых барьерах.

Мигранты, приехавшие в Россию (и в частности, в Республику Адыгея), оказывают позитивное влияние на экономико-демографические показатели указанных территорий, однако их интеграция осложняется отсутствием эффективных программ поддержки и недостаточной вовлеченностью в социокультурную жизнь региона. Гендерный аспект миграции также требует отдельного внимания: мужчины и женщины - мигранты - сталкиваются с разными трудностями, что обуславливает необходимость дифференцированных интеграционных стратегий. В результате, при отсутствии целенаправленной политики интеграции, формируются этнокультурные анклав, усиливается маргинализация мигрантов и возникает риск роста социальной напряженности.

2.2. Анализ социальных полей и габитуса в процессе интеграции мигрантов Республики Адыгея¹⁵⁷

Миграция, представляя собой сложное социокультурное явление, в последнее время характеризуется увеличением различных форм передвижений людей, начиная от долгосрочных - постоянное место жительства, и заканчивая краткосрочными - работа в другом населенном пункте или стране, возвратная миграция. Временные контакты принимающего населения и приезжих мигрантов, которые все еще не разорвали связей с обществом исхода и идентифицируют себя в большей степени именно с ним, как и взаимодействие с местным населением тех мигрантов, которые прибыли в регион на постоянное место жительства и мотивированы на скорейшую интеграцию в принимающее сообщество, характеризуются определенными социокультурными рисками. Это связано с тем, что успешная интеграция мигрантов в новый для них социум зависит от ряда факторов, среди которых считаем возможным выделить готовность местного населения принимать

¹⁵⁷ В разделе использованы публикации автора: Чистякова О.А. Религия как фактор вхождения мигранта в принимающее сообщество //Позитивный потенциал ислама как фактор этносоциальной консолидации России : материалы международной научно-практической конференции, Майкоп, 2019. С. 222-225.

представителей иной культуры и вероисповедания и желание мигрантов принять господствующие в принимающем сообществе нормы и правила, стать «своим» в этом обществе.

Преобладающая часть научных исследований миграции строится вокруг концепции интеграции, позволяющей изучать процессы встраивания мигрантов в принимающее сообщество. Наше исследование выстроено в этой же канве, мы соглашаемся с Р. Парком, утверждавшим, что миграция вводит в соприкосновение и перемешивает ранее обособленные друг от друга народы, расы, культуры, жизненные практики, предопределяя нивелирование традиционных способов организации жизнедеятельности социума и появление той «рациональной организации, которую мы именуем цивилизацией»¹⁵⁸ и которая предъявляет человечеству требования комфортного сосуществования с целью дальнейшего успешного развития общества. Организация жизни на новом месте всегда сопровождается стрессом, в связи с чем процесс интеграции мигрантов протекает достаточно болезненно.

Трудности социокультурного характера существенно осложняют интеграцию мигрантов: значительная часть мигрантов знают русский язык на низком уровне или не владеют вовсе и плохо знают культуру принимающего сообщества, а учитывая поликультурную специфику социокультурного пространства Адыгеи, ситуация еще более усложняется. Мигранты недостаточно обладают информацией о социально-политических реалиях нашей страны, и у них формируются потребительские модели поведения по отношению к принимающей стране, чаще обычного мигранты в принимающем регионе видят источник для улучшения своего экономического положения при сохранении своей этнокультурной самобытности, а не

¹⁵⁸ Парк Р.Э. Человеческая миграция и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1998. № 3. С. 167–176 (полн. ориг. текст см.: Park R. E. Human Migration and the Marginal Man // American Journal of Sociology. 1928. Vol. XXXIII. No. 6. P. 881–893).

рассматривают возможности своего активного участия в развитии принимающего общества совместно с местными жителями.

Считаем важным отметить тот факт, что мигранты в той или иной степени включаются в жизнь принимающего сообщества с момента въезда на территорию нового для них государства. В качестве ресурса интеграции мы склонны рассматривать социальные сети мигрантов - диаспоры, которые могут оказывать влияние на формирование установок на интеграцию в принимающее сообщество. Однако считаем важным отметить и тот факт, что сетевые землячества могут оказывать и антиинтеграционное воздействие, под которым мы понимаем обман мигрантов, недостаточно владеющих языком принимающего общества, при трудоустройстве на низкооплачиваемый (или недоплачиваемый вовсе) труд. Общение с земляками на родном для мигранта языке препятствует изучению языка принимающей стороны, соблюдение традиций и обычаев страны исхода с земляками замедляет процессы включения мигранта в поликультурное пространство принимающего общества.

Традиционно мигранты представляют собой одну из наименее защищенных социальных групп, что обуславливает стремление у представителей данной группы к консолидации. Это обусловлено неготовностью местных жителей региона к принятию мигрантов. Принимающее население нуждается в просвещении относительно социальной значимости присутствия мигрантов в регионе, в элементарных знаниях относительно традиций, повседневных практик и коммуникативных моделей мигрантов, прибывающих из других стран.

В точках контакта разных культур, постоянно создаваемых и умножаемых миграциями, рождается новый тип личности, а именно - культурный гибрид, человек, живущий и заинтересованно участвующий в культурной жизни и традициях разных народов, не желающий полностью порвать, даже если бы ему это было позволено, со своим прошлым и своими традициями и не вполне принятый, в силу расовых предрассудков, в то новое

общество, в котором он теперь пытается найти себе место; это человек, находящийся на границе нескольких культур обществ, которые никогда не взаимопроникали и не смешивались полностью. Тем не менее, успешность социокультурной интеграции в значительной степени зависит от уровня сходства/отличия культуры мигранта и принимающего сообщества, а также от индивидуально-психологических особенностей мигранта и его миграционных практик: если речь идет о возвратной миграции, то культура общества исхода будет бережно оберегаться мигрантом и интеграция будет происходить замедленно, а подчас и болезненно. Если же мигрант прибыл в страну с целью постоянного жительства, то его мотивация к скорейшей интеграции в принимающее сообщество позволит ему преодолеть возможные возникающие трудности.

По приезду в новую страну мигрант погружается в состояние стресса, что может затруднить процесс интеграции мигранта. Стресс может быть спровоцирован такими причинами, как:

- информационный шум: большой объем информации о культурных особенностях, правовых аспектах, услугах и ресурсах, доступных для мигрантов;
- языковой барьер, новые коммуникации и социокультурные взаимодействия приводят к эмоциональному перегрузу;
- необходимость бытовой адаптации: культура питания, отличающаяся от привычной для него, новые виды продуктов питания, новая валюта, иные принципы формирования бюджета.

Особенность социокультурной ситуации развития мигранта заключается в том, что, оказавшись в другой стране, он вынужден усваивать новые культурные образцы для успешного функционирования в качестве члена принимающего сообщества. Сложившиеся образцы и схемы поведения не всегда применимы в новой среде, поэтому требуются время и определенные усилия по преодолению барьеров и вхождению в новую социокультурную среду.

Теория Пьера Бурдьё¹⁵⁹, рассмотренная нами на страницах параграфа 1.2, о социальных полях и габитусе выступает методологическим фундаментом для анализа третьей стадии (методологический конструкт о трех стадиях миграции¹⁶⁰) миграции – интеграции, в которой социокультурные аспекты становятся ключевыми. Базовая идея концепции Бурдьё, строящаяся вокруг динамики социокультурных взаимодействий, – конкуренция за капиталы в социальных полях. Капиталы Бурдьё понимает специфически – это и деньги/собственность, и социальные связи / социальные сети, и знания/образование, и престиж/авторитет.

Для понимания того, в какое социальное поле попадают мигранты в ходе социокультурной интеграции и какие нормативы, регулирующие жизнедеятельность населения региона, предстоит им усвоить, считаем целесообразным рассмотреть образовательный и финансовый статус коренного населения, ожидания и требования коренного населения от приезда мигрантов в регион. Следует отметить, что значимую роль в оценке такого явления, как миграция, играют уровень образования респондентов - коренных жителей и их финансовое положение, место на рынке труда, а не наличие/отсутствие реальной конкуренции на региональном рынке труда. Местные жители Адыгеи, принявшие участие в опросе, распределились по уровню образования следующим образом: высшее образование - 43,6%, среднее профессиональное образование - 13,6%, общее среднее образование - 4,5%. Это значит, что степень их образованности позволяет местным жителям объективно оценить потребность региона в мигрантах, чего по результатам опроса мы не наблюдаем.

Готовность к миграции у местных жителей Адыгеи невысока (таблица 6): 84,4% респондентов не готовы покинуть Адыгею (сумма ответов: «это моя родина, живу здесь всю жизнь, люблю эти места», «все нравится, устраивают

¹⁵⁹ Бурдьё П. Некоторые свойства полей // Социология социального пространства / Пер. с фр. Н.А. Шматко. Москва : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 2007.

¹⁶⁰ Рыбаковский Л.Л. История и теория миграции населения. Кн. 3: Теория трех стадий. М., 2007. 240 с.; Заславская Т.И. Миграция сельского населения. Новосибирск, 1966. 232 с.

условия жизни, налажен быт», «нет, везде одинаково»). Однако незначительная часть респондентов готовы уехать из Адыгеи в связи с неподходящим для них климатом - 2,5%, в поисках работы - 5,3%. Определенный интерес представляют такие ответы респондентов, как: *«Люблю свою родину, но заработные платы оставляют желать лучшего», «Нет, но хотел бы увеличение зарплат в государственных учреждениях», «Никогда, это родина моя. Хотелось бы, чтоб богаче, краше стало. Дай Аллах, чтоб наш язык не исчез. Адыгабзэ(ти нэдэльфыбзэ)».*

Таблица 6

Готовность жителей Адыгеи сменить место жительства и стать мигрантом, %

Все нравится, устраивают условия жизни, налажен быт	Да, в поисках работы	Нет, везде одинаково	Хочу переехать туда, где лучше климат	Хочу переехать туда, где условия жизни, больше заботы о людях	Это моя родина, живу здесь всю жизнь, люблю эти места
13,2	5,3	8,6	2,5	5,8	62,6

Значительная часть опрошенных жителей Адыгеи не готовы изменить место жительства, невзирая на низкий уровень дохода и неудовлетворенность амбиций карьерного роста. Этот факт свидетельствует о высокой степени территориальной и социальной закреплённости, а также о предпочтении стабильности и привычного социокультурного окружения даже в условиях ограниченных возможностей для самореализации. Данная установка на оседлость может выступать одним из факторов формирования настороженного или даже негативного отношения к мигрантам, воспринимаемым как носителей иных ценностей и конкурентов за ограниченные ресурсы. Отсутствие миграционной мобильности у местного населения зачастую сочетается с низким уровнем толерантности и готовности к межкультурному взаимодействию, что усложняет процессы интеграции внешних мигрантов в поликультурную среду региона.

Отношение к мигрантам у населения строится, прежде всего, на субъективных представлениях о текущей ситуации на рынке труда, материальном положении. Уровень материального достатка жители Адыгеи, принявшие участие в опросе, оценивают следующим образом (рис. 7): у преобладающей части респондентов уровень средний, на жизнь хватает (76,1%).

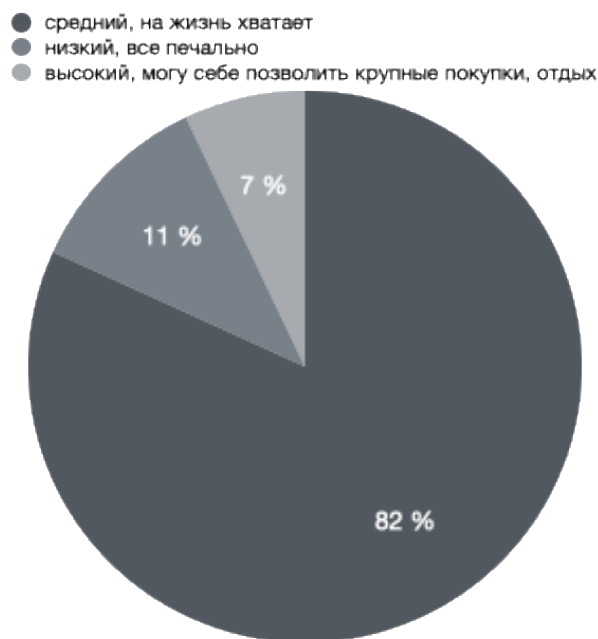

Рисунок 7. Оценка уровня материального достатка жителями Адыгеи, %

Анализ данных рисунка 7 свидетельствует о том, что большинство респондентов характеризуют свой уровень материального достатка как средний, отмечая, что им хватает средств на повседневные нужды (76,1%). Данный факт указывает на относительную экономическую стабильность основной массы населения региона, несмотря на наличие определённых ограничений в реализации личных и профессиональных амбиций. В то же время субъективные оценки материального положения оказывают значительное влияние на формирование отношения к мигрантам. При восприятии мигрантов как конкурентов на рынке труда и в сфере доступа к социальным благам даже средний уровень материального достатка может

способствовать возникновению настороженности и социальной дистанции по отношению к приезжим.

Респонденты дали также такие характеристики своего материального достатка: *«могло бы быть и лучше», «после института работаю от звонка до звонка, за 42 года не смогла заработать достойную пенсию. О чем можно говорить дальше. Это наше воспитание не позволяет изменить Родине», «я студент... 3000 стипендия».* Подобное отношение к своему материальному благосостоянию препятствует приобретению знаний о реальном влиянии миграции на занятость, уровень оплаты труда или социальных расходов.

Мигранты Адыгеи включены в борьбу за ресурсы в таких социальных полях, как:

1. Экономическое поле: значимым финансовым ресурсом жизни родственников в стране исхода являются денежные переводы мигрантов. В 2020 году переводы мигрантов из России составили около 11 млрд долларов, а в 2023 году - более 18 млрд долларов¹⁶¹. Однако мигранты, проживающие в Адыгее, дали совершенно иные ответы на вопрос о денежной сумме, которую они отправляют родственникам на родину (таблица 7).

Таблица 7

Размер денежного перевода, отправляемого мигрантами родственникам на родину, %

Не отправляю	Нет ответа	От 10000 до 30000 рублей	Половину доходов	100000 рублей
72	15,3	6,8	4,2	1,7

¹⁶¹ Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы: [монография] / В. И. Мукомель, К. С. Григорьева, Г. А. Монусова [и др.] ; отв. ред. В. И. Мукомель, К. С. Григорьева ; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. 400 с. С. 316; Мигранты поставили рекорд по объему переводов на родину // Российская газета. 2023. URL: https://rggr.ru/novosti/migranty_postavili_rekord_po_obemu_perevodov_na_rodinu.html (дата обращения: 25.03.2025).

Невзирая на то, что возможность улучшения материального положения служит основным мотивом миграции, 72% мигрантов, проживающих в Адыгее, обозначили тот факт, что деньги на родину для родственников не переводят. 15,3% опрошенных отказались дать ответ на этот вопрос. Сумму в диапазоне от 10 до 30 тысяч рублей ежемесячно переводят 6,8% принявших участие в опросе, 4,2% - переводят половину доходов, 1,7% - указали сумму в 100000 рублей. Очевидно, что интенсивность и величина денежных переводов в страну исхода обусловлены материальными возможностями, которые у мигрантов, проживающих в Адыгее, не велики (рис. 7). Также важным является тот факт, что лишь у 11% опрошенных мигрантов Адыгеи в стране исхода остались супруги и дети. Мигранты Приморского края в 92 случаях из 100 помогают своим родственникам из Китая деньгами, лишь 5,8% китайских респондентов отметили, что никому не помогают, так как нет необходимости.

В ходе авторского исследования (2.1.) мы выяснили, что основным мотивом миграции выступает поиск работы и карьерный рост, но при этом около 50% респондентов столкнулись с проблемой непризнания их квалификации, что в рамках теории Бурдье может быть рассмотрено как символическое насилие принимающего сообщества, препятствующее конвертации культурного капитала в экономический. Под культурным капиталом мы понимаем профессиональные навыки, подтвержденные соответствующим уровнем образования.

2. Культурное поле: успешность интеграции мигрантов в принимающее сообщество в немалой степени зависит от владения государственным языком, в России это русский. Проживание в недалёком прошлом в одном государстве, а также наличие многочисленных политических, культурных, родственных, дружеских связей с Россией способствуют сохранению русского языка на территории стран СНГ. Однако уровень владения русским языком неодинаков: лишь 1,7% респондентов

отметили, что русский - это их родной язык, 74,6% - считают, что говорят на русском хорошо, 20,3% - отмечают низкий уровень знания русского языка, «говорю с трудом», отмечают они. Незначительная часть мигрантов, проживающих в Адыгее (3,4%), не понимают и не говорят по-русски, что создает трудности в коммуникации и выступает барьером для успешной конкуренции.

Иная ситуация с владением русским языком сложилась у китайских мигрантов Приморья: исследователь отмечает¹⁶², что существенная часть мигрантов плохо знают язык, решение вопросов коммуникации за пределами профессиональной деятельности китайские мигранты делегируют российским коллегам и помощникам.

Языковой барьер и культурные различия с принимающим населением могут способствовать дистанцированию мигрантов, есть риск замкнутости их сообществ, что негативно может сказаться и на эффективности их интеграции, и на уровне напряженности в регионе.

Определенным индикатором успешной интеграции мигранта в принимающее сообщество является и отношение к образованию женщин, ведь с повышением уровня образования уменьшается степень крайне консервативных установок. Следует отметить, что 74,6% респондентов считают, что высшее образование нужно в равной степени и мужчинам, и женщинам; 19,5% убеждены, что высшее образование больше нужно мужчинам, и в этом также в большей степени уверены мужчины - 83% из выбравших данный вариант ответа (таблица 8).

Таблица 8

Кому в большей степени нужно высшее образование: мужчинам или женщинам, %

¹⁶² Амирханян А.Г. Стратегии интеграции трудовых мигрантов в Приморском крае (на примере выходцев из Китая): дис. ... канд.социол.наук: 22.00.04. Санкт-Петербургский государственный университет. СПб, 2020. 294 с.

В равной степени и мужчинам, и женщинам	Женщинам	Мужчинам
74,6	5,9	19,5

Равенство в образовании для мужчин и женщин, признаваемое мигрантами из стран Центральной Азии, демонстрирует адаптацию к нормам принимающего сообщества и их принятие.

3. Социальное поле: степень владения языком принимающего сообщества обратно пропорциональна негативному отношению местных жителей. Респонденты-мигранты отмечают, что в основном (45%) не сталкиваются с проблемами при общении с местными жителями - «не было ни одной проблемной ситуации», у 28,8% - проблем практически не возникает. В целом, мигранты позитивно характеризуют свои взаимоотношения с местными жителями: у 54,7% есть много друзей среди местных, 53,8% респондентов-мигрантов общаются с местными жителями в общественных местах. Лишь 6% респондентов дали такую характеристику взаимоотношениям с местным населением, как дискомфорт, неловкость, а 2,6% - претерпевают конфликты и оскорбления. Лишь небольшая часть мигрантов характеризуют жителей Адыгеи (рис. 8) такими эпитетами, как злой, равнодушный, агрессивный, хитрый. Преобладают такие характеристики, как: гостеприимный, доброжелательный, уважающий культуру и традиции, ведущий здоровый образ жизни. Китайским мигрантам не так комфортно в Приморском крае, как мигрантам Адыгеи: третья часть респондентов испытывали различные формы дискриминации по отношению к себе: 26,3% - ощущают негативное отношение со стороны местных жителей; 13,4% - считают, что местная полиция беспокоит их по неизвестным им причинам; 20,67% - получали отказ в съеме жилья по причине их национальности; 25,13% - оказывались в ситуации, когда из-за их национальности на них пытались напасть.

Рисунок 8. Характеристики жителей Адыгеи, данные мигрантами, %

В Республике Адыгея, согласно результатам исследования, преобладают позитивные характеристики принимающего сообщества: большинство респондентов отмечают гостеприимство, доброжелательность, уважение к культуре и традициям, а также ориентацию на здоровый образ жизни. Эти качества способствуют формированию благоприятной среды для интеграции мигрантов и снижают вероятность возникновения межкультурных конфликтов.

В то же время сложившаяся ситуация с вхождением в социальное поле мигрантов Адыгеи отражает дуальность интеграционных стратегий – интеграция в новое принимающее сообщество при сохранении связей с социумом исхода.

Значительное внимание Бурдые уделяет габитусу – диспозициям, усвоенным индивидом в ходе социализации. В отношении мигрантов Адыгеи мы фиксируем рассогласование между диспозициями, усвоенными ранее, на родине, и новыми правилами общежития, в которые мигранты погрузились в принимающем сообществе. В первую очередь это отражается на гендерных установках мигрантов, значимая часть которых в качестве главы семьи

рассматривают мужчину: мигранты не отрицают возможность женщины реализоваться в сфере труда, но отмечают, что главой семьи все равно остается мужчина (35,9%), 24,8% - отмечают равенство в семейной сфере и мужчины, и женщины, так как они оба работают, 24,8% - настроены более либерально, они убеждены в том, что женщина может зарабатывать больше своего мужа, занимать руководящую должность, причем в равной степени это позиция и мужчин, и женщин. Лишь 17% опрошенных отметили, что дело женщины - это семья и дети, и в этом убеждены 88% мужчин, выбравших данный вариант ответа, и всего 12% женщин. Мы видим, что каждый четвертый респондент принимает либеральные нормы общежития, получившие широкое распространение на территории современной России, в частности речь идет об эгалитарном устройстве семьи.

Во-вторых, диссонанс между габитусом и нормами принимающего сообщества проявляется в семейных практиках: мигрант, выехавший из своей родной страны, сохраняет тесные связи с родственниками, друзьями и знакомыми, оставшимися на родине. Данная связь у разных людей проявляется по-разному и длится разное время. Учитывая, что мигранты чаще всего приезжают в Россию из обществ, тяготеющих к традиционализму, а участие члена такого общества в семейных торжествах по случаю свадьбы, рождения детей, юбилеев и похорон может указывать на прочность связей с обществом исхода, мы и задали такой вопрос респондентам, на который 50,4% из них ответили утвердительно - да, выезжают; 24,8% - отметили свое желание выезжать на подобные мероприятия, но отсутствие финансовой возможности препятствует реализации этого желания; 21,4% - не выезжают, а 4,3% - не выезжают, так как хотят разорвать связи со страной, в которой появились на свет. Китайские мигранты из Приморья в 44,2% случаев также экономят на поездках домой, в том числе и на значимый для них праздник - китайский Новый год. Выезжая в свою родную страну для участия в ритуальных практиках (свадьбы, похороны), мигранты демонстрируют сохранение традиционного габитуса.

Отсутствие возможности, в том числе финансовой (24,8%), у почти половины мигрантов выезжать, пересекая границу, к своим родственникам, сложности с оформлением документов, беспокойство потерять работу, подменили личное общение опосредованным (средствами связи). 65,3% респондентов общаются со своими близкими по телефону/Интернету каждый день, 26,3% - несколько раз в неделю, лишь 5,9% - выходят на связь с родственниками несколько раз в месяц, а 2,2% - выбрали вариант ответа «редко общаюсь». Тесная взаимосвязь мигрантов с представителями страны исхода, проживающими в России, прослеживается в ответах на вопрос: «Вы общаетесь с представителями своей страны, проживающими в России?» (таблица 9).

Таблица 9

Общение с представителями страны исхода, проживающими в России,
%

Да, чаще по телефону, они помогают мне в решении проблем	Да, это мои друзья	Нет, я общаюсь с друзьями-россиянами	Нет
32,3	48,9	17,1	1,7

Лишь 1,7% - не общаются со своими земляками, живущими на территории нашей страны; 17,1% - выстраивают коммуникацию с друзьями-россиянами. Практически для половины респондентов (48,9%) представители их родной страны, живущие в России, - это их друзья, с которыми они общаются; 32,3% - общаются по телефону, получают помощь в решении трудностей. Китайские мигранты приморья также фиксируют наличие социально-сетевых связей с соотечественниками, находящимися в России: около половины респондентов получали поддержку от соотечественников на первых порах жизни на новом месте, немногим меньше половины респондентов сами оказывали такую поддержку. Следует отметить тот факт, что мигранты из Приморского края (1 респондент указал на наличие друга –

местного жителя) дистанцируются от местных жителей в большей степени, чем мигранты Адыгеи (17,1% - отметили наличие друзей-россиян). Финансовые ограничения замещают личное общение мигрантов с близкими для них людьми опосредованными формами. А общение мигрантов с соотечественниками может как оказывать помощь в адаптации, так и тормозить интеграцию в принимающее сообщество, усиливая изоляцию от русского языка и необходимости усвоения норм принимающего сообщества.

Изменяя место своего проживания, люди стремятся воспроизвести ту социокультурную среду, в условиях которой они жили до переезда. Значимую помощь в этом им оказывает религия, которая не имеет территориальных ограничений и не несет этнической специфики. Современная актуализация религиозных идентичностей и мотиваций, восстановление религии как регулятора социальных взаимоотношений, рост ее политического влияния являются общемировыми трендами¹⁶³. И в этом смысле Адыгея с ее конфессиональным многообразием представляется для многих мигрантов привлекательным субъектом РФ. Ислам, христианство и другие религиозные практики, успешно уживаясь на территории республики, предлагают мигрантам, исповедующим различные вероисповедания, возможность окунуться в среду единоверцев, что в значительной степени может способствовать успешной их интеграции в принимающее сообщество.

Важное значение Бурдье в своей теории социальных полей уделяет символическому насилию, которое выражается в предъявлении к мигрантам требований принимающим сообществом. Доминирование коренных жителей региона проявляется через:

¹⁶³ Каргина И.Г. Религия и конфликт: современные доминанты предметного поля социологического анализа // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. Материалы V Всероссийского социологического конгресса. М.: Российское общество социологов, 2016. С. 4814-4825; Мчедлова М.М. Социокультурные смыслы политики: новая логика интерпретации и религиозные референции // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 157-174.

- нормативное давление: глобализационные процессы, значительно затронувшие трансформацию культурных норм большинства стран мира, все же полностью не либерализовали ценности отдельных стран, которые пока еще остаются патриархальными. Поэтому для мигрантов, прибывших из традиционных обществ (а таких, по результатам нашего опроса, большинство) в Адыгею, которая характеризуется приматом традиционных ценностей над либеральными, интеграционные процессы в принимающее сообщество протекают более безболезненно, как для самих мигрантов, так и для местного населения. По мнению жителей Адыгеи, мигранты не должны следовать традициям и обычаям принимающего сообщества, но знать и уважать их обязаны - 62,6%; позиция 26% опрошенных однозначна - мигранты должны следовать традициям и обычаям принимающего сообщества; 10,7% ответили так: «не должны мигранты следовать традициям и обычаям принимающего сообщества, так как у них есть свои». При этом лишь 5,3% опрошенных жителей Адыгеи знают культуру мигрантов хорошо; 12,3% - не интересовались культурой мигрантов и вообще в ней не разбираются. То есть мы наблюдаем разрыв в том, что принимающее сообщество предъявляет требования к мигрантам в вопросе знания и уважение традиций и обычаев принимающего сообщества, но при этом культурой мигрантов преобладающая часть местных жителей не интересуется;

- экономические предубеждения: по данным Всероссийского центра общественного мнения (ВЦИОМ)¹⁶⁴, значимая часть россиян негативно относятся к наличию трудовых мигрантов в нашей стране: для 41% опрошенных в 2021 году и 40% респондентов в 2023 году позитивные эффекты для российской экономики не очевидны, позитивно относятся к наличию трудовых мигрантов 47% и 28% соответственно. В связи с этим возникает

¹⁶⁴ Трудовые иммигранты в России: вклад, положение, отношение /ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trudovye-immigranty-v-rossii-vklad-polozhenie-otnoshenie>; Иммигранты в России: за и против /ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigranty-v-rossii-za-i-protiv> (дата обращения: 18.10.2023).

вопрос о том, какие же риски в социокультурном плане несет в себе взаимодействие мигрантов и регионального принимающего сообщества? Как относятся жители такого российского региона, как Адыгея, к миграции: как к проблеме, имеющей разные аспекты, как плюсы, так и минусы, или как к позитивному явлению, призванному решать демографические трудности, связанные со снижением численности населения региона и уменьшением количества трудоспособных жителей. 31,3% опрошенных жителей Адыгеи на этот вопрос дали однозначный ответ - «да, это рабочая сила, которой нам не хватает», 62,5% - убеждены в том, что мигранты занимают рабочие места, которых и местным жителям не хватает. Полученные результаты позволяют говорить о том, что жители Адыгеи относятся к внешним мигрантам как к конкурентам за ограниченные ресурсы;

- социальную дистанцию: близость ценностей принимающего сообщества мигрантами способствует принятию решения о том, кто остается, а кто уезжает из страны. Желание вступить в брак в России с представителем своего государства или с россиянином/россиянкой свидетельствует о долгосрочной миграционной стратегии мигранта, а наличие семьи в направляющем обществе или желание вернуться на родину для вступления в брак подчеркивают планы по краткосрочному пребыванию мигранта в стране. Третья часть опрошенных мигрантов Адыгеи состоят в браке с представителем родной страны (34%), 30% респондентов планируют вернуться для вступления в брак в страну исхода. 9% - рассматривают возможность вступления в брак в России с представителем родной страны, 13% - мечтают о браке с россиянином/россиянкой. У 23% опрошенных нет в планах заключения брака в ближайшей перспективе, 7,7% - отказались дать ответ. Российское общество, частично либеральное, частично патриархальное, в отношении гендерных установок ратует за равноправие, как в семье, так и на

работе¹⁶⁵: 72% состоящих в браке / проживающих вместе / встречающихся принимают все решения совместно, 16% - убеждены, что главой семьи должен быть мужчина. Материальное обеспечение россиянами в большинстве случаев осуществляется совместно (61%), мужчины считают, что женщина должна вносить в общий бюджет его третью часть (32%).

Россияне также осторожно относятся к возможному браку их детей с мигрантом-иностранцем: 63,5% - не одобрили бы такой брак; 24,6% - благосклонно отнеслись бы к подобному выбору супруга своим ребенком. Мигранты Приморского края не так однозначны в ответе на подобный вопрос: «На вопрос об их отношении к возможному браку сына или дочери с гражданином России 24,04% респондентов ответили, что одобрили бы брак, 58,17% - сообщили, что не стали бы относиться к нему как к чему-то необычному, 17,79% - сообщили, что не одобрили бы брак»¹⁶⁶.

Местные жители Адыгеи, которые гордятся своим гостеприимством (мигранты также выделяют такое качество жителей принимающего сообщества (57%)), достаточно спокойно относятся к возможности соседства с мигрантами: 61,7% опрошенных отметили нейтральное отношение к такой возможности, 21% - хорошо относятся к этому, однако отмечают, что: *«Смотря как они себя ведут. Я не говорю, что все мигранты плохие. Адыги очень благородные и гостеприимные. И за это мы очень часто страдаем», «Нормально, если они не устраивают беспорядки», «Если адекватные мигранты - то хорошо, если хамы и нахалы - то плохо»*. 15,2% - не хотели бы стать соседями мигрантов, зафиксировано такое высказывание респондента: *«Их стало очень много. Фактически намного больше, чем официально. Ведут*

¹⁶⁵ Равенство в семье: от деклараций - к реальности? /ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ravenstvo-v-seme-ot-deklaraczij-k-realnosti> (дата обращения: 28.04.2023).

¹⁶⁶ Амирханян А.Г. Стратегии интеграции трудовых мигрантов в Приморском крае (на примере выходцев из Китая): дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Санкт-Петербургский государственный университет, СПб., 2020. 294 с.

себя по-хамски». Никаких особенных эмоций от общения с мигрантами, выходцами из другой страны, местные жители не испытывают: 12,8% опрошенных - никаких особенных, как и от общения с местными жителями Адыгеи; 7% - равнодушные; также получены такие ответы, как: «*смотря какие они испытывают эмоции по отношению ко мне*», «*радость от экзотики*».

Чаще обычного местные жители встречаются с мигрантами на улице (62,4%), в магазинах и на рынках (53,5%), в учебных заведениях (47,8%), в общественном транспорте (41,2%) (рис. 9). Зафиксированы и такие ответы, как: «*они везде*», «*я с ними живу*».

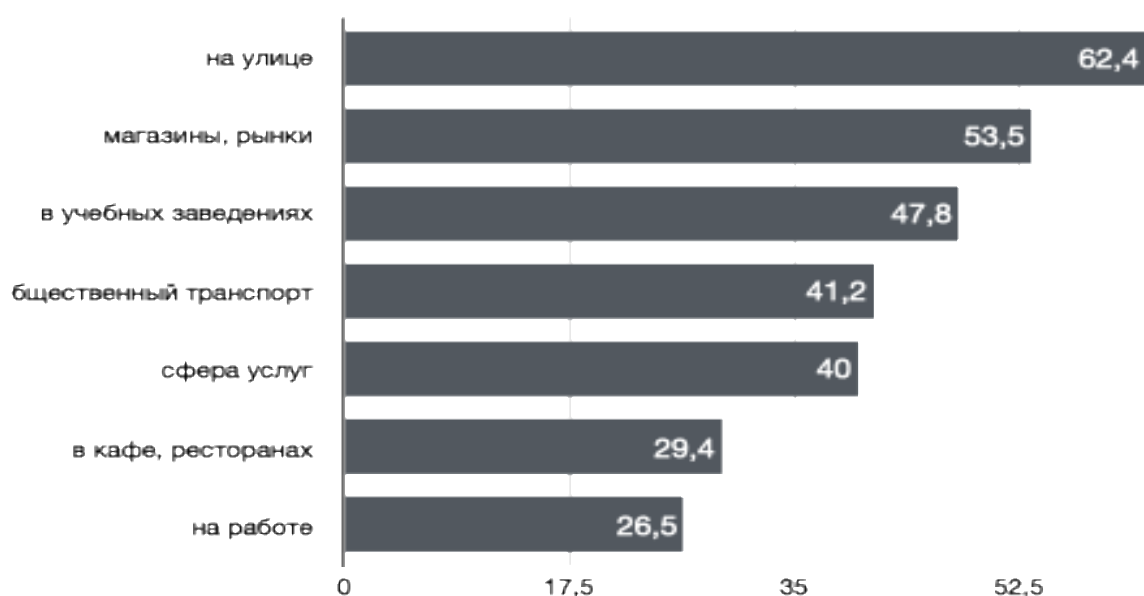

Рисунок 9. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Где Вы чаще всего встречаетесь с мигрантами, выходцами из другой страны (возможен выбор нескольких вариантов ответов)?», %¹⁶⁷

Анализ полученных данных свидетельствует о высокой степени повседневной включённости мигрантов в социальное пространство региона. Наиболее часто контакты между местными жителями и мигрантами происходят в публичных и открытых пространствах — на улицах, в магазинах, на рынках, а также в учебных заведениях и общественном транспорте. Это

¹⁶⁷ Респондентам предлагалось выбрать несколько вариантов ответов.

указывает на то, что мигранты становятся заметной частью городской среды и активно участвуют в различных сферах общественной жизни.

Формулировки ответов респондентов «они везде», «я с ними живу» отражают не только объективную частоту встреч, но и субъективное восприятие миграционного присутствия как повседневной реальности. Такая интеграция мигрантов в бытовые практики местного населения способствует формированию устойчивых представлений о мигрантах и влияет на характер межкультурного взаимодействия. Регулярные контакты, с одной стороны, могут способствовать развитию толерантности и взаимопонимания, с другой - при наличии социальных напряжённостей или конкуренции за ресурсы могут усиливать стереотипы и предубеждения.

Несоответствие габитуса тому новому для него социальному полю, в которое погружается мигрант в принимающем сообществе, порождает различные стратегии социокультурной интеграции: благодаря позитивной оценке большей частью мигрантов и принимающего сообщества степени взаимодействия с местными жителями 64% респондентов хотели бы стать «своим» в Адыгее, 36% опрошенных не рассматривают это в качестве личного приоритета. Совершенно иные предпочтения - у китайских мигрантов в Приморском крае, они избегают досуговых и иных (не связанных с трудовой деятельностью) контактов с жителями и культурой принимающего сообщества. Около 40% опрошенных китайских мигрантов хотели бы жить в Китае, а в Россию приезжать на заработки, пятая часть опрошенных хотели бы жить в России и стать ее гражданами, а 17,3% респондентов хотели бы больше никогда не приезжать в Россию. Таким образом, мигранты из Адыгеи в большей степени хотели бы интегрироваться в принимающее сообщество, нежели мигранты из Приморского края, предпочитающие трансмиграцию: жизнь - в Китае, а работа - в России.

Если человек считает, что его жизни ничто не угрожает, а успех в зависит в большей степени от него самого, если он испытывает доверие к

людям, которые окружают его в быту, на работе, в общественном транспорте, на улице, то все чужое и непонятное будет вызывать интерес, а не восприниматься как нечто, угрожающее его благополучию. Позитивный настрой опрошенных нами мигрантов (77%: сумма вариантов ответов «вполне удовлетворен (а)» и «скорее удовлетворен(а)») склоняет оценивать их самоощущение в принимающем сообществе как комфортное (рис. 10). 16% мигрантов испытали трудности при ответе на данный вопрос, что можно связать с непродолжительным сроком их пребывания в Адыгее, длящемся периодом адаптации, когда человек узнает все новое в его жизни и затрудняется расставить коннотации.

Рисунок 10. Ранжирование ответов респондентов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы своей жизнью?», %

Необходимым условием успешной интеграции внешних мигрантов в принимающее сообщество является лояльное и благожелательное к ним отношение местного населения. Степень неготовности местного населения принять мигрантов сигнализирует органам власти о тех проблемах, которыми обеспокоены члены принимающего сообщества.

Сторонники социокультурного подхода к анализу интеграции мигрантов в принимающее сообщество отмечают значимые корреляции между отношением к выходцам из других стран и широким набором личностных психологических характеристик, ценностных представлений, удовлетворённости жизнью. Указанные показатели позволяют охарактеризовать разные аспекты картины мира и мироощущения человека, то, как человек воспринимает окружающий его мир и как определяет свое место в нем. Анализ эмпирических данных позволил нам определить следующие проблемы:

1. Одной из предпосылок отношения к мигрантам как экономическим конкурентам являются предубеждения и недостаточная экономическая образованность представителей принимающего сообщества. Жители региона порой исходят из представления об ограниченности вакансий на рынке труда региона, а вследствие этого воспринимают их как конкурентов. Больше мигрантам - меньше своим. Но увеличение предложения труда на конкурентном рынке труда увеличивает и спрос на труд. Таким образом, даже положительное влияние миграции на экономику в целом может восприниматься как негативное и как угроза индивидуальной экономической безопасности.

2. Отношение жителей Адыгеи к мигрантам-иностранцам ассоциируется с такими субъективными оценками, как уровень межличностного доверия, социальные страхи. Неуверенность и неблагополучие усиливают антимигрантские настроения.

3. Социокультурные противоречия влияют на восприятие мигрантов достаточно сильно. Нежелание знакомиться с культурой мигрантов, но требования выполнять и соблюдать традиции и обычаи принимающего сообщества - вот основная движущая сила предубеждений местного населения в формировании позитивного отношения к мигрантам. Если человек не хочет видеть рядом с собой инокультурного соседа, то он может приписать ему все « пороки человечества ».

Проведенное автором исследование позволяет сделать следующие выводы:

- преобладающее большинство мигрантов Адыгеи хотели бы стать «своими» в принимающем сообществе, в связи с чем готовы к интеграции в поликультурное пространство республики. У них есть друзья-россияне, в характеристиках местных жителей преобладают позитивные и благожелательные. Образование преобладающей части мигрантов, приехавших в Адыгею, указывает на их значительный интеграционный потенциал. Доходы мигрантов относительно невысоки, но дружелюбная, гостеприимная атмосфера республики привлекает переселенцев из других стран. Взгляды мигрантов на гендерное равенство (образование женщин, возможность работать, занимать руководящую должность) в большинстве случаев созвучны взглядам россиян;

- местные жители транслируют некоторое беспокойство и осторожность в восприятии мигрантов. Преобладающая часть респондентов убеждены в том, что мигранты конкурируют с ними за определенные социально-экономические ресурсы. Большая часть опрошенных не готовы к миграционным практикам и нелояльно относятся к тем людям, которые покинули свою родину в поисках лучшей доли. Жители Адыгеи убеждены в том, что мигранты должны знать и уважать традиции и ценности принимающего сообщества, но сами не интересуются принципами организации социального бытия мигрантов. Брак их детей с внешним мигрантом в большинстве случаев не одобряется местным населением, хотя к соседству с мигрантами жители Адыгеи относятся спокойно. Присутствие мигрантов в республике ощущается всеми респондентами отчетливо, встречаются местные жители с мигрантами повсюду.

Таким образом, в условиях быстро меняющихся социальных и политических реалий, усиливающейся турбулентности и нестабильности становится очевидным, что принимающее общество зачастую не готово к масштабным миграционным потокам. Отсутствие встречной интеграционной

стратегии, основанной на уважении к гражданской, этнической и религиозной идентичности мигрантов, препятствует формированию устойчивых межэтнических коммуникаций и гармоничных отношений, что в свою очередь ставит под угрозу укрепление общенациональной идентичности и стабильности российского общества. В результате усиливается восприятие мигрантов как угрозы для культурного ядра местного сообщества, что провоцирует ксенофобские и мигрантофобские настроения, снижает уровень социальной стабильности и мешает реализации потенциала миграции как ресурса развития. Для укрепления национальной идентичности требуется системная интеграционная политика, включающая социокультурные стратегии, направленные на успешное включение мигрантов в полиэтничное сообщество региона через двусторонний культурный диалог, воспитание толерантности у принимающего населения и обеспечение межэтнического согласия. Только в условиях уважения к государственным символам, ценностям и культурным традициям России, одновременно учитывая этнокультурные особенности мигрантов, возможно построение гармоничного, устойчивого поликультурного пространства, которое станет важным фундаментом общенациональной консолидации и развития.

2.3. Социокультурные стратегии интеграции мигрантов поликультурного российского региона

Включённость мигрантов в повседневные практики принимающего сообщества является маркером эффективного управления миграционными процессами на уровне государства и региона. Миграция, будучи неотъемлемым ресурсом компенсации демографических потерь нашей страны, оказывает влияние не только на развитие экономической сферы жизни российского общества, но и на изменение этнокультурного пространства ряда регионов Российской Федерации.

Республика Адыгея представляет собой один из ярких примеров поликультурного устройства региона в России, в котором исторически

сложилось многообразие этнических, языковых и религиозных ценностей и традиций. Разнообразие устойчивых практик межкультурного и межконфессионального взаимодействия в Адыгее создает особую социокультурную среду для интеграции мигрантов в принимающее сообщество.

В этническом плане Адыгея представляет собой многосоставную республику, на ее территории проживают представители более чем 100 этносов. По количеству представителей различных этносов¹⁶⁸, проживающих в регионе, на первом месте находятся русские (63,6%), титульный этнос - адыгейцы, являющиеся древнейшим народом Северо-Западного Кавказа, по численности занимают второе место (25,2%), на третьем месте - армяне (3,7%). Жители Адыгеи вносят значительный вклад в социокультурное развитие нашей страны через уникальные обычаи, ценности и традиции, а этноконфессиональное разнообразие населения республики способствует благоприятной интеграции мигрантов в принимающее сообщество. Народы Кавказа, и адыги в том числе, славятся своим дружелюбием, гостеприимством и уважением к своей культуре и традициям, что также способствует созданию позитивной социокультурной среды принимающего сообщества. Важной особенностью региона выступает мирное сосуществование на одной территории и взаимопонимание наиболее многочисленных этносов – адыгов и русских, что послужило основанием для формирования особого типа социокультурной системы, включающей в себя как элементы адыгского «хабзэ» (свод неписаных правил, норм и обычаев, регулирующих поведение общества), так и славянской культурной традиции. По данным социологических исследований¹⁶⁹, 65,3% жителей Адыгеи оценивают межнациональные отношения в Адыгее как стабильные, а 37,4% - отмечают

¹⁶⁸ Всероссийская перепись населения 2020: итоги : официальное издание / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Москва : Статистика России, 2022. 740 с.

¹⁶⁹ Варава Д. 65% респондентов считают межнациональные отношения в Адыгее стабильными /АиФ-Адыгея» №14. 06/04/2016. URL: https://adigea.aif.ru/society/archive/65_respondentov_schitayut_mezhnacionalnye_otnosheniya_v_adygee_stabilnymi (дата обращения: 15.01.2025).

наличие толерантных установок к представителям разных (отличных) этносов и конфессий. В регионе ведется целенаправленная деятельность по сохранению этнокультурного наследия, сохранению и развитию адыгского языка, популяризации символов и образов адыгской культуры. Председатель Комитета по делам национальностей, связям с соотечественниками и средствами массовой информации Аскер Шхалахов считает, что: «Устранение причин напряжённости в межэтнических отношениях во многом зависит от политики в сфере межэтнического взаимодействия, поэтому первостепенными становятся задачи поиска наиболее соответствующих местным условиям моделей гармонизации межэтнических отношений. В этой ситуации требуется поиск новых подходов в разработке национальной политики, что видится в укреплении его внутреннего единства и признании величайшей ценности культурных различий»¹⁷⁰.

Все более увеличивающееся влияние на социально-экономическую ситуацию в Адыгее оказывает миграция с разнообразием миграционных практик. Основной целью въезда, заявленной иностранными гражданами, является получение образования, трудовая деятельность и частные цели поездки. Миграционный прирост в Адыгее в современных условиях является одним из значимых источников роста численности населения, более того, в будущие периоды, в долгосрочной перспективе миграция будет оставаться одним из основных источников сохранения демографического потенциала региона, что актуализирует вопросы интеграции мигрантов в принимающее сообщество.

В Республике Адыгея реализуются различные модели социокультурной интеграции мигрантов, рассмотрим наиболее распространенные из них и укажем их специфику. Как и другие регионы нашей страны, Адыгея интеграцию мигрантов в принимающее сообщество строит на основе ассимиляционной модели. Хотя поликультурное пространство региона с ярко выраженными традициями терпимости к представителям иных этносов и

¹⁷⁰ Там же.

конфессий вносит свои коррективы в эту модель. Ассимиляционная модель предполагает постепенное принятие мигрантами русского языка, норм и ценностей принимающего сообщества с минимизацией их культурных отличий. В области языковой интеграции для мигрантов обязательно знание русского языка как основного средства коммуникации в республике, а для желающих реализуются курсы по базовым знаниям адыгейского языка с целью адаптации мигрантов к местному контексту. В области культурной политики действуют программы знакомства с историей, традициями и законами Российской Федерации и Адыгеи, акцент в этих программах сделан на формирование российской национальной идентичности, но с учетом специфики полиэтничного состава региона. В области социально-экономической интеграции мигранты активно вовлекаются в сельское хозяйство, строительство, туризм и сферу услуг. Региональные власти стремятся поддерживать баланс между социокультурной интеграцией мигрантов и сохранением культурного ландшафта республики. В отличие от крупных городов – Краснодар, Москвы и др., в Адыгее в меньшей степени представлены замкнутые диаспоры мигрантов, что способствует более быстрой их ассимиляции, смягченной толерантностью полиэтничного населения республики.

Следует признать, что в Адыгее представлены и элементы мультикультурной стратегии интеграции мигрантов, которая выражается не только в интеграции мигрантов в поликультурную среду принимающего сообщества, но и в сохранении их культурных особенностей в рамках общего правового и социокультурного поля региона.

Региональные власти и общественные организации Адыгеи признают этническое (адыги, русские, армяне, курды, татары и др.) разнообразие жителей региона, что выступает основанием для толерантного отношения к мигрантам. Проводятся фестивали культур (например, День республики, День славянской письменности, адыгские праздники), где мигрантам предлагается представлять свои традиции. Невзирая на обязательное изучение русского

языка, развитие и использование родных языков не подавляется. В республике изучается адыгейский язык, что косвенно формирует уважительное отношение к языковому разнообразию среди мигрантов. Общественные организации (например, Адыгэ Хасэ, национально-культурные автономии) выступают посредниками в выстраивании диалога между мигрантами и жителями региона, а миграционные центры предоставляют наравне с юридической помощью и культурно-адаптационные программы. В отличие от ассимиляционной модели, преобладающей на территории нашей страны, в Адыгее допускается сохранение некоторых традиционных практик, например, в питании, одежде. Среди адыгов в республике распространен ислам, но также представлены православие и другие религии, что способствует выстраиванию диалога между мигрантами-мусульманами и местным населением, в которое активно включены Духовное управление мусульман Адыгеи и Русская православная церковь.

Однако принимающее сообщество недостаточно лояльно по отношению к внешним мигрантам, которые часто не имеют опыта общежития в поликультурной среде, существенно отличающейся от страны исхода, не готовы усваивать существующие в принимающем сообществе нормы поведения, плохо владеют русским языком, в связи с чем возникает недопонимание между мигрантом и местными жителями. Указанные негативные последствия интенсификации миграции являются результатом отсутствия адекватной современным вызовам и рискам миграционной политики в области интеграции мигрантов на уровне страны и дефицитом компетентных структур в регионах, способных ее реализовать. В российском законодательстве не обозначены механизмы полноценного включения мигрантов в социокультурную полиэтничную среду российского общества. Интеграция мигрантов регулируется косвенно, меры принимаются в целях корректировки их пребывания, но не имеют прямого воздействия на жизнь мигрантов и принимающего сообщества.

В эмпирическом плане данный параграф базируется на глубинном интервью представителей принимающего сообщества (8 информантов, наиболее часто взаимодействующих с мигрантами: жители многоквартирных домов, живущие по соседству с мигрантами, вахтер в общежитии Адыгейского государственного университета, в котором проживают мигранты, продавцы магазинов, жители г. Майкопа), а также мигрантов, прибывших на территорию Адыгеи из стран Центральной Азии (5 информантов). Качественное исследование направлено на углубленное изучение тех вопросов в области интеграции мигрантов в принимающее сообщество, которые фиксируют сложности интеграции по результатам анкетирования мигрантов и принимающего сообщества.

Глубинное интервью местных жителей позволило нам выделить три позиции по отношению к мигрантам: толерантное, нейтральное и негативное. Толерантное отношение характерно для 3 респондентов, 4 местных жителя к мигрантам относятся нейтрально, 1 участник интервью демонстрирует негативное отношение. Данная ситуация отражает неоднородность общественного мнения жителей Адыгеи по вопросам миграции и социокультурной интеграции мигрантов в поликультурное пространство принимающего региона.

Чем чаще общаются местные жители с мигрантами в ходе личного или профессионального общения, тем более позитивно они к ним настроены, дистанцированность порождает стереотипы, страхи и настороженное отношение.

Опыт взаимодействия с мигрантами:

- *«...мой последний контакт был с узбекским парнем в строительной бригаде - мы вместе делали ремонт в подъезде. Общались нормально, он даже помог объяснить соседке детали работы. В основном у нас рабочие контакты, но иногда встречаемся в магазине, здороваемся».*

- *«Последний раз общалась с таджикской женщиной в поликлинике - она убирала. Поздоровались, обменялись парой фраз. В основном контакты*

ситуативные - в магазине, в транспорте. Особых эмоций не испытываю - работают люди, и пусть работают».

- «...контакты в основном вынужденные - в магазинах, где они работают. Испытываю напряжение, особенно когда их много собирается вместе».

Жители республики солидарны в том, что мигранты заняты низкоквалифицированным трудом, который местные не хотят выполнять, но опасаются конкуренции и занижения зарплат. Страхи экономического характера требуют адресной работы с работодателями и мигрантами, так как они усиливают негативные установки по отношению к мигрантам.

Восприятие влияния миграции:

- «Конечно, они занимают определенные ниши на рынке труда, но это в основном те места, куда местные не особо стремятся - уборка, стройка, грузчики. Без них сейчас многие сферы встали бы. Да, зарплаты могут быть ниже, но проблема не в мигрантах, а в работодателях, которые этим пользуются».

- «С одной стороны, да, рабочие места они занимают, с другой - кто еще за такие деньги будет работать? Культурно особых изменений не замечаю. Не сказать, что это меня как-то беспокоит».

- «Они демпингуют зарплаты, это факт. Работодателям выгодно их нанимать за копейки, а наши остаются без работы. Культурно тоже негативно влияют - у них другие понятия о поведении, о семье. Боюсь, что наши традиции размываются».

Жители Адыгеи отмечают, что культурные особенности мигрантов, незнание русского языка и несоблюдение местных норм поведения являются значимыми барьерами для интеграции и источниками недоверия.

Толерантность и готовность к контактам:

- «Как сосед - почему нет? Главное, чтобы человек был порядочный. Национальность здесь не играет роли. В коллективе тоже нормально

работаю с людьми разных национальностей. А вот в семье... ну, это уже вопрос чувств, тут национальность вторична».

- «Как сосед - в принципе, нормально, если будет тихо жить и порядок соблюдать. В коллективе - зависит от человека и его квалификации. В семье - нет, это уже слишком, у нас разные традиции и ценности».

- «Соседом точно не хочу - у них шумно, неаккуратные они. В коллективе тоже предпочитаю работать со своими - проще понимать друг друга. А в семье - категорически нет, это же наши дети, наша культура».

Лояльные респонденты демонстрируют готовность к социокультурному диалогу, отмечая, что интеграция – это двусторонний процесс. Многие местные жители мало осведомлены о существующих программах поддержки мигрантов и не участвуют в них, что снижает эффективность интеграционных действий и усиливает социальную дистанцию.

Оценка интеграционных процессов:

- «Слышала о каких-то курсах русского языка, но не знаю, насколько они эффективны. Думаю, нужно больше программ для знакомства с нашей культурой, но и нам тоже надо быть более открытыми. Интеграция - процесс двусторонний».

- «Честно говоря, особо не интересовалась этим вопросом. Если есть программы - пускай есть. Главное, чтобы языковой барьер преодолевали и законы соблюдали. А так - каждый живет своей жизнью».

- «Какая интеграция? Они живут своими общинами, не хотят приспособливаться. Языка не учат толком, своих обычаев не меняют. Государство тратит деньги впустую на эти программы, лучше бы своим гражданам помогали».

Для успешной интеграции необходимы комплексные двусторонние меры, учитывающие экономические, культурные и социальные аспекты, а также активное вовлечение местных жителей в интеграционные процессы. Вот какими рекомендациями по интеграции мигрантов поделились респонденты:

- «Больше межкультурных мероприятий, где можно познакомиться в неформальной обстановке. И чтобы СМИ не только негатив показывали, а рассказывали о позитивных примерах. Готова участвовать в таких мероприятиях, если они будут интересными».

- «Не знаю... Наверное, лучше контроль за соблюдением законов. И чтобы количество не увеличивалось слишком сильно. А участвовать в каких-то специальных мероприятиях - нет, у меня своих дел хватает».

- «Ужесточить контроль и ограничить количество. Ввести жесткие требования по языку и поведению. И если не соблюдают - выдворять. Участвовать в каких-то совместных мероприятиях не буду - зачем? У нас и так проблем хватает».

Роль средств массовой информации и общественного дискурса в социокультурной интеграции мигрантов в поликультурное пространство региона переоценить сложно. Негативные стереотипы часто подпитываются односторонним освещением миграционных процессов в СМИ, что усиливает страхи и предубеждения.

Мы провели анализ репрезентации темы мигрантов в региональных средствах массовой информации Адыгеи за период 2019-2025 годы. За этот период мигранты в Адыгее рассматриваются через такие аспекты, как: экономико-демографический ресурс, культурно-историческая интеграция, социокультурная интеграция.

Миграция рассматривается в качестве способа компенсации естественной убыли населения и способа стимуляции развития экономики. В 2020 году на страницах газеты «Аргументы и факты»¹⁷¹ сообщалось о том, что миграционный прирост в Адыгее сдерживает естественную убыль населения. В «Советской Адыгее»¹⁷² в 2019 году опубликован материал о развитии

¹⁷¹ Население Республики Адыгея: численность, гендерная и возрастная структура, прогноз до 2024 года Аргументы и факты. 15 июля 2020. URL: <https://argumenti.ru/society/2020/07/676854> (дата обращения: 11.01.2025).

¹⁷² О миграции в цифрах и фактах. Интервью «СА» с заместителем руководителя Управления федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Адыгее /Советская Адыгея.15.03.2019. URL: <https://sovetskaya-adygeya.ru/2019/03/15/o-migratsii-v->

туризма и росте ВРП региона в связи с притоком трудовых ресурсов из Украины, Армении и Сирии. Привлекательность Адыгеи для мигрантов в разрезе климата, экологии и уровня доходов позиционируется платформой с открытыми данными и исследованиями по социальным проблемам в регионах России «Если быть точным»¹⁷³. В феврале 2025 года обсудили образ «законопослушных граждан» адыгов-репатриантов, возвратившихся на родину, и роль региональных властей и общественных организаций в интеграции мигрантов¹⁷⁴. В декабре 2024 года рейтинговое агентство «Эксперт»¹⁷⁵ опубликовало информацию о важности программ социокультурной интеграции для мигрантов в условиях кадрового дефицита (безработица <2% в трети регионов), а также о новшествах в миграционном законодательстве, упрощающих легализацию и трудоустройство.

Таким образом, фиксируем эволюцию дискурса: в 2020-2023 гг. в СМИ миграция рассматривается как инструмент баланса демографической ситуации, в 2024-2025 гг. акцент смещается на признание миграции в качестве ключевого фактора экономики и указывается необходимость системных мер по социокультурной интеграции мигрантов на фоне снижения потоков миграции в России. В СМИ Республики Адыгея мигранты позиционируются в качестве позитивного ресурса для демографии и экономики, с акцентом на репатриантов как символ исторической справедливости. Дискурс, сохраняя общий конструктивный тон, эволюционировал от статистического описания к прагматичному признанию необходимости интеграции.

tsifrakh-i-faktakh-intervyu-sa-s-zamestitelem-rukovoditelya-upravleniya-federalnoj-sluzhby-gosstatistiki-po-krasnodarskomu-krayu-i-adygee/ (дата обращения: 11.01.2025).

¹⁷³ Миграция в Республике Адыгея / Если быть точным. URL: <https://tochno.st/problems/migrants/regions/adygeya> (дата обращения: 11.01.2025).

¹⁷⁴ В Адыгее обсудили адаптацию репатриантов и новшества в миграционном законодательстве. / Советская Адыгея. 11.02.2025. URL: <https://sovetskaya-adygeya.ru/2025/02/11/v-adygee-obsudili-adaptaciju-repatriantov-i-novshestva-v-migracionnom-zakonodatelstve/> (дата обращения: 17.02.2025).

¹⁷⁵ Бухарский В., Тирских Т. Миграции населения в 2024 году: потоки ослабевают / Рейтинговое агентство «Эксперт». URL: https://raexpert.ru/researches/regions/migration_regions_2024/ (дата обращения: 17.02.2025).

В качестве информантов-мигрантов выступили мужчины, выполняющие низкоквалифицированный труд: таксисты, рабочие на стройке, рабочие автомойки. Следует отметить, что в отдельных случаях интервью проводилось с помощью переводчика, в качестве которого выступал товарищ информанта по выполняемой трудовой функции. Продолжительность глубинных интервью составляла порядка 60 минут, интервью было записано на диктофон, попытки записать высказывания информанта на бумаге приводили к отказу от интервью. При транскрибировании записи интервью речь информантов была трансформирована в правильную русскую речь.

В ходе интервью были заданы следующие блоки вопросов:

- социально-демографические характеристики информанта;
- мотивация миграции;
- проблемы, с которыми сталкивается мигрант в Адыгее;
- общение с родственниками и друзьями на родине и в России;
- взаимодействие с принимающим сообществом.

Все информанты в качестве мотива миграции обозначили улучшение своего финансового положения, возможность карьерного роста (живут в России более года).

Информант К: «...хочу остаться на постоянное жительство в России... найти хорошую работу... образование позволяет. На родине нужны большие деньги, чтобы найти хорошую работу...».

Информант Н: «...надо заработать денег... там мама и маленький братишка... надо помогать...».

Информант М: «...в прошлом году перевез сюда семью... жена тоже работает... в магазине».

Преобладающая часть информантов - выходцы из сельской местности, где очень сложно найти себе работу. Живут они в стране исхода на пособия, которые получают их родители (пенсии, пособия по инвалидности), иных способов, кроме миграции, для улучшения своего положения и положения своей семьи они не видят.

В ходе интервью выяснилось, что ответы информантов значительно отличаются от участников анкетирования, которые, по всей вероятности, дают социально одобряемые ответы на вопросы, не всегда отражающие реальное положение дел. Значительная часть респондентов массового опроса ответили, что русским языком владеют в достаточной мере, тогда как информанты обозначили тенденцию к минимизации контактов с принимающим сообществом.

Информант К: «...чаще общаюсь с продавцами в магазине и с органами власти. Работаю и живу по соседству с земляками, а с начальством на работе разговаривает наш старший...».

Таким образом, их общение с местными жителями носит ситуативный и вынужденный характер. Очень осторожно информанты говорят о сложностях во взаимодействии с официальными структурами. Однако их недовольство направлено не на всю систему (полиция, ФМС) правоохранительных органов или на все государство, а на конкретные случаи и конкретных людей.

Информант М: «...был случай... я работал целых два месяца, а зарплату мне не дали...».

Информант Д: «...полицейский оскорбил... чуркой назвал... они не должны так говорить...».

Информант Н: «...кто умеет говорить по-русски и с документами все хорошо, у того проблем не будет... бояться нечего».

Взаимодействие с местными жителями строится хорошо, в основном представители принимающего сообщества мигрантов как будто не замечают.

Информант Н: «...я говорю на русском... у меня есть друзья среди местных... я разговариваю с местными в магазинах и маршрутках... отвечают, улыбаются...».

Информант С: «...иногда не обращают на меня внимания... как будто я пустое место. Но это лучше, чем меня называют... обидными словами».

Информант К: «...квартиру отказали сдать, когда узнали, что я из Туркмении... обидно. Но так редко бывает... наши тоже иногда сами виноваты... ведут себя нехорошо, а местные потом всех нас винят в этом».

Информанты часто, один раз в день минимум, общаются со своими родственниками в стране исхода, используя современные средства связи. Ежедневно общаются с родственниками и друзьями в регионе пребывания. Общение в обоих случаях происходит на их родном языке. В случае возникновения неприятностей, они их не обсуждают с родственниками в стране исхода.

Информант Н: «...не хочу расстраивать родителей... о проблемах не говорю. Говорю, что все хорошо».

Но очень активно обсуждают все проблемные ситуации со своими друзьями и родственниками, находящимися в стране прибытия. Все эти проблемы являются общими для внешних мигрантов, и их обсуждение формирует вовлеченность и общность интересов и проблем. Однако информанты фиксируют поверхностность подобных обсуждений.

Информант С: «...а чего говорить долго... ничего не изменить... жив и здоров - это главное».

Намерения внешних мигрантов, проживающих на сегодняшний день на территории Республики Адыгея, направлены на то, чтобы остаться жить в России, а точнее - в Адыгее. Большинство из мигрантов хотели бы, чтобы их дети жили в России, в связи с чем стараются перевезти семьи в Адыгею, или мечтают об этом. Мигранты, проживающие в Адыгее, достаточно открыты, их контакты не ограничиваются только своими земляками. Уровень владения русским языком преобладающая часть внешних мигрантов оценивает как хорошее, что позволяет им более безболезненно интегрироваться в принимающее сообщество.

Российские исследователи В.Ю. Леденева и Л.А. Кононов выделяют следующие лучшие практики по интеграции внешних мигрантов, реализуемые различными субъектами Российской Федерации:

- места ожидания оформления документов оборудованы интерактивными зонами, информирующими мигрантов об интеграции иностранных граждан в принимающее сообщество (Республика Адыгея, г. Санкт-Петербург, Хабаровский край);

- создана интерактивная карта Мурманской области, на которой представлены краткие историко-культурологические справки о достопримечательностях, фото-, аудио-, видеоматериалы, 3D-экскурсии;

- публичные региональные библиотеки оборудованы информационно-справочными местами, адаптированными под запросы иностранных граждан: доступ для мигрантов к интернет-ресурсам, содержащим информацию о возможности культурного досуга, основные полезные сведения, краткие исторические справки, информацию об основах российского законодательства, культурных событиях, правилах поведения, порядке действий в экстремальных случаях (Кемеровская, Московская, Мурманская, Оренбургская области, Республики Коми, Мордовия, г. Санкт-Петербург);

- воскресные школы проводят работу с детьми мигрантов по изучению национальных языков, организации досуга (Республики Башкортостан, Удмуртская);

- организовано взаимодействие с мигрантами лидеров национальных общин и конфессий регионов в консультационном режиме при территориальных отделах федеральных органов исполнительной власти, главах администраций муниципальных районов и городских округов (Архангельская, Белгородская, Калужская, Кемеровская, Московская, Мурманская, Нижегородская, Новгородская, Омская, Рязанская, Тульская области; Республики Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Коми; Камчатский, Краснодарский края);

- в бюджеты отдельных субъектов РФ заложены субсидии, нацеленные на реализацию проектов и мероприятий по этнокультурному развитию, межнациональному сотрудничеству и укреплению единства российской нации для некоммерческих организаций (гранты для реализации социально-

культурных проектов и программ) (Республики Бурятия, Мордовия, Татарстан, Удмуртская; Алтайский, Камчатский, Ставропольский края; Костромская, Московская, Пензенская, Псковская, Ростовская, Ульяновская области; Ханты-Мансийский автономный округ);

- с целью интеграции мигрантов в принимающее сообщество Дома дружбы (Дома национальностей) организуют мероприятия в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, фестивали, Дни национальной культуры и литературы, работу творческих коллективов, совещания, семинары, конференции (Республики Башкортостан, Бурятия, Коми, Удмуртская, Чувашская; Костромская, Свердловская области; Красноярский, Ставропольский края);

- распространенным явлением в российских регионах стали единые миграционные центры, действующие по принципу «одного окна», основной задачей которых является реализация ключевых социально-юридических потребностей трудовых мигрантов (дактилоскопическая регистрация, медицинское обследование, оформление полиса медицинского страхования, тестирование по русскому языку, истории, основам законодательства России, перевод документов);

- подготовлены и распространяются в печатном виде или публикуются в журналах с привлечением местных экспертов в области миграционного законодательства, работодателей, представителей СМИ, социально ориентированных НКО, диаспоральных лидеров информационные материалы для мигрантов (памятки для прибывающих в регион иностранных граждан) (Республики Адыгея, Коми; Алтайский, Хабаровский края; Калужская, Кемеровская, Ленинградская, Омская, Смоленская, Ульяновская области; города Санкт-Петербург, Севастополь);

- используются современные коммуникационные средства в качестве трансляторов информации для мигрантов: сайты крупных национально-культурных общественных организаций, страницы наиболее крупных активно действующих организаций в социальных сетях, на которых размещаются

материалы (Алтайский, Краснодарский края; Кемеровская, Псковская, Тюменская области; города Санкт-Петербург, Севастополь);

- создана сеть общественных приемных, которые оказывают консультационные услуги мигрантам и членам их семей. Необходимая правовая, психологическая, медицинская, миграционная, образовательная помощь иностранным гражданам оказывается бесплатно (Амурская, Белгородская, Калужская, Кемеровская, Костромская, Ленинградская, Московская, Мурманская, Новгородская, Омская, Оренбургская, Псковская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Тамбовская, Тульская, Тюменская, Ульяновская области; Республики Башкортостан, Саха (Якутия); Забайкальский, Красноярский, Пермский, Ставропольский, Хабаровский края; г. Санкт-Петербург);

- созданы Центры тестирования на знание русского языка, истории и основ законодательства РФ (экзамены по русскому языку, истории России, основам российского законодательства) (Республики Адыгея, Алтай, Башкортостан, Бурятия; Амурская, Владимирская, Ивановская, Кемеровская, Тюменская, Ульяновская области; Красноярский край).

Это далеко не полный спектр действий в области миграционной политики, которые реализуются российскими регионами, и Республика Адыгея включена в эти процессы, но все же мы фиксируем, что все мероприятия направлены на работу с мигрантами с одной стороны, тогда как для успешности интеграции необходима вовлеченность и принимающего сообщества.

Считаем возможным отметить, что на сегодняшний день ни в Адыгее, ни в стране в целом нет системной и непротиворечивой практики регулирования интеграции мигрантов в принимающее сообщество. Большинство групп мигрантов сталкиваются с проявлениями недружелюбия со стороны коренного населения. Неквалифицированных рабочих упрекают в том, что их приток ведет к снижению уровня зарплаты и обострению конкуренции за рабочие места среди местных жителей.

Высококвалифицированные мигранты вызывают возмущение своим быстрым трудоустройством на хорошо оплачиваемые должности, что создает дополнительные вызовы для местного населения.

В существующем законодательстве в сфере миграции упор сделан на запретительные и ограничивающие меры, тогда как решение задачи привлечения иностранной рабочей силы, ее интеграции в принимающее сообщество невозможно без регулирующих и стимулирующих мер. Интеграция мигрантов в местное сообщество является одной из основных задач в управлении миграционной политики каждого принимающего сообщества. Дефицит четкой миграционной политики является одним из основных факторов, порождающих проблемы интеграции мигрантов. Органам государственной власти отводится большая роль в планировании условий для интеграции мигрантов, независимо от их временного или постоянного пребывания в стране. Во всех нормативных документах используется устоявшийся шаблон по социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов, однако наибольшее внимание уделяется адаптации, а процессы интеграции практически не рассматриваются, не детализируются. Не уделяется должного внимания принимающему сообществу, которому также необходимо пересмотреть свое отношение к внешним мигрантам на более лояльное. Планируемые меры по формированию лояльности к мигрантам по обыкновению носят формальный характер, так как органы власти всех уровней в большей степени заинтересованы в реализации мер по противодействию нелегальной миграции, напряженности в области межнациональных отношений и контролю над нелегальным оборотом наркотиков. А мигранты, приезжающие на территорию нашей страны, не являются однородной массой, они значительно отличаются друг от друга как страной происхождения, так и мотивами миграции, как следствие, и отношением к себе со стороны принимающего сообщества. Однако всех мигрантов объединяет необходимость инкорпорирования в отличную от их привычной среды общность и организации социального бытия по новым для

них принципам. В связи с этим при разработке программ интеграции в России в целом и в Республике Адыгея в частности должны обязательно учитываться различия стратегий интеграции мигрантов и поликультурные особенности принимающего сообщества.

Анализ, проведенный в диссертационном исследовании, позволяет заявить о том, что наиболее эффективной стратегией интеграции мигрантов в поликультурное пространство региона выступает такая стратегия, которая базируется на диалоге культур. Следует признать, что элементы этой стратегии реализуются в некоторых регионах России в виде отдельных проектов и программ, но пока они не достигли системной реализации на территории страны. В связи с чем считаем возможным предложить стратегию диалога культур для интеграции мигрантов в поликультурное пространство Адыгеи, которая базируется на следующих принципах:

1. Диалог культур опирается не просто на признание этнических, культурных, религиозных различий, а на направленное взаимное обогащение и трансформацию культурных идентичностей мигрантов и принимающего сообщества.

2. Интеграция как двусторонний процесс – адаптация мигрантов и готовность принимающего сообщества, направленный на межкультурное взаимодействие.

3. Сохранение этнокультурных особенностей мигрантов как ресурса для развития поликультурного пространства региона, которое играет роль не только социокультурного фактора, но и социально-политического ресурса, направленного на баланс между многообразием и единством национального пространства, что усиливает национальную идентичность через признание и интеграцию многообразия.

4. Обеспечение равного доступа мигрантов к ресурсам региона: социальным, культурным и экономическим - позволит предотвратить формирование этнических анклавов и маргинализацию мигрантов, что может

выступать основанием для возникновения социальной дезинтеграции мигрантов и ослаблению общенационального единства.

5. Запуск образовательных программ, нацеленных на изучение русского языка и культуры для мигрантов с учетом их культурного опыта; для местного населения – программы повышения межкультурной компетентности.

6. Организация и проведение систематических межкультурных мероприятий, фестивалей, круглых столов, направленных на знакомство и обмен опытом между этническими группами, мигрантами и местным населением.

7. Формирование позитивного образа мигрантов в СМИ и социальных сетях.

8. Систематический сбор данных о состоянии интеграции, межкультурных отношениях и эффективности реализуемых мер.

9. Ожидаемые результаты от реализации стратегии диалога культур:

- повышение уровня социальной сплоченности и снижение конфликтности в регионе;

- расширение возможностей мигрантов для участия в экономической, социальной и культурной жизни региона;

- формирование устойчивого поликультурного пространства, основанного на взаимном уважении и диалоге.

Заключение

Интеграция внешних мигрантов в поликультурное пространство Республики Адыгея представляется длительным и сложным процессом, в котором в качестве активных акторов выступают как внешние мигранты, так и представители принимающего сообщества. В ходе интеграции внешние мигранты включаются в различные объединения местных жителей и оказываются либо в ситуации диалога, либо в конфликтной ситуации с их представителями.

Полученные в работе результаты получены, благодаря выбранной нами теоретической основой исследования, а именно:

- концепции трех стадий миграции (установка, переселение, интеграция), позволившей рассмотреть интеграцию как динамический и поэтапный процесс, сопровождающийся трансформацией габитуса и социальных практик мигрантов;

- теории социальных полей Бурдьё, исходя из которой интеграция рассмотрена как борьбу за культурный, экономический и социальный капитал в условиях пересечения и взаимодействия различных социальных полей, а также как процесс трансформации габитуса мигрантов в новых для них социокультурных условиях;

- типологии интеграционных стратегий Дж. Берри, на основе которой был сделан вывод о том, что ассимиляция не обеспечивает устойчивого развития поликультурного общества, а мультикультурализм без диалога культур ведет к формированию замкнутых этнических анклавов;

- концепции В.И. Мукомеля, позволившей выявить наличие в российском обществе устойчивых опасений относительно размывания культурного ядра и угроз социальной стабильности, что провоцирует мигрантофобские настроения россиян. Новый уровень построения позитивного диалога в процессе интеграции мигрантов в большей мере находится в ресурсе именно поликультурных обществ.

Среди множества моделей, описывающих процесс интеграции мигрантов, актуальными являются те, что учитывают как культурные, так и структурные факторы интеграции. Результаты исследования выявили широкий спектр проблем, разрешение которых способствовало бы дальнейшей интеграции внешних мигрантов и гармонизации социально-культурных связей с местным населением Республики Адыгея. Принимающее сообщество в регионе является поликультурным, что с одной стороны осложняет интеграцию в него мигрантов, так как помимо культуры одного этноса (например, титульного - адыгского), необходимо усвоить принципы организации жизнедеятельности и других этнических групп, проживающих на территории республики.

В Адыгее действуют программы помощи мигрантам в изучении русского языка. Однако существует острая потребность создания инфраструктуры для стимулирования социокультурных взаимодействий мигрантов и местных жителей. Культурные мероприятия могут способствовать укреплению социальных связей и установлению новых взаимодействий между различными сообществами мигрантов и местных жителей.

Создание системы интеграции внешних мигрантов в Адыгее является одной из мер, необходимых для стимулирования экономического развития региона, а также для улучшения демографической ситуации в республике, что и будет способствовать благополучию населения в Республике Адыгея. Поддержка мигрантов в процессе интеграции предполагает помощь институтов гражданского общества. Правозащитные организации, а также образовательные и культурные мероприятия играют важную роль в процессе интеграции внешних мигрантов в поликультурное пространство республики.

Диссертационное исследование позволило выявить тот факт, что помимо ресурса компенсации естественной убыли населения и фактора, оздоравливающего экономику региона, миграция увеличивает этнокультурное разнообразие Адыгеи. Между мигрантами и принимающим сообществом

выявлена существенная культурная дистанция, что проявляется в ценностных различиях, языковых барьерах, иных нормах поведения и значительно затрудняет формирование единого социокультурного пространства. Отсутствие готовности к межкультурному диалогу как со стороны мигрантов, так и со стороны принимающего сообщества способствует формированию стереотипов, предрассудков.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что несмотря на наличие отдельных инициатив, существующие интеграционные стратегии носят фрагментарный и несистемный характер. Институциональные механизмы не всегда способны обеспечить успешность интеграции мигрантов, что способствует маргинализации и формированию этнокультурных анклавов. Что, с одной стороны, позволяет мигрантам сохранять свою идентичность и получать поддержку внутри группы, а с другой – препятствует их полноценной интеграции в региональный социум, снижает их социальную мобильность и увеличивает риски социальной напряжённости.

Таким образом, успешная интеграция мигрантов в поликультурное пространство российских регионов выступает стратегическим фактором обеспечения социальной стабильности, межкультурного диалога и устойчивого развития социума в условиях современных вызовов и рисков. Успешность интеграции требует комплексного подхода, не ставящего под сомнение важность национальной общероссийской идентичности, а напротив, рассматривающего интеграцию как процесс, поддерживающий и сохраняющий национальную идентичность при одновременном сохранении культурного многообразия и минимизации социальных рисков.

Список использованной литературы

1. Абашин, С.Н. Возвращение домой: семейные и миграционные сценарии в Узбекистане /С.Н. Абашин // *Ab Imperio*. - 2015. - № 3. - С. 155-165.
2. Абашин, С.Н. Интеграция vs транснационализм: миграционные стратегии жителей Центральной Азии /С.Н. Абашин // *Пути России. Война и мир*. Том XXII / М.Г. Пугачева, В.П. Жаркова (ред.). - СПб: Нестор-История, 2017.
3. Абашин, С.Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм / С.Н. Абашин // *Этнографическое обозрение*. - 2012. - № 4. - С. 3-13.
4. Агафонова, Е. А. Социокультурная интеграция мигрантов: современные вызовы и российская практика // *Социологические исследования*. – 2023. – № 4. – С. 78–89.
5. Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы: [монография] / В. И. Мукомель, К. С. Григорьева, Г. А. Монусова [и др.] ; отв. ред. В. И. Мукомель, К. С. Григорьева ; ФНИСЦ РАН. – М. : ФНИСЦ РАН, 2022. – 400 с.
6. Амелин, В.В. Социокультурная адаптация мигрантов в иноэтнической среде /В.В. Амелин, И.М. Бадыштова, С.В. Баранова. - Екатеринбург: УрФУ, 2018. - 198 с.
7. Амирханян, А.Г. Стратегии интеграции трудовых мигрантов в Приморском крае (на примере выходцев из Китая): дис. ... канд.социол.наук: 22.00.04 - Санкт-Петербургский государственный университет. - СПб, 2020. - 294 с.
8. Артемова, Е. В. Интеграция мигрантов в поликультурном пространстве российских городов // *Власть*. – 2024. – № 2. – С. 112–120.
9. Арутюнян, Ю.В., Многообразие культурной жизни народов СССР. / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева. - М., 1987.

10. Балдин, А.В. Общественное мнение и управление интеграцией мигрантов: дис. ... канд. социол. наук / А.В. Балдин. - Москва, 2024. - 160 с.
11. Барабанов, П. А. Формирование идентичности мигрантов в условиях мегаполиса // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2023. – № 1. – С. 56–67.
12. Бахтин, М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук /М.М. Бахтин. - СПб, 2000.
13. Бессонов, С. А. Социокультурная адаптация мигрантов: региональный аспект / С.А. Бессонов, А.В. Кузнецов // Региональные исследования. – 2022. – № 3. – С. 41–53.
14. Блантер, С. Социологические подходы к изучению миграции / С. Блантер, Н. Нагайцева // Методология и методы изучения миграционных процессов. Междисциплинарное учебное пособие. Под ред. Жанны Зайончковской, Ирины Молодиковой, Владимира Мукомеля. - М., 2007. - 370 с.
15. Бок, Ф. Культурный шок и адаптация мигрантов / Ф. Бок // Culture Shock: A Reader in Modern Cultural Anthropology. - New York : Holt, Rinehart and Winston, 1970. - P. 177–182.
16. Бочарова, И. Ю. Мультикультурная интеграция мигрантов: опыт российских регионов / И.Ю. Бочарова // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2023. – № 2. – С. 98–110.
17. Бражник, Г.В. Формирование и воспроизводство социального капитала сельского населения : диссертация ... кандидата социологических наук : 22.00.04 / Г.В. Бражник; [Место защиты: Белгород. гос. нац. исслед. ун-т]. - Белгород, 2014. - 212 с.
18. Бурдьё, П. Некоторые свойства полей / П. Бурдьё // Социология социального пространства / Пер. с фр. Н.А. Шматко. - Москва: Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 2007.
19. Бухарский, В. Миграции населения в 2024 году: потоки ослабевают / В. Бухарский, Т. Тирских / Рейтинговое агентство «Эксперт». -

URL: https://raexpert.ru/researches/regions/migration_regions_2024/ (дата обращения: 17.02.2025).

20. В Адыгее обсудили адаптацию репатриантов и новшества в миграционном законодательстве. / Советская Адыгея. 11.02.2025. - URL: <https://sovetskaya-adygeya.ru/2025/02/11/v-adygee-obsudili-adaptaciju-repatriantov-i-novshestva-v-migracionnom-zakonodatelstve/> (дата обращения: 17.02.2025).

21. Варава, Д. 65% респондентов считают межнациональные отношения в Адыгее стабильными / Д. Варава /«АиФ-Адыгея» №14. 06/04/2016. - URL: https://adigea.aif.ru/society/archive/65_respondentov_schitayut_mezhnacionalnye_otnosheniya_v_adygee_stabilnymi (дата обращения: 15.01.2025).

22. Варшавер, Е. Интеграция мигрантов через призму конструктивистского подхода к этничности/ Е. Варшавер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. - 2023. - № 25(2). - С. 377-396.

23. Варшавер, Е.А. Интеграция мигрантов второго поколения в возрасте 18-35 лет в России: результаты исследовательского проекта / Е.А. Варшавер, А.Л. Рочева, Н.С. Иванова // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. - 2019. - № 2. - С. 318-364.

24. Варшавер, Е.А. Интеграция мигрантов на местном уровне: результаты научно-практического проекта / Е.А. Варшавер, А.Л. Рочева, Н.С. Иванова // Социологические исследования. - 2017. - № 5. - С. 110-117.

25. Василенко, П.В. Зарубежные теории миграции населения /П.В. Василенко // Псковский регионологический журнал. - 2013. - № 16. - С. 36-42.

26. Вебер, М. Социология социального поведения / М. Вебер // Теория социальной адаптации в истории социологических учений / Электронный ресурс: CyberLeninka. — 2018. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idealnye-tipy-sotsialnogo-deystviya-m->

vebera-utopiya-ili-realnost-metodologiya-i-metodika-issledovaniy (дата обращения: 02.05.2025).

27. Возвратная миграция: международные подходы и региональные особенности Центральной Азии: учебное пособие / Под общей редакцией чл.корр. РАН, д.э.н. С.В. Рязанцева. - Алматы: Международная организация по миграции (МОМ) – Агентство ООН по миграции, 2020. - 242 с.

28. Воробьева, О. Д. Социокультурная интеграция мигрантов в образовательной среде / О.Д. Воробьева // Образование и наука. – 2023. – № 5. – С. 130–142.

29. Воронина, Н.С. Кто настроен против иммигрантов в России? Анализ некоторых социально-демографических характеристик / Н.С. Воронина, П.В. Фадеев // Вестник Института социологии. - 2020. - Том 11. - № 4. - С. 99-125.

30. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ): Russian Federation: WHO statistical profile. - URL: <https://www.who.int/data/gho/data/countries/country-details/GHO/russian-federation?countryProfileId=2f7b7c3b-9d3b-4f8f-9f7b-4a2e7e3b7d3e> (дата обращения: 24.05.2025).

31. Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году: [монография] / В. К. Левашов [и др.] ; отв. ред. В. К. Левашов, Г. В. Осипов, С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская; ФНИСЦ РАН. - М. : ФНИСЦ РАН, 2021. - 558 с.

32. Гольдин, Г.Г. Миграция и межэтнические отношения в современной России /Г.Г. Гольдин, Г.Ф. Морозова, А.Г. Осипов. - М.: Наука, 2012. - 312 с.

33. Градировский, С. Исторические типы СК-переработки /С. Градировский, Т. Лопухина. - URL: (<http://antropotok.archipelag.ru/text/a007.htm>) (дата обращения: 28.05.2023).

34. Григорьева, К. С. Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы / под ред. В. И. Мукомеля, К. С. Григорьевой. – М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2023. – 376 с.
35. Гужавина, Т. А. Адаптация мигрантов в принимающем социуме. Кейс армян в Вологодской области /Т.А. Гужавина, Э.М. Айрапетян // Научный результат. Социология и управление. - 2022. - Т. 8. - № 4. - С. 89-101.
36. Данилова, И. В. Поликультурность и интеграция мигрантов: социологический анализ / И.В. Данилова // Социальная политика и социология. – 2024. – № 1. – С. 45–57.
37. Демография /Федеральная служба государственной статистики. - URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 03.2023).
38. Денисенко, М.Б. Миграция и пандемия COVID-19: вызовы для России/ М.Б. Денисенко, В.И. Мукомель // Демографическое обозрение. – 2020. – Т. 7, № 3. – С. 6–27.
39. Денисенко, М.Б. Миграционные процессы в России: новые вызовы и ответы / М.Б. Денисенко, В.И. Мукомель // Социологические исследования. – 2022. – № 5. – С. 45–55.
40. Денисенко, М.Б. Миграционные тренды в России в условиях пандемии/ М.Б. Денисенко // Демографическое обозрение. – 2021. – Т. 8, № 1. – С. 15–29.
41. Денисенко, М.Б. Миграция и интеграция мигрантов в России: современные вызовы / М.Б. Денисенко, В.И. Мукомель // Социальная политика и социология. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 17–30.
42. Денисенко, М.Б. Миграция и интеграция: вызовы для российской идентичности / М.Б. Денисенко, В.И. Мукомель // Социальная политика и социология. – 2023. – Т. 22, № 3. – С. 11–23.
43. Денисенко, М.Б. Миграция и интеграция: вызовы для российской социальной политики / М.Б. Денисенко, В.И. Мукомель // Социальная политика и социология. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 24–37.

44. Денисенко, М.Б. Миграция и интеграция: новые вызовы для России / М.Б. Денисенко, В.И. Мукомель // Демографическое обозрение. – 2025. – Т. 10, № 1. – С. 20–34.
45. Денисенко, М.Б. Миграция, интеграция и социальная сплочённость в России / М.Б. Денисенко, В.И. Мукомель // Демографическое обозрение. – 2022. – Т. 9, № 2. – С. 33–48.
46. Денисенко, М.Б. Самочувствие трудовых мигрантов в период пандемии: российский кейс / М.Б. Денисенко, В.И. Мукомель // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. – 2021. – № 3. – С. 74–82. – DOI: 10.26653/2076-4650-2021-3-06.
47. Денисенко, М.Б. Трудовая миграция во время коронакризиса / М.Б. Денисенко, В.И. Мукомель // Эконс. Экономический разговор. – 2020. – URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/trudovaya-migratsiya-vo-vremya-koronakrizisa/> (дата обращения: 27.06.2022).
48. Денисова, Г.С. Региональная политика и управление этническими процессами в условиях миграции / Г.С. Денисова // Социологические исследования. - 2020. - № 7. - С. 23–34.
49. Джабаров, А.А. Интеграция мигрантов в российское общество: проблемы и перспективы / А.А. Джабаров // Социум и власть. – 2023. – № 6. – С. 123–135.
50. Джери, Д. Большой толковый социологический словарь: в 2 т./ Д. Джери, Дж. Джери. - Т. - 1. М., 1999.
51. Доклад о миграции в мире 2022. Международная Организация по Миграции (МОМ). – Женева, 2023.
52. Дробижева. Л.М. Процессы гражданской интеграции в полиэтническом российском обществе (Тенденции и проблемы) / Л.М. Дробижева // Общественные науки и современность. - 2008. - №2. - С. 69.
53. Думнова, Э.М. Теоретический дискурс по проблеме социокультурной адаптации мигрантов в современном мире / Э.М. Думнова, В.Н. Муха //

Идеи и идеалы. 2022. Т. 14, № 2, ч. 2. С. 380–394. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.2-380-394.

54. Дэвис, К. Социология демографического поведения / К. Дэвис // Социология сегодня [пер. с англ.]. - М., 1965.

55. Егорова, Л.В. Этнокультурная идентичность и интеграция мигрантов / Л.В. Егорова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2022. – № 4. – С. 77–89.

56. Жизненные силы человека: социальная метатеория или виталистская социологическая парадигма? / под ред. С. И. Григорьева, Л. Д. Деминой. - Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000.

57. Журавлева, И.В. Социокультурные барьеры интеграции мигрантов / И.В. Журавлева // Социальная интеграция и развитие общества. – 2022. – № 3. – С. 92–104.

58. Зайцева, Н.А. Миграция и поликультурность: вызовы для российской идентичности / Н.А. Зайцева // Социологический журнал. – 2024. – № 2. – С. 64–76.

59. Заславская, Т.И. Миграция населения между городом и селом / Т.И. Заславская, Л.В. Корель // Социологические исследования. - 1981. - №3. - С. 42 – 52.

60. Заславская, Т.И. Миграция сельского населения /Т.И. Заславская. – Новосибирск, 1966. - 232 с.

61. Заславская, Т.И. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе / Т.И. Заславская, Л.Л. Рыбаковский // Социологические исследования. - 1978. - № 1. - С. 56-65.

62. Зубок, Ю.А. Угрозы в трансформирующейся среде обитания как фактор социальных рисков: прогнозирование и регулирование / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Социологические исследования. - 2017. - № 5. - С. 57-67.

63. Иванова, М. А. Социокультурная интеграция трудовых мигрантов в России / М.А. Иванова // Демографическое обозрение. – 2023. – № 3. – С. 130–135.

64. Ивахнюк И.В. Некоторые методологические и практические вопросы политики интеграции мигрантов в России / И.В. Ивахнюк // Интеграция мигрантов: возможна ли она в современном обществе. - М.: МГУ, 2015. - С. 8–21.
65. Илимбетова, А.А. Глобальный процесс феминизации миграции / А.А. Илимбетова // Век глобализации. - 2013. - № 1. - С. 79–91.
66. Иммигранты в России: за и против /ВЦИОМ. - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigranty-v-rossii-za-i-protiv> (дата обращения: 18.10.2023).
67. Инглхарт, Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир /Р. Инглхарт. - М. : Мысль, 2018.
68. Иорданский, В. Глобальный этнический кризис, или сумерки разобщенности /В. Иорданский // Мировая экономика и международные отношения. - 1993. - №12. - С. 84. - URL:<https://www.isras.ru/publ.html?id=6477&ysclid=mcc6m1vicg115976723> (дата обращения: 10.10.2023).
69. Кайзер, М. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии)/ М. Кайзер, О.Е. Бредникова // Миграция и национальное государство / Под ред. Бараулиной Т. и Карпенко О. - СПб.: ЦНСИ, 2004. - С. 133-146.
70. Калимуллина, Л.Р. Законы Е.Г. Равенштайна в сфере объективных условий и субъективных факторов миграции: современная интерпретация / Л.Р. Калимуллина // Казанский педагогический журнал. - 2015. - № 5-1 (112). - С. 215-218.
71. Каргина, И.Г. Религия и конфликт: современные доминанты предметного поля социологического анализа / И.Г. Каргина // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. Материалы V Всероссийского социологического конгресса. - М.: Российское общество социологов, 2016. - С. 4814 - 4825.

72. Киселёва, Т.А. Интеграция мигрантов: сравнительный анализ российских и зарубежных моделей / Т.А. Киселева // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2024. – № 1. – С. 51–62.
73. Козлова, С.В. Миграция и интеграция: социокультурные аспекты /С.В. Козлова // Социология города. – 2023. – № 2. – С. 33–46.
74. Кондратьева, И.М. Поликультурная интеграция мигрантов: опыт и проблемы /И.М. Кондратьева // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 7. – С. 115–128.
75. Костенко, В.В. Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму / В.В. Костенко // Социология миграции. - М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. - С. 45–68.
76. Кочеткова, М.А. Социокультурная интеграция мигрантов в условиях мегаполиса /М.А. Кочеткова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Социология. – 2023. – № 3. – С. 101–113.
77. Кузнецов, И.М. Адаптационные стратегии мигрантов в условиях мегаполиса (на примере г. Москвы): автореф. дисс. к.соц.н. / И.М. Кузнецов // Официальный сайт ИС РАН. 2006. - URL:<http://www.isras.ru/publ.html?id=1840> (Дата обращения: 20.03.2020).
78. Кузьмина, О.А. Интеграция мигрантов в поликультурное пространство: социологический анализ /О.А. Кузьмина // Социальная политика и социология. – 2024. – № 2. – С. 80–92.
79. Кучеренко, А. Контроль над миграционными процессами в США: тенденции эволюции /А. Кучеренко // Мировая экономика и международные отношения. - 2009. - № 2. - С. 81.
80. Лебедева, Н.М. Взаимная аккультурация москвичей и мигрантов из республик Северного Кавказа и Закавказья: социально-психологический анализ /Н.М. Лебедева // В кн.: Молодые москвичи. Кросс-культурное исследование / Отв. ред.: М.Ю. Мартынова, Н.М. Лебедева. - М.: Издательство РУДН, 2008. - С. 307-347.

81. Лебедева, Н.М. Этнокультурная интеграция мигрантов: вызовы и решения / Н.М. Лебедева // Вестник Российского общества социологов. – 2023. – № 1. – С. 55–68.
82. Липатова, Т.Н. Критический реализм как методологическая основа миграционных исследований (на материалах зарубежных исследований) / Т.Н. Липатова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. - 2020. - № 4 (60). - С. 93–98.
83. Лисицын, П.П. Поиски равновесного состояния в миграционной теории / П.П. Лисицын, А.В. Резаев, А.М. Степанов // Экономическая социология. - 2024. - Т. 25. - № 1. - С. 137-160.
84. Лопатин, В.В. Русский толковый словарь / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. - М., 2002.
85. Лукьянова, С.В. Социокультурная адаптация мигрантов в России / С.В. Лукьянова // Социология власти. – 2022. – № 4. – С. 72–85.
86. Макарова, Е.В. Интеграция мигрантов в российское общество: социокультурные стратегии / Е.В. Макарова // Вестник Института социологии. – 2024. – № 3. – С. 99–112.
87. Маккензи, Р. Экологический подход к изучению человеческого сообщества / Р. Маккензи // Вопросы социальной теории. - 2008. - Т. II. - Вып. 1(2). - С. 232-246.
88. Мастикова, Н.С. Динамика отношения к миграции в России (по данным Европейского социального исследования за 2006–2016 гг.) / Н.С. Мастикова // Социологическая наука и социальная практика. - 2019. - Том. 7. - № 2. - С. 99-116.
89. Мастикова, Н.С. Изменения, привносимые мигрантами, и их оценка россиянами (по данным Европейского социального исследования) / Н.С. Мастикова // Общественные науки и современность. - 2019. - № 2. - С. 160 - 169.

90. Мاستикова, Н.С. Отношение к мигрантам в России: роль уровня религиозности и принадлежности к конфессии /Н.С. Мاستикова // Социологические исследования. - 2020. - № 4. - С. 147.

91. МВД России. О миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2024 года. - URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/30277983/> (дата обращения: 24.05.2025).

92. Международная организация по миграции. Доклад о миграции в мире 2024 года. – Женева: Международная организация по миграции, 2024. – 540 с. URL: <https://worldmigrationreport.iom.int/wmr-2024-interactive/> (дата обращения: 24.02.2025).

93. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура /Р. Мертон. – М.: АСТ, 2006. - 873 с.

94. Мигранты поставили рекорд по объему переводов на родину // Российская газета. — 2023. — URL: https://rggr.ru/novosti/migranty_postavili_rekord_po_obemu_perevodov_na_rodinu.html (дата обращения: 25.03.2025).

95. Миграция в Республике Адыгея / Если быть точным. - URL: <https://tochno.st/problems/migrants/regions/adygeya> (дата обращения: 11.01.2025).

96. Монусова, Г.А. Восприятие иммигрантов европейским общественным мнением /Г.А. Монусова // Мировая экономика и международные отношения. - 2016. - Т. 60. - № 11. - С. 58 - 70.

97. Монусова, Г.А. Отношение к мигрантам: мнения и сомнения россиян /Г.А. Монусова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. - 2021. - № 6. - С. 436 - 458.

98. Мукомель, В. И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики /В.И. Мукомель // Мир России. - 2011. - № 1. - С. 47.

99. Мукомель, В.И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль

принимающего общества / В.И. Мукомель // Россия реформирующаяся: ежегодник/ отв. ред. М.К. Горшков; Институт социологии РАН. - М.: Новый хронограф, 2016. - Вып. 14.

100. Мукомель, В.И. Ксенофобы и их антиподы: кто они? В.И. Мукомель // Мир России. - 2017. - Т. 26. - № 1. - С. 32–57.

101. Мукомель, В.И. Методические и практические аспекты изучения интеграции иммигрантов: специфика постсоветского пространства / В.И. Мукомель. - М.: Центр миграционных исследований, 2007.

102. Мукомель, В.И. Мигранты на российском рынке труда: адаптация, интеграция, дискриминация / В.И. Мукомель // Трудовая миграция на постсоветском пространстве: тренды, проблемы, возможности регулирования: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. И.В. Фроловой. – Уфа: Мир печати, 2017. – С. 18–35.

103. Мукомель, В.И. Миграционная политика России: Постсоветские контексты / В.И. Мукомель. – М.: Диполь-Т, 2005. – 351 с. – URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=230 (дата обращения: 27.09.2023).

104. Мукомель, В.И. Миграционная ситуация и мигранты в восприятии россиян / В.И. Мукомель // Вестник Российской нации. - 2021. - № 1 - 2. - С. 53 - 68.

105. Мукомель, В.И. Отношение россиян к мигрантам и миграции / В.И. Мукомель // ИНАБ №2. Социокультурные и социоструктурные факторы межэтнической напряжённости в регионах Российской Федерации: результаты исследования. - М.: Институт социологии РАН, 2016. - С. 50-65.

106. Мукомель, В.И. Региональные особенности интеграции внутрироссийских иноэтнических мигрантов / В.И. Мукомель // Федерализм. - 2018. - №2. - С. 141-160.

107. Мукомель, В.И. Трансформация трудовой миграции: социальные аспекты / В.И. Мукомель // Россия реформирующаяся. Вып. 11: Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. - М.: Новый хронограф, 2012.

108. Мчедлова, М.М. Социокультурные смыслы политики: новая логика интерпретации и религиозные референции / М.М. Мчедлова // Полис. Политические исследования. - 2016. - № 1. - С. 157 - 174.

109. Назарова, И.Б. Миграция и интеграция: социокультурные аспекты /И.Б. Назарова // Социальная политика и социология. – 2022. – № 1. – С. 39–51.

110. Население Адыгеи на 1 января 2025 года — 500 731 человек // Росстат. - URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Адыгеи (дата обращения: 24.05.2025).

111. Население Республики Адыгея: численность, гендерная и возрастная структура, прогноз до 2024 года Аргументы и факты. 15 июля 2020. - URL: <https://argumenti.ru/society/2020/07/676854> (дата обращения: 11.01.2025).

112. Николаева, Л.В. Социокультурная интеграция мигрантов: опыт российских регионов /Л.В. Николвева// Вестник Института социологии. – 2023. – № 2. – С. 88–100.

113. О миграции в цифрах и фактах. Интервью «СА» с заместителем руководителя Управления федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Адыгее /Советская Адыгея.15.03.2019. - URL: <https://sovetskaya-adygeya.ru/2019/03/15/o-migratsii-v-tsifrakh-i-faktakh-intervyu-sa-s-zamestitelem-rukovoditelya-upravleniya-federalnoj-sluzhby-gosstatistiki-po-krasnodarskomu-kraju-i-adygee/> (дата обращения: 11.01.2025).

114. О среднемесечной заработной плате работников в Республике Адыгея за май 2023 /Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея. - URL: <https://23.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 16.08.2024).

115. Оперативные данные Росстата за 2023–2024 годы. - URL: <https://rosstat.gov.ru/>(дата обращения: 24.05.2025).

116. Осипов, А.Г. Автономия, меньшинства и мультикультурализм: в чем смысл «правления многообразием»? / А.Г. Осипов // Мир России. - 2008. - №1. - С.109-110.

117. Осипова, Л.Н. Интеграция мигрантов в поликультурное пространство: проблемы и перспективы /Л.Н. Осипова // Социология города. – 2024. – № 1. – С. 73–85.

118. Павлова, Т.В. Социокультурная адаптация мигрантов: региональный опыт /Т.В. Павлова // Региональные исследования. – 2022. – № 4. – С. 56–69.

119. Пантелеева, М.В. Социокультурная интеграция мигрантов: современные вызовы / М.В. Пантелеева // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2024. – № 3. – С. 119–131.

120. Парк, Р. Э. Экология человека/ Р.Э. Парк // Теория общества. Под ред. А.Ф. Филиппова. - М., 1999. - С. 384–401.

121. Парк, Р.Э. Человеческая миграция и маргинальный человек /Р.Э. Парк // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. - 1998. - № 3. -С. 167–176.

122. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. - М.: Академический Проект, 2002. - 880 с.

123. Петров, В.Н. Толерантность и идентичность: взаимодействие этнических мигрантов и местного населения Краснодарского края /В.Н. Петров // Социологический журнал. - 2002. - № 4. - С. 110-120. - URL: <https://www.jour.fnisc.ru/upload/journals/1/articles/770/submission/original/770-1402-1-SM.pdf> (дата обращения: 12.07.2023).

124. Петрова, И. А. Социокультурная интеграция мигрантов в России: проблемы и решения /И.А. Петрова // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2023. – № 4. – С. 102–115.

125. Пономарёва, О.В. Интеграция мигрантов: российский опыт /О.В. Пономарева // Социальная интеграция и развитие общества. – 2022. – № 2. – С. 85–97.

126. Попова, Ю.А. Миграция как область междисциплинарных исследований в современной научной литературе /Ю.А. Попова // Социально-экономический и гуманитарный журнал. - 2022. - № 2. - С. 285–300.

127. Прогноз баланса трудовых ресурсов Республики Адыгея на 2025–2027 годы. - URL: https://zanad.ru/cms_data/usercontent/regionaleditor/%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA/2024/%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC.%D0%BE%D1%82%D0%B4%D0%B5%D0%B (дата обращения: 12.05.2025).

128. Равенство в семье: от деклараций - к реальности? /ВЦИОМ. - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ravenstvo-v-seme-ot-deklaracij-k-realnosti> (дата обращения: 28.04.2023).

129. Региональные особенности интеграции и идентичности внутрироссийских иноэтничных мигрантов // Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты: [монография] / Отв. ред. Л.М. Дробижева. – Москва: ФНИСЦ РАН, 2018. - С. 386-413.

130. Резаев, А. Транснациональные мигранты в пространстве современного города / А. Резаев, А. Степанов, П. Лисицын // Социологическое обозрение. - 2020. - Т. 19. - № 2. - С. 254–275.

131. Республика Адыгея в цифрах 2022 год /Федеральная служба государственной статистики. - URL: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/79_Республика_Адыгея_в_цифрах_2022.pdf (дата обращения: 05.2023).

132. Романова, Е.В. Социокультурная интеграция мигрантов: проблемы и перспективы /Е.В. Романова // Социологический журнал. – 2023. – № 3. – С. 77–89.

133. Российское общество и государство в условиях становления нового мирового порядка: демографическая ситуация в 2022 году : [монография] / С. В. Рязанцев [и др.] ; отв. ред. С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская ; ФНИСЦ РАН. - Москва : Проспект, 2023. - 448 с.

134. Росстат. Демографический ежегодник России. 2023: Стат. сб. – М.: Росстат, 2023. - URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 24.05.2025).

135. Росстат. Демографический ежегодник России. 2024: Статистический сборник. – М.: Росстат, 2024. – 624 с. - URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 24.05.2025).

136. Росстат. Демографический ежегодник России. 2025: Стат. сб. – М.: Росстат, 2025. - URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 24.05.2025).

137. Росстат. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Российской Федерации (2000–2023 гг.). - URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 24.05.2025).

138. Росстат. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2024 года - URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 24.05.2025).

139. Рыбаковский, Л.Л. История и теория миграции населения /Л.Л. Рыбаковский. Кн.3: Теория трех стадий. - М., 2007. - 240 с.

140. Рязанцев, С.В. Миграция в условиях глобализации / С. В. Рязанцев, В. В. Боженко // Народонаселение. - 2010. - № 4. - С. 70-82.

141. Савельева, Т.М. Интеграция мигрантов в поликультурном пространстве: социологический анализ /Т.М. Савельева // Вестник Российского общества социологов. – 2024. – № 2. – С. 101–113.

142. Савоскул, М.С. Стратегии адаптации этнических мигрантов в локальных сообществах /М.С. Савоскул // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. - 2011. - № 5(105). - С. 103-112.

143. Садохин, А.П. Межкультурная компетенция и компетентность в современной коммуникации (Опыт системного анализа) /А.П. Садохин // Общественные науки и современность. - 2008. - №3. - С.163.

144. Садырин, А.А. Создание и развитие инфраструктуры адаптации и интеграции мигрантов в сибирском городе (на примере Томска): дис. ... канд. социол. наук / А.А. Садырин. - Томск, 2024. - 180 с.

145. Саманчина, Ж.Б. Обзор концепций миграции, разработанных советскими и постсоветскими учеными /Ж.Б. Саманчина // Известия вузов. - 2012. - № 6. - С. 233-237.

146. Сердюков, К.Н. Основные парадигмы социологического подхода к исследованию миграционных процессов (часть 2) /К.Н. Сердюков // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. - 2018. - Т. 18, вып. 4. - С. 426 - 429.

147. Смирнов, С.Н. Миграционная привлекательность регионов России /С.Н. Смирнов // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 1. – С. 55–71.

148. Согрин, В.В. Новый образ Америки /В.В. Согрин // США -ЭПИ. - 1993. - №4. - С. 8 - 9.

149. Соловьёв, И.А. Механизмы адаптации и интеграции этнических мигрантов в региональные российские сообщества (на примере Северного Кавказа): дис. ... канд. социол. наук / И.А. Соловьёв. - Махачкала, 2022. - 210 с.

150. Соловьёва, А.А. Социокультурная интеграция мигрантов: вызовы и перспективы /А.А. Соловьёва // Социальная политика и социология. – 2023. – № 2. – С. 66–78.

151. Сорокина, Л.Н. Миграция и интеграция: социокультурные аспекты /Л.Н. Сорокина // Социология города. – 2022. – № 1. – С. 44–57.

152. Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. - М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. - 288 с.

153. Тишков, В. Культурное многообразие в современном мире /В. Тишков // URL: http://eawarn.ru/pub/Pubs/DialogueMulticulturalism/01_Tich.htm (дата обращения: 24.05.2023).

154. Токвиль, А. Демократия в Америке /А. Токвиль. - М.,1992.

155. Тоффлер, Э. Влияние технологических изменений на миграцию рабочей силы / Э. Тоффлер // Новая технократическая волна на Западе. - М.: Прогресс, 1986. - С. 45–67.

156. Трофимова, Н.В. Социокультурная интеграция мигрантов: опыт российских мегаполисов /Н.В. Трофимова // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2024. – № 4. – С. 109–121.

157. Трудовые иммигранты в России: вклад, положение, отношение /ВЦИОМ. - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trudovye-immigranty-v-rossii-vklad-polozhenie-otnoshenie>. (дата обращения: 29.08.2023).

158. Хараева, О.А. Рецензия на монографию «Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы» /О.А. Хараева // Демографическое обозрение. – 2023. – Т. 10, № 3. – С. 130–135.

159. Хорев, Б.С. Миграция населения: теория и практика исследования /Б.С. Хорев, В.А. Ионцев, М.Б. Денисенко. - М.: Наука, 1991. - 320 с.

160. Цзянь, Дань У. Успешность китайских мигрантов в России как результат интеграции: дис. ... канд. социол. наук / У. Дань Цзянь. - Москва, 2023. - 170 с.

161. Чабан, С.В. Социокультурная идентификация и интеграция этнических мигрантов в современной России /С.В. Чабан: дис. ... канд. социол. наук. – Москва, 2022. – 235 с.

162. Чикагская школа социологии: Сборник переводов / Под ред. Д.В. Ефременкова, сост. и пер. В.Г. Николаева. — М.: ИНИОН РАН, 2015. — 430 с.

163. Чудиновских, О.С. Измерение семейной миграции в России: источники данных и основные результаты /О.С. Чудиновских // Вопросы статистики. – 2020. – № 8. – С. 69–80. – URL: <https://voprstat.elpub.ru/jour/article/view/1156> (дата обращения: 27.03.2023).

164. Шевченко, Д.С. Интеграция мигрантов в российское общество: социокультурные аспекты /Д.С. Шевченко // Социология власти. – 2023. – № 2. – С. 91–104.

165. Штомпка, П. Социология социальных изменений /П. Штомпка / Пер. с англ. Под ред. В.А. Ядова. - М.: Аспект Пресс, 1996.

166. Щепаньский, Я. Элементарные понятия социологии /Я. Щепаньский. - М.: Прогресс, 1969.

167. Эндрюшко, А.А. Гендерные установки иммигрантов в России (на примере представлений о равенстве образовательных возможностей) /А.А. Эндрюшко //Вестник Санкт-Петербургского университета: Социология. – 2023. – Т.16. – Вып.1. - С. 65 – 80.

168. Эндрюшко, А.А. Интеграция мигрантов из постсоветских стран в России: сравнительный анализ: дис. ... канд. социол. наук / А.А. Эндрюшко. - Санкт-Петербург, 2024. - 150 с.

169. Юдина, Т.Н. Социология миграции: теория и современная практика /Т.Н. Юдина. - М.: Academia, 2005. - 272 с.

170. Юмагузин, В.В. Долгосрочный прогноз компенсаторной миграции в России /В.В. Юмагузин, М.В. Винник // Журнал Новой экономической ассоциации. - 2023. - № 1 (58). - С. 48 – 64.

171. Ager A., Strang A. Indicators of integration framework 2019 // Home Office, UK. – 2019. – 90 p. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/home-office-indicators-of-integration-framework-2019>

172. Ager A., Strang A. Understanding integration: A conceptual framework // Journal of Refugee Studies. – 2021. – Vol. 34, No. 2. – С. 156–175. – DOI: 10.1093/jrs/feaa081

173. Alba R., Foner N. Integration's challenges and opportunities in Western societies // Daedalus. – 2021. – Vol. 150, No. 2. – С. 25–39. – DOI: 10.1162/daed_a_01838

174. Baubick R. Democratic inclusion of migrants: Transnationalism and integration // Migration Studies. – 2022. – Vol. 10, No. 1. – С. 1–21. – DOI: 10.1093/migration/mnz039

175. Berasategi Sancho N., Eizaguirre Arrizabalaga A., Pozo Muñoz C. Socio-cultural integration of migrant youth: A longitudinal study // Children and Youth Services Review. – 2024. – Vol. 155. – 107008. – DOI: 10.1016/j.chilyouth.2023.107008

176. Berry J.W. Acculturation: A personal journey across cultures // International Journal of Intercultural Relations. – 2020. – Vol. 74. – С. 1–12. – DOI: 10.1016/j.ijintrel.2019.10.002

177. Berry J.W. Immigration, Acculturation, and Adaptation // Applied Psychology. - 1997. - Vol. 46(1). - P. 5–34.

178. Bertacchini E., Santagata W., Tavano Blessi G. Cultural participation and migrant integration: Empirical evidence from Europe // Social Indicators Research. – 2023. – Vol. 168, No. 1. – С. 123–145. – DOI: 10.1007/s11205-022-02923-4

179. Bilecen B., Faist T. Transnational social protection and the migration–development nexus // *Population, Space and Place*. – 2022. – Vol. 28, No. 2. – e2501. – DOI: 10.1002/psp.2501
180. Bloemraad I., Voss K., Lee T. Immigrant integration and policy in the United States and Western Europe // *Annual Review of Sociology*. – 2022. – Vol. 48. – C. 255–274. – DOI: 10.1146/annurev-soc-090921-072403
181. Boucher A., Gest J. Cross-national perspectives on immigrant integration policy // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2023. – Vol. 49, No. 6. – C. 1221–1240. – DOI: 10.1080/1369183X.2022.2100675
182. Castells, M. *Immigrant Workers and Class Structure in Western Europe*. - London: Oxford University Press, 1973. - 320 p.
183. Crul M., Schneider J. Integration and social mobility: The children of immigrants in Europe and the United States // *Annual Review of Sociology*. – 2020. – Vol. 46. – C. 369–387. – DOI: 10.1146/annurev-soc-121919-054852
184. D’Angelo A. Migrant integration and social cohesion in Europe // *Social Inclusion*. – 2021. – Vol. 9, No. 1. – C. 1–4. – DOI: 10.17645/si.v9i1.3996
185. Everett, Lee. *A Theory of Migration* / Lee Everett // *Demography*. - 1966 - Vol. 3 - № 1 - P. 47-57.
186. Favell A. Integration and nations: The nation-state and research on immigrants in Western Europe // *Annual Review of Sociology*. – 2021. – Vol. 47. – C. 215–232. – DOI: 10.1146/annurev-soc-090320-093324
187. Fleischmann F., Halm D. Migrant integration policies and their effectiveness: A comparative perspective // *Comparative Migration Studies*. – 2023. – Vol. 11, No. 1. – C. 1–20. – DOI: 10.1186/s40878-023-00346-7
188. Giovanis E., Ozdamar O. The socio-cultural integration of immigrants in Germany // *MPRA Paper*. – 2022. – № 115679. – C. 1–32. – URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/115679/1/MPRA_paper_115679.pdf
189. Grzymala-Kazłowska A. Social anchoring: Immigrant integration in a dynamic perspective // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2019. – Vol. 45, No. 2. – C. 297–315. – DOI: 10.1080/1369183X.2018.1451324

190. Huddleston T., Bilgili ?, Joki A.-L., Vankova Z. Migrant Integration Policy Index 2020 // Barcelona: CIDOB and MPG. – 2020. – 200 p. – URL: <https://www.mipex.eu/>
191. International Organization for Migration. World Migration Report 2024 [Electronic resource]. – Geneva: IOM, 2024. – 540 p. – Available at: <https://worldmigrationreport.iom.int/wmr-2024-interactive/> (accessed: 24.05.2025).
192. International Organization for Migration. World Migration Report 2024 [Electronic resource]. – Geneva: International Organization for Migration, 2024. – 540 p. – Available at: <https://worldmigrationreport.iom.int/wmr-2024-interactive/> (accessed: 24.02.2025).
193. Kivisto P. Multiculturalism, integration, and citizenship in Western societies // *Ethnic and Racial Studies*. – 2024. – Vol. 47, No. 6. – C. 1105–1123. – DOI: 10.1080/01419870.2023.2245678
194. Kogan I., Shen J. The educational integration of children of immigrants in European societies // *European Sociological Review*. – 2021. – Vol. 37, No. 2. – C. 161–179. – DOI: 10.1093/esr/jcab001
195. Korteweg A., Triadafilopoulos T. Multiculturalism and integration policies in Canada and Europe // *Canadian Journal of Political Science*. – 2021. – Vol. 54, No. 2. – C. 372–391. – DOI: 10.1017/S0008423921000297
196. Kymlicka W. The rise and fall of multiculturalism? New debates on inclusion and accommodation in diverse societies // *International Social Science Journal*. – 2020. – Vol. 70, No. 237–238. – C. 167–180. – DOI: 10.1111/issj.12254
197. Lebedeva N., Tatarko A. Multiculturalism and Immigration In Post-Soviet Russia // *European psychologist*. – 2013. - Vol. 18. - №. 3. - P. 169-179.
198. Lee E. A Theory of Migration // *Demography*. - 1966. - № 3. - P. 47–57.
199. Park R. E. Human Migration and the Marginal Man // *American Journal of Sociology*. - 1928. Vol. XXXIII. - №. 6. P. - 881–893.

200. Penninx R. Integration of migrants in Western Europe: Successes and failures // *International Migration*. – 2022. – Vol. 60, No. 1. – C. 12–29. – DOI: 10.1111/imig.12904

201. Phillimore J. Migrant integration and social resilience in multicultural societies // *Journal of International Migration and Integration*. – 2022. – Vol. 23, No. 3. – C. 785–803. – DOI: 10.1007/s12134-021-00872-5

202. Portes A., Zhou M. The new second generation: Segmented assimilation and its variants among children of immigrants // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 2021. – Vol. 697, No. 1. – C. 18–41. – DOI: 10.1177/00027162211028568

203. Ravenstein E. The Laws of Migration // *Journal of the Statistical Society*. - 1885. - № 46. - P. 167–235.

204. Rydell M. Language as a Key to Society? Perceptions of Language, Belonging and Integration among Migrants in Sweden // *Nordic Journal of Migration Research*. – 2024. – Vol. 14, No. 4. – C. 1–18. – DOI: 10.33134/njmr.668

205. Schunck R., Glorius B. Transnational migration and integration: New research perspectives // *International Migration Review*. – 2023. – Vol. 57, No. 2. – C. 345–367. – DOI: 10.1177/01979183221107248

206. Shamileva L.L. Modeling of population migrations in the area. Candidate's degree thesis in economy. - M., 1975.

207. Smith J., Brown L. Innovative education policy models for migrant integration: A comprehensive review // *World Journal of Advanced Research and Reviews*. – 2025. – Vol. 25, No. 1. – C. 45–62. – DOI: 10.30574/wjarr.2025.25.1.0305

208. Tilly C. Migration in Modern European History // In: Yans-McLaughlin, V. (ed.) *Immigration Reconsidered: History, Sociology, and Politics*. - New York: Oxford University Press, 1990. - P. 48–72.

209. Vertovec S. Super-diversity and its implications for integration policy // *Ethnic and Racial Studies*. – 2022. – Vol. 45, No. 4. – C. 567–586. – DOI: 10.1080/01419870.2021.2005678

210. Yuval-Davis N. Belonging and the politics of belonging: Migration and integration // Patterns of Prejudice. – 2020. – Vol. 54, No. 1–2. – C. 61–75. – DOI: 10.1080/0031322X.2020.1722727

211. Zapata-Barrero R. Multiculturalism and interculturalism: Debating the dividing lines // Ethnicities. – 2023. – Vol. 23, No. 1. – C. 3–22. – DOI: 10.1177/14687968221132456

«Особенности интеграции мигрантов в социокультурное пространство Республики Адыгея»

Республика Адыгея является одним из регионов России с устойчивым миграционным потоком, преимущественно из стран Центральной Азии. Исследование интеграции мигрантов в социокультурное пространство республики важно для понимания процессов интеграции, выявления барьеров и разработки эффективных мер поддержки.

Цель исследования: изучить особенности интеграции мигрантов в социокультурное пространство Адыгеи, выявить ключевые проблемы и факторы, влияющие на успешную адаптацию мигрантов и восприятие их местным населением.

Объект исследования:

- мигранты, проживающие в Республике Адыгея,
- местные жители, взаимодействующие с мигрантами.

Предмет исследования: социокультурные практики, установки, барьеры и стратегии интеграции мигрантов в принимающее сообщество Адыгеи.

Задачи исследования

4. проанализировать миграционные мотивации и ожидания мигрантов, проживающих в Адыгее.

5. исследовать формы и уровень взаимодействия мигрантов с местным населением.

6. выявить культурные, языковые и социальные барьеры интеграции.

7. оценить отношение местных жителей к мигрантам и их готовность к социокультурному диалогу.

8. сопоставить результаты с данными ВЦИОМ и другими российскими исследованиями.

Методы исследования и выборка

- Массовые социологические опросы:
- Опрос мигрантов в Адыгее, проведённый автором в 2023 году (n=400, выборка кованная (не менее 6 месяцев должны проживать на территории Адыгеи), погрешность $\pm 5\%$). Респонденты из Туркмении, Узбекистана, Сирии, Афганистана, Иордании, Азербайджана, Турции, Индии, Ирака, Замбии, Конго, Ганы, Коморских островов.
- Опрос местного населения Адыгеи, проведённый автором в 2022 году (n=400, случайная выборка, погрешность $\pm 5\%$). Респонденты проживают в городе (70,5%) и сельской местности (27,9%), включают русских, адыгов, армян и другие этносы.

Для проведения онлайн-опроса мы использовали Яндекс.Формы. После сбора данных с помощью онлайн-платформы, для обработки и анализа результатов использовали такой инструмент как Microsoft Excel — универсальный инструмент для первичной обработки, фильтрации, построения сводных таблиц и визуализации данных.

- Глубинные интервью:
- 8 информантов из принимающего сообщества, активно взаимодействующих с мигрантами (соседи, вахтёры, продавцы, жители Майкопа).
- 5 мигрантов из стран Центральной Азии, проживающих в Адыгее.

Мы проводили интервью в формате глубокого разговора, направленного на выявление ключевых проблем и особенностей исследуемой темы. В процессе интервью мы задавали открытые вопросы, чтобы получить развернутые ответы и понять контекст, а затем анализировали полученные данные для формирования выводов.

Несмотря на то, что большинство мигрантов владеют русским языком на хорошем уровне, некоторые вопросы требовали адаптации формулировок, чтобы избежать недопонимания и обеспечить комфортный диалог.

Мигранты опасаются обсуждать проблемы и негативный опыт, особенно связанные с властями или работодателями, чтобы не навредить себе или своим близким. Многие неохотно раскрывали личные трудности, предпочитая минимизировать негатив в разговоре.

- Вторичный анализ:
- Анализ данных ВЦИОМ по миграции и интеграции (опросы 2021–2023 гг.).
- Анализ статистических данных Росстата и МВД РФ.
- Сравнительный анализ с исследованиями Амирханяна А.Г. и Эндрюшко А.А.

Анкета (для местных жителей)

1. Как вы считаете, Адыгея нуждается в мигрантах?
 - Да, это рабочая сила, которой нам не хватает
 - Нет, мигранты занимают рабочие места местных
 - Смотря какой сферы деятельности
 - Я думаю, что мы не против мигрантов
 - Нейтрально
 - Я не против, не считаю их рабочей силой
2. Как бы вы отнеслись к соседям-мигрантам из другой страны?
 - Хорошо
 - Плохо
 - Нейтрально
 - Нормально, если они не устраивают беспорядки
 - Если адекватные мигранты — то хорошо, если хамы и нахалы — то плохо
 - Их стало очень много
 - Смотря как они себя ведут
3. Какие эмоции вы испытываете, контактируя с мигрантами, выходцами из другой страны?
 - Равнодушие
 - Агрессия и нервозность
 - Радость от экзотики
 - Никаких особенных, как и от общения с местными
 - К мирным мигрантам отношусь хорошо
 - Непонимание
4. Где вы чаще всего встречаетесь с мигрантами, выходцами из другой страны? ^[SEP](Можно выбрать несколько вариантов)
 - В транспорте
 - В магазинах, на рынках
 - В сфере услуг (уборщики, дворники и др.)
 - В учебных заведениях
 - На работе
 - На улице
 - В кафе, ресторанах
 - Везде
5. Преимущества наличия мигрантов в Адыгее: ^[SEP](Можно выбрать несколько вариантов)
 - Культурное многообразие
 - Личностное обогащение
 - Получение знаний и опыта
 - Нет преимуществ
 - Дешевая рабочая сила
 - Заставляет быть более терпимыми
6. Что вы знаете о культуре мигрантов? ^[SEP](Можно выбрать несколько вариантов)

- Я практически ничего не знаю
- Нет, я никогда не был(а) погружён(а) в их культуру
- Вообще не разбираюсь
- Я не особо интересовался их культурой
- Знаю очень хорошо

7. Как вы считаете, дети мигрантов должны учиться в школе с детьми местных жителей?

- Да
- Да, если они хорошо знают русский язык
- Нет
- Они такие же дети, не вижу разницы
- Если их родители платят налоги, а дети учатся — почему нет
- Да, но для них это будет тяжело
- Дети не должны страдать

8. Как вы считаете, преступность связана с наличием в Адыгее мигрантов?

- Да, они увеличивают количество преступлений
- Нет, они законопослушны
- Не знаю
- Тут нельзя однозначно ответить
- Преступность зависит не от того, мигрант человек или нет

9. Вы хотели бы сменить место жительства и стать мигрантом?

- Хочу переехать туда, где лучше условия жизни
- Хочу переехать туда, где лучше климат
- Да, в поисках работы
- Всё нравится, устраивают условия жизни
- Это моя родина, живу здесь всю жизнь
- Нет, везде одинаково
- Нет, но хотел бы увеличение зарплаты
- Нет

10. Вы бы одобрили брак вашего ребенка с мигрантом?

- Да
- Нет
- Не знаю
- Это его/её выбор

11. Должны ли мигранты следовать традициям и обычаям принимающего сообщества?

- Да, обязательно
- Нет, у них есть свои
- Нет, но знать и уважать обязаны

12. Приобрела ли Адыгея в культурном плане что-либо от мигрантов?

- Да, культурное многообразие — это замечательно
- Нет, жители Адыгеи самодостаточны в культурном плане
- Возможно
- Затрудняюсь ответить

- Не знаю
13. Укажите Ваш пол:
- Мужчина
 - Женщина
14. Укажите Ваш возраст:
- 18–35 лет
 - 36–50 лет
 - 51–70 лет
 - Старше 71 года
15. Вы проживаете в:
- Городе
 - Сельской местности
16. Укажите уровень вашего образования:
- Общее среднее (школа)
 - Среднее профессиональное (колледж, техникум, училище)
 - Высшее
17. Семейное положение:
- Женат/замужем
 - Разведён(а)
 - Не женат/не замужем
 - Вдова/вдовец
18. Вы трудоустроены по специальности?
- Да
 - Нет
 - Пенсионер
 - Учусь
19. Как вы оцениваете уровень вашего достатка?
- Средний, на жизнь хватает
 - Высокий, могу себе позволить крупные приобретения, отдых
 - Низкий, всё печально
 - Я богат
 - Я студент, живу на стипендию
 - Могло бы быть и получше

АНКЕТА (для мигрантов)

1. Гражданином какой страны вы являетесь?
 - Россия
 - Другая страна (указать)
 - Лицо без гражданства
2. Укажите вашу религиозную принадлежность
 - Ислам
 - Христианство
 - Иудаизм
 - Буддизм
 - Атеизм
 - Другое (указать)
3. Укажите уровень образования
 - Нет образования
 - Начальное
 - Среднее
 - Среднее специальное
 - Высшее
4. Укажите ваш пол
 - Мужской
 - Женский
5. Как долго вы живете в России?
 - Менее 1 года
 - 1–3 года
 - 4–6 лет
 - Более 6 лет
6. В который раз вы приехали в Россию?
 - В первый раз
 - Во второй раз
 - Третий раз и более
7. Вы выезжаете на Родину для участия в семейных торжествах?
 - Да, регулярно
 - Иногда
 - Нет
8. В России вы работаете официально?
 - Да
 - Нет
9. Хотели бы вы стать "своим" в Адыгее?
 - Да
 - Нет
 - Затрудняюсь ответить
10. Вы трудоустроены по вашей специальности?
 - Да, полностью
 - Частично
 - Нет

11. Вы работаете в России, потому что на вашей родине:
- Нет работы
 - Низкая зарплата
 - Нет перспектив
 - Другое (указать)
12. У вас остались родственники в стране, из которой вы приехали?
- Да, родители
 - Да, братья/сёстры
 - Да, другие родственники
 - Нет
13. Как часто вы общаетесь с родственниками на родине по телефону/интернету?
- Ежедневно
 - Несколько раз в неделю
 - Раз в месяц
 - Реже
14. Какова причина вашего приезда в Россию?
- Работа
 - Учёба
 - Воссоединение с семьёй
 - Беженство
 - Другое (указать)
15. Какую сумму каждый месяц вы отправляете родственникам на Родину?
- Не отправляю
 - До 5 000 руб.
 - 5 000–10 000 руб.
 - Более 10 000 руб.
16. Вы рассматриваете возможность вступления в брак в России?
- Да
 - Нет
 - Затрудняюсь ответить
17. Как вы считаете, женщина может зарабатывать больше своего мужа, занимать руководящую должность?
- Да
 - Нет
 - Затрудняюсь ответить
18. Как вы считаете, высшее образование больше нужно:
- Мужчинам
 - Женщинам
 - Одинаково всем
19. Вы общаетесь с представителями своей родины, проживающими в России?
- Да, часто
 - Иногда

- Нет
20. Вы пользуетесь услугами здравоохранения в России?
- Да, регулярно
 - Иногда
 - Нет
21. Уровень медицины в вашей родной стране:
- Высокий
 - Средний
 - Низкий
22. Сталкиваетесь ли Вы с проблемами при общении с местными жителями?
- Да, часто
 - Иногда
 - Нет
23. Удовлетворены ли Вы своей жизнью в целом?
- Да, полностью
 - Скорее да
 - Скорее нет
 - Нет
24. Какие характеристики свойственны жителям Адыгеи? (можно выбрать несколько вариантов)
- Гостеприимство
 - Доброжелательность
 - Замкнутость
 - Трудолюбие
 - Другое (указать)
25. Охарактеризуйте свои взаимоотношения с местными жителями (можно выбрать несколько вариантов)
- Дружеские
 - Деловые
 - Формальные
 - Отсутствуют
 - Конфликтные
26. Укажите степень владения русским языком
- Свободно
 - Хорошо
 - Удовлетворительно
 - Плохо
 - Не владею

ГАЙД интервью с мигрантами

1. Мотивация и причины миграции

• Почему вы решили переехать в Россию/Адыгею? Какие основные причины повлияли на ваше решение?

• Какие цели вы ставили перед собой при переезде (финансовые, образовательные, карьерные)?

• Как к вашему решению отнеслись члены вашей семьи и близкие? Были ли разногласия или поддержка?

2. Ожидания и реальность

• Какие ожидания у вас были до переезда? Насколько они совпали с реальностью?

• С какими трудностями вы столкнулись на этапе переезда и в первые месяцы жизни в Адыгее?

• Что оказалось самым сложным в адаптации?

3. Трудовая деятельность и условия работы

• Где вы работаете сейчас? Как вы нашли эту работу?

• Устраивает ли вас уровень заработной платы и условия труда? Почему?

• Были ли случаи задержки или невыплаты зарплаты? Как вы решали такие ситуации?

• Какие перспективы карьерного роста вы видите для себя в Адыгее?

4. Взаимоотношения с местными жителями

• Как складываются ваши отношения с местными жителями? С какими трудностями или положительными моментами вы сталкивались?

• Были ли случаи дискриминации или предвзятого отношения? Как вы реагировали на такие ситуации?

• Есть ли у вас друзья среди местных жителей? Как вы с ними познакомились?

5. Языковой и культурный барьер

• Как вы оцениваете свой уровень владения русским языком? Было ли сложно учить язык?

• В каких ситуациях вы чаще всего используете родной язык, а в каких — русский?

• Какие культурные различия между вашей страной и Адыгеей вы заметили? Как вы к ним относитесь?

6. Социальная поддержка и интеграция

• Получали ли вы какую-либо помощь или поддержку от местных организаций, властей, земляков?

• Знаете ли вы о программах поддержки мигрантов в регионе? Пользовались ли ими?

• Как вы считаете, что могло бы облегчить интеграцию мигрантов в местное сообщество?

7. Семья и планы на будущее

- Проживает ли ваша семья с вами в Адыгее? Если нет, планируете ли вы их перевезти?
 - Какие у вас планы на будущее: остаться в Адыгее, вернуться на родину или переехать в другой регион/страну?
 - Хотели бы вы, чтобы ваши дети жили и учились в России? Почему?
8. Внутренние переживания и коммуникация
- С кем вы обсуждаете возникающие трудности и проблемы — с родственниками на родине или с друзьями здесь?
 - Открыто ли вы делитесь своими переживаниями с семьёй? Почему да или нет?
 - Как вы справляетесь с эмоциональными трудностями и стрессом?
9. Оценка принимающего сообщества
- Как вы оцениваете отношение местных жителей к мигрантам в целом?
 - Что, по вашему мнению, могло бы улучшить взаимопонимание между мигрантами и местными жителями?
 - Какие советы вы бы дали новым мигрантам, приезжающим в Адыгею?

ГАЙД интервью с местными жителями

1. Восприятие мигрантов и гостеприимство

- Как вы оцениваете гостеприимство жителей Адыгеи? Считаете ли вы это важной чертой местного сообщества?

- Как вы относитесь к возможности жить по соседству с мигрантами?

Почему?

- Какие качества мигрантов для вас наиболее важны при соседстве (поведение, уважение к порядку и т.д.)?

- Испытываете ли вы какие-либо эмоции при общении с мигрантами?

Если да, то какие?

2. Опыт взаимодействия с мигрантами

- Расскажите о вашем последнем контакте с мигрантом. В какой ситуации это произошло?

- Как вы обычно взаимодействуете с мигрантами (на работе, в быту, в общественных местах)?

- Какие эмоции вызывает у вас такое общение? Почему?

3. Экономические аспекты и рынок труда

- Как вы считаете, какую роль играют мигранты на рынке труда в Адыгее?

- Есть ли у вас опасения по поводу конкуренции за рабочие места или снижения зарплат из-за мигрантов?

- Как, по вашему мнению, работодатели влияют на ситуацию с мигрантами и местными работниками?

4. Культурные барьеры и интеграция

- Какие культурные различия между местными жителями и мигрантами вы замечаете?

- Насколько важным вы считаете знание русского языка и соблюдение местных норм поведения для интеграции мигрантов?

- Какие барьеры, по вашему мнению, мешают успешной интеграции мигрантов?

5. Толерантность и готовность к контактам

- Как вы относитесь к мигрантам в роли соседей, коллег, членов семьи?

- В каких сферах (быт, работа, семья) вы готовы к более тесному взаимодействию с мигрантами, а в каких — нет? Почему?

- Что для вас важнее — национальность или личные качества человека?

6. Оценка интеграционных программ

- Знаете ли вы о существующих программах поддержки и интеграции мигрантов в регионе?

- Как вы оцениваете их эффективность? Почему?

- Какие меры, на ваш взгляд, могли бы способствовать лучшей интеграции мигрантов?

7. Рекомендации и ожидания

- Какие мероприятия или инициативы могли бы, по вашему мнению, способствовать сближению местных жителей и мигрантов?

- Готовы ли вы лично участвовать в межкультурных мероприятиях? Почему да или нет?

- Какие требования к мигрантам вы считаете необходимыми для успешной интеграции (знание языка, соблюдение законов, культурные нормы и т.д.)?

- Какую роль, по вашему мнению, должны играть СМИ в формировании образа мигрантов?